

ТЗ(2)622

П159

ПАМ'ЯТЬ

ИЗБРАННОЕ

ВИКЛАДАЧАМ ТА СТУДЕНТАМ
НАШОГО ВУЗУ ЯКІ ПОЛЯГЛИ У БОЯХ
ЗА СВОБОДУ І НЕЗАЛЕЖНІСТЬ
ВІТЧИЗНИ
1941-1945

Бегішев Ісхаак
Гавринок микола
Дойнов Дмитро
Дубінін Павло
Жагло Павло
КАСТРИКІНА НАПІТАЛІНА
Кільчевський Олександр
Коваль Василь
КОПОМІЄЦЬ АНАТОЛІЙ
КОСТЕЦЬКИЙ ВАДИМ ІВАНОВИЧ
Лиховіцер Семен
МАРЧЕНКО МАРК АКСЕНТІЙОВИЧ
Марченко Володимир
МАТВІЄНКО ЛІДІЯ
МСТИСЛАВСЬКИЙ ІСААК
Полончук Зінаїда
ПРИДАТЬКО ДМИТРО
САВЧЕНКО ВОЛОДИМИР
СМІЩЕНКО ПАВЛО
СОЛОВІОВ ПЕТРО
ТАРНОВСЬКИЙ СТЕПАН
ХОПОД ТРОХИМ
Хотелєв Георгій
ЯСВІН МИКОЛА

ВОСПОМИНАНИЯ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ

1941-1945 годы

СПАВА ГЕРОІВ

ДОНЕЦКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ПРОФСОЮЗА
РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ПРОФСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ РАБОТНИКОВ
ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
СОВЕТ ВЕТЕРАНОВ
ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПАМЯТЬ

Воспоминания работников
Донецкого национального университета
о Великой Отечественной войне
1941–1945 годы

Избранное

Донецк
Юго-Восток
2011

У збірник, який присвячено 66-річниці Перемоги у Великій Вітчизняній війні, увійшли спогади працівників Донецького національного університету, які розповідають про вогненні роки війни, жорстокість фашизму, про героїчний подвиг воїнів, про долі дорослих і дітей, які залишились в окупації, були вигнані до Німеччини, про їхню самовіддану працю в тилу.

Редакционная коллегия:

Подмарков В. И. — председатель профкома работников, доцент;

Бут А. Н. — профессор кафедры славян;

Гнеденко Л. В. — член ветеранской организации;

Медведкина Т. А. — старший преподаватель кафедры лингводидактики;

Шабельников В. И. — председатель ветеранской организации, профессор

Составители:

Бут А. Н. — профессор кафедры славян;

Подмарков В. И. — председатель профкома работников, доцент;

Шабельников В. И. — председатель ветеранской организации, профессор

Ответственный за выпуск **Подмарков В. И.**

Память. Воспоминания работников Донецкого национального университета о Великой Отечественной войне 1941–1945 годы. Избранное / ред. кол. : В. И. Подмарков и др. ; вступ. стат. В. И. Подмарков. — Донецк : Юго-Восток, 2011. — 318 с.

В сборник, посвященный 66-годовщине Победы в Великой Отечественной войне, вошли воспоминания работников Донецкого национального университета, которые рассказывают об огненных годах войны, жестокости фашизма, о героическом подвиге воинов, о доле взрослых и детей, оказавшихся в оккупации, угнанных в Германию, об их самоотверженном труде в тылу.

ББК ТЗ(2)622.013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
-------------------	---

ЗА ОТЕЧЕСТВО, НЕ ЩАДЯ ЖИЗНИ ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ	13
--	-----------

<i>Пономаренко Григорий Яковлевич</i> ДОРОГАМИ ВОЕННЫХ ЛЕТ (1941–1945 ГГ.)	14
---	----

<i>Бабенко Анна Ивановна</i> НЕЦЕЛОВАННОЕ ПОКОЛЕНИЕ	25
--	----

<i>Близнюк Василий Федорович</i> СТУДЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА СТАЛИНСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА — В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	28
---	----

<i>Гускина Людмила Ивановна</i> МОСТЫ... МОСТЫ, ДОРОГИ...	36
--	----

<i>Диченсков Михаил Павлович</i> НА ЗАПАДНОМ БУГЕ	38
--	----

<i>Егоров Иван Фадеевич</i> КАЖДУЮ НОЧЬ ЛЮДЕЙ УВОДИЛИ НА РАССТРЕЛ	40
--	----

<i>Елизаров Владимир Павлович</i> ВАЖНЫЙ ЭТАП ПУТИ К ПОБЕДЕ НАД ФАШИЗМОМ	43
---	----

<i>Земнухов Александр Александрович</i> БОЛЬ ВЕТЕРАНА	46
--	----

<i>Ивакин Федор Фролович</i> БОЙЦАМ НЕВИДИМОГО ФРОНТА ПОСВЯЩАЕТСЯ	50
--	----

<i>Казанцев Александр Никитович</i> ПОБЕДА — ЭТО ТЫСЯЧИ И ТЫСЯЧИ ПОДВИГОВ	53
--	----

<i>Косенко Николай Иванович</i> В ВОЗДУХЕ ШЛИ ИНТЕНСИВНЫЕ БОИ	55
--	----

<i>Космодамианский Александр Сергеевич</i> «РАЗРЕШИТЕ — Я!»	57
--	----

<i>Кошкарев Александр Петрович</i> «Я — ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ»	60
<i>Ларионов Эдуард Андреевич</i> «22-ГО ИЮНЯ РОВНО В ЧЕТЫРЕ УТРА...»	63
<i>Лемешко Иван Григорьевич</i> ТРЕВОЖНОЕ ЛЕТО 1941-ГО...	66
<i>Лукин Михаил Федорович</i> НАШИ СОЛДАТЫ ЗА СЛАВОЙ НЕ ГНАЛИСЬ	70
<i>Ляшко Иван Семенович</i> МОЙ НОМЕР 3363	72
<i>Нестеренко Михаил Афанасиевич</i> ОПЕРАЦИЯ В МУКДЕНЕ	74
В НЕБЕ КОРЕИ	76
<i>Никифорова Анна Александровна</i> ПО ЗОВУ СЕРДЦА	80
<i>Петренко Василий Иванович</i> БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	82
<i>Романенко Алексей Иванович</i> МОЯ ВОЙНА	92
<i>Тимченко Иван Егорович</i> НА ПЛАЦДАРМАХ СЕВЕРНЕЕ ВАРШАВЫ	95
<i>Фонарев Леонид Романович</i> С БОЯМИ МЫ ДОШЛИ ДО ПРАГИ	100
<i>Шаповалов Тихон Алексеевич</i> РЕБЯТА РВАЛИСЬ В БОЙ...	102
В ПАМЯТЬ О В. Н. МЕЛЬНИКОВЕ	104
С ВЕРОЙ В ПОБЕДУ. В ТЫЛУ, В ОККУПАЦИИ, В ИЗГНАНИИ ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ	105
<i>Дебелый Анатолий Евграфович</i> ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ	106
<i>Заблоцкий Арсен Яковлевич</i> ТАК БЫЛО	116
<i>Кобзий Надежда Александровна</i> Я ВИДЕЛА СМЕРТЬ	120

<i>Кошка Валентина Андреевна</i> САМОЕ СТРАШНОЕ — ГОЛОД	122
<i>Курдюмова Елена Андреевна</i> НА ФРОНТЕ ТРУДОВОМ	126
<i>Лефтеренко Валентина Федоровна</i> НЕПОКОРЕННЫЕ	130
<i>Лихолобова Зоя Григорьевна</i> ПАМЯТНЫЕ ЭПИЗОДЫ	133
<i>Оболоник Василий Яковлевич</i> Я ПОМНЮ ВСЕХ ОДНОСЕЛЬЧАН, НЕ ВЕРНУВШИХСЯ С ВОЙНЫ	137
<i>Паршиков Алексей Матвеевич</i> Я БЫЛ РАНЕН В ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ	139
<i>Певный Сергей Александрович</i> ЦЕНА ЖИЗНИ	142
<i>Писаревская Надежда Михайловна</i> (девичья фамилия Калениченко) ЖИЗНЬ В ОККУПАЦИИ	145
<i>Рева Надежда Никифоровна</i> (девичья фамилия Коваль) НАЕДИНЕ С БЕДОЙ	148
<i>Середин Валентин Алексеевич</i> В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ	150
<i>Сильченко Лидия Кузьминична</i> ДЕТСТВО УКРАЛА ВОЙНА	152
<i>Синельщикова Зоя Ильинична</i> ЭХО ВОЙНЫ	156
<i>Слюсаревская Елена Ивановна</i> ДЛИННАЯ ДОРОГА. СТАЛИНО — БОХУМ	158
<i>Тимошкин Тимофей Тихонович</i> НЕЗАБЫВАЕМЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ	162
<i>Тодорова Надежда Афанасьевна</i> ЮНОСТЬ, ОПАЛЕННАЯ ВОЙНОЙ	164
<i>Усова Зинаида Васильевна</i> ДОЛГО БУДЕТ КАРЕЛИЯ СНИТЬСЯ	166

<i>Федотова Ольга Ксенофонтовна</i> (в девичестве Тесленко)	
МЫ — СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ	170
<i>Цванг Аркадий Рувинovich</i>	
ПРЕРВАННОЕ ДЕТСТВО	172
<i>Цыганенко Галина Павловна</i>	
МОИ «УНИВЕРСИТЕТЫ»	175
<i>Шпаковская Галина Андреевна</i>	
ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ	179

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

181

<i>Авдеева Лариса Ивановна</i>	
МОИ «ПОМНЮ»	182
<i>Беловолов Юрий Григорьевич</i>	
В ЭВАКУАЦИИ НА МОЛДАВСКОЙ ЗЕМЛЕ	184
<i>Беспалов Николай Егорович</i>	
ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ	191
<i>Билоброва Алла Ивановна</i>	
В ТОТ ДЕНЬ БУЙНО ЦВЕЛА СИРЕНЬ... ..	196
<i>Боронина Надежда Николаевна</i>	
МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО	199
<i>Будзинский Феодосий Васильевич</i>	
ПАМЯТЬ СЕРДЦА	204
<i>Бут Александр Никитович</i>	
ВСПОМИНАЯ БОСОНОГОЕ ПОВОЕННОЕ ДЕТСТВО	206
<i>Ваиунь Зоя Михайловна</i>	
ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ	210
<i>Вовенко Виктор Федорович</i>	
СЛАДКИЕ БАКЛАЖАНЫ	213
<i>Дмитришина Галина Андреевна</i>	
ЭТО ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ... ..	223
<i>Єнальсва Людмила Яківна</i>	
НЕ ЗАБУТИ МИНУЛЕ	226
<i>Жигулина Нонна Станиславовна</i>	
ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА	231

<i>Котенко Нина Григорьевна</i> ЖИЗНЬ В ОККУПАЦИИ	234
<i>Кудрявцева Людмила Николаевна</i> ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО	236
<i>Любимов Эдуард Борисович</i> ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГЛАЗАМИ МАЛЬЧИШКИ	239
<i>Медовников Станислав Васильевич</i> ЧТО Я ВИДЕЛ	245
<i>Новошицкий Александр Николаевич</i> СВОИХ ДЕТЕЙ ЖАЛЬЧЕ	248
<i>Острась Эдуард Сергеевич</i> МОЕ ДЕТСТВО	251
<i>Пелашенко Ирина Іванівна</i> ПРО ПОКОЛІННЯ ДІТЕЙ ВІЙНИ КРІЗЬ ПРИЗМУ СПОГАДІВ	255
<i>Пицюга Вероника Николаевна</i> ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МОЕМ ДЕТСТВЕ	262
<i>Прилепская Алиса Николаевна</i> МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ	264
<i>Прохорова Алла Николаевна</i> УТРАЧЕННОЕ ДЕТСТВО	266
<i>Пшеничная Валентина Григорьевна</i> МЫ НЕ БОЯЛИСЬ ТРУДНОСТЕЙ, МЫ — ДЕТИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ	270
<i>Симоненко Анатолий Ефимович</i> ОТЕЦ	274
<i>Сомова Инна Ивановна</i> ДЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	289
<i>Стуканов Евгений Николаевич</i> ЭПИЗОДЫ ВОЕННЫХ ЛЕТ	291
<i>Хримли Агита Николаевна</i> МОИ ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ТОЙ ВОЙНЕ	297
<i>Шабельников Виктор Ильич</i> ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБѢНКА	300
<i>Шафиро Майя Ефимовна</i> ВОЙНА В МОЕМ ДЕТСТВЕ	303

<i>Шкредов Валерий Маркович</i> БОСОНОГОЕ ДЕТСТВО	306
<i>Шульга Виктор Григорьевич</i> ФОРМЕННАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ КУРТКА СПАСЛА ОТ СМЕРТИ... ..	309
<i>Якименко Виктор Иванович</i> МОЕ ВОЕННЕ ДИТИНСТВО	311
<i>Ярошенко Николай Николаевич</i> ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ О ВОЙНЕ	314

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время неумолимо. Меняются поколения и в калейдоскопе событий из памяти стирается многое из того, что казалось нетленным. И не вина в том человека. Жизнь мудрее нас, и потому она сама определяет насколько долго и насколько прочно в памяти человеческой остается след от тех или иных событий.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов прошла через миллионы и миллионы судеб и осталась в памяти нескольких поколений. Никто из переживших годы военного лихолетья не хотел бы повторения этой вселенской трагедии. Потому так важны воспоминания любого из участников тех событий как предупреждение ныне живущим, как заклинание: «Берегите мир!».

В этой книге помещены избранные воспоминания участников боевых действий и участников Великой Отечественной войны, детей войны, работающих или работавших в Донецком национальном университете. Ранее они были опубликованы в трех томах книги «Память». Первый том: «Воспоминания участников Великой Отечественной войны», вышел в 2005 году к 60-й годовщине ВОВ, второй том: «Воспоминания участников Великой Отечественной войны» — в 2009 году к 64-й годовщине ВОВ и третий том: «Воспоминания детей Великой Отечественной войны» — в 2010 году к 65-й годовщине ВОВ. Выпуск книги «Память» — избранное приурочен к 66-й годовщине ВОВ.

Разные по объему, манере изложения, стилю эти повествования, тем не менее, рисуют достаточно полную картину происходившего на арене военных действий, в тылу, на оккупированной территории, в изгнании, передают настроение людей ежесекундно боровшихся за свою жизнь, жизнь своих родных и близких, подвергавшихся не-

слыханным физическим и моральным надругательствам, испытывавших тяготы нескончаемых трудовых буден, но свято веривших в победу. Искренни и проникновенны воспоминания «детей войны». Кто-то из них был на оккупированной фашистами территории, кто-то в тылу, но всех объединяет одно страшное обстоятельство — война, которая забрала у них детство.

Каким нужно было обладать запасом нравственности, веры в себя, людей, взрастившее их государство, чтобы вынести все тяготы войны и напряженнейшего периода послевоенного восстановления. Прочитав книгу, понимаешь, почему они — «поколение победителей».

Память — самое ценное, что есть у любого народа, поэтому не будем забывать тех, кто не позволил себя поработить, кто сохранил свою честь и достоинство, сохранил свою землю.

Будем верны этой памяти!

*Председатель
профкома работников ДонНУ
В. И. Подмарков*

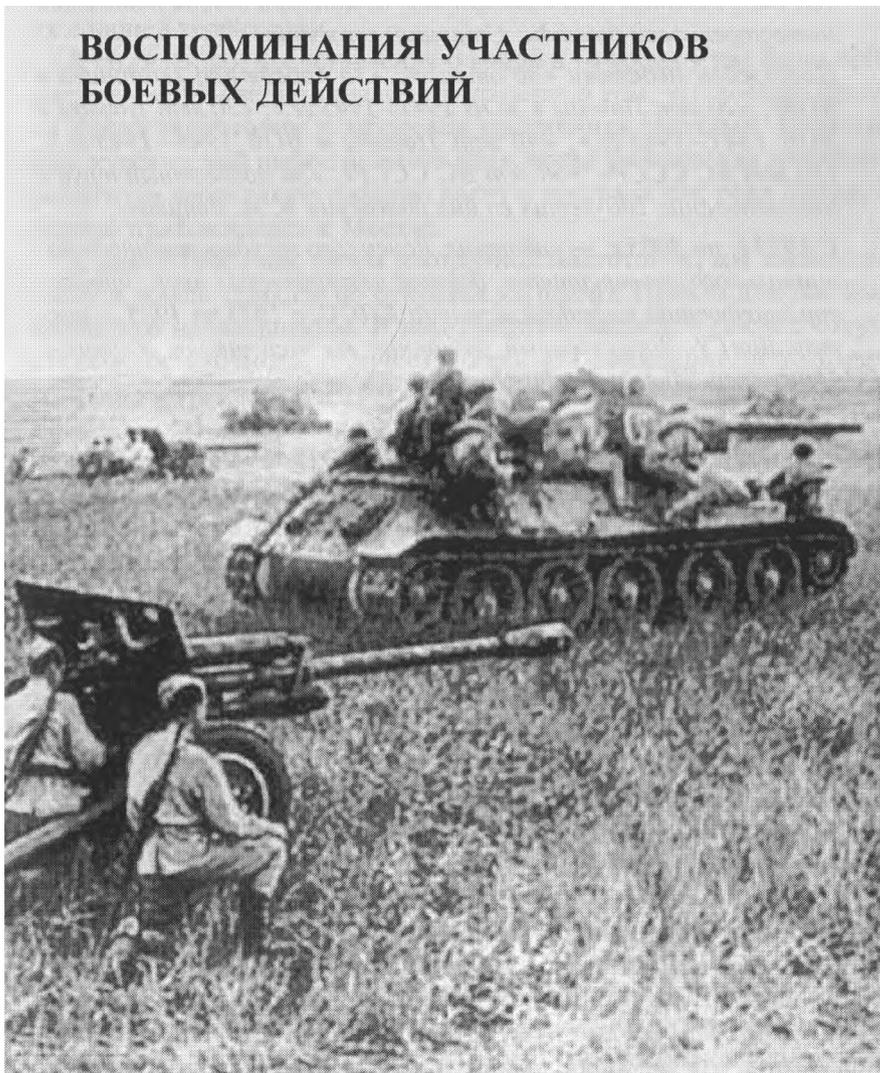
*Памятник преподавателям и студентам
Донецкого национального университета, погибшим
в годы Великой Отечественной войны*

Чествование ветеранов Донецкого национального университета

ЗА ОТЕЧЕСТВО, НЕ ЩАДЯ ЖИЗНИ

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ
БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Пономаренко Григорий Яковлевич

Родился 18 января 1922 г. в селе Надлак Новоархангельского района Кировоградской области, в семье крестьян. Воевал на Брянском направлении. Был помощником командира взвода отдельной мотострелковой бригады. Старший сержант.

Награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией в ВОВ», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «50 лет ВС СССР», «60 лет ВС СССР», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

С 1973 г. по 2005 г. — работник Донецкого государственного национального университета, доктор исторических наук, профессор заведующий кафедрой истории КПСС, с 1973 по 1985 — ректор ДонГУ. Заслуженный работник высшей школы Украины. Пенсионер. Инвалид войны.

ДОРОГАМИ ВОЕННЫХ ЛЕТ (1941–1945 ГГ.)

Будни фронтовые

Заканчивался 1940 год. Для меня он был поворотным: исполнилось мое заветное желание — я стал курсантом Кременчугской военной авиационной школы. Первые три месяца учебы ушли на строевую подготовку и аудиторные занятия на отлично оборудованных современных авиатренажерах. После этого были первые ознакомительные полеты по заранее разработанным нами маршрутам. Ежедневно проводились теоретические занятия.

Как-то на лекции по тактике ведения воздушного боя и наземному бомбометанию от очень опытного подполковника мы узнали, что на границе с Советским Союзом немцы сосредоточили 170 отборных дивизий, что война с гитлеровской Германией неизбежна, что нам необходимо было бы иметь хотя бы еще 2 года

мирного неба. Но такой отсрочки страна не получила. 22 июня 1941 г. в 12 часов дня радио сообщило о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу страну — о начале Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии 1941—1945 гг. Через два часа мы были полностью готовы к отправке на фронт. Курсантам выдали боевое оружие, боеприпасы и даже трехдневный сухой паек. Мы с нетерпением ждали приказа об отправке на фронт и горели страстным желанием встретиться с фашистами и изгнать их с нашей территории.

К сожалению, представление о войне в то время у нас было примитивным. Мы верили нашей пропаганде о том, что воевать будем на чужой территории и забросаем противника шапками. Военный наш курсантский пафос немного спал, когда фашистская армия перешагнула через такую грозную водную преграду, как река Днепр, и быстро приближалась к Москве.

К марту 1942 года, путем ускоренной подготовки, мы закончили учебу и ждали приказа об отправке на фронт. Приказ для нас был несколько неожиданным. В нем предписывалось: в связи с отсутствием достаточного количества военной авиационной техники, сформировать из бывших курсантов Кременчугской авиашколы 10-ю Отдельную моторизированную стрелковую бригаду и направить ее в город Москву в особое распоряжение Верховного Главнокомандования. Конечно, очень хотелось воевать в авиации. Но мы хорошо знали, что на учебных самолетах типа Р-ЗЕТ, Р-5, 3-С, Тб.-3, СБ воевать нельзя. Это устаревшие самолеты периода советско-финской войны. Новые бомбардировщики Пе-2, штурмовики ИЛ-2 и др. только стали поступать на вооружение.

В Москве и лесах Подмосковья, мы долго не задержались: бригаду полностью перевооружили и закрепили за ней кусок фронтовой земли — это был Центральный фронт, Брянское направление, а немногим позже — Брянский фронт, Брянское направление. Здесь, на извилистой линии Сухиничи — Калуга — Брянск, и произошло мое боевое крещение. Всего было понемножку: мы и отступали и наступали, и побеждали и терпели поражения, были убитые и раненые. Вблизи села Котовичи, километров за 40 западнее Калуги, я получил первое пулевое касательное ранение в правую руку. Обошлось без госпитализации.

Самыми трудными в моей жизни этого военного периода были два события. Первое — сообщение о смерти под Ленинградом моего брата Ивана Яковлевича Пономаренко. Это сообщение невероятно по-

трясло меня. Я до сих пор не помню, как оказался тогда в блиндаже командира батальона капитана Петра Николаевича Грищенко.

Среди членов семьи Иван был старшим и единственным моим братом. Он был мастером на все руки, все мог, и уже в раннем моем детстве был для меня примером для подражания. В селе он числился первым трактористом и первым комбайнером. Мне было очень приятно, когда сверстники мои, видя меня рядом с братом на тракторе или комбайне, завидовали мне и спрашивали: «Хорошо ли там кататься?». В голодовку 1932—1933 хозяйственного года я почти все весенние и летние каникулы находился с братом в тракторной бригаде. В шутку меня называли «помощником плугочиста». В действительности, я был посыльным бригадира и поварахи. Ели мы с братом Ваней с одной мыски, и он все время незаметно делал так, чтобы мне больше доставалось пищи, чем ему. Я, стремился делать все наоборот. В конце концов мы всегда находили компромиссное решение.

Погиб Иван Яковлевич в 27 лет. Жена Надежда Матвеевна уже в послевоенные годы вышла замуж, а сына Володю моя семья взяла на попечение. В 1960 г. он закончил Донецкий политехнический институт по специальности МДС и был направлен на работу в должности инженера-металлурга на Макеевский завод имени С. М. Кирова.

Второе событие — потеря моего боевого товарища, верного друга по военной авиашколе Василия Козакова, который после тяжелого ранения умер у меня на руках. Василий был лучшим запевалой и стихотворцем на всю школу. Он был автором стихотворения «В далекий край страна его послала», которое мы пели в школе по мотивам известной довоенной песни «В далекий край товарищ улетает, за ним родные ветры вслед летят...» Вот слова этого стихотворения:

*В далекий край страна его послала
Бомбить врага из облачных высот.
— Смелей, любимый, — девушка сказала,
— Смелей, любимый, Родина зовет.

— Есть, быть смелей! — сказал он улетая,
Махнув рукой из рубки боевой.
Взметнулась пыль, и, вскоре, дым растаял
Вдали лазури сине-голубой.

Товарищ смел, отважен и настойчив,
С больших высот врага он разбомбил.
Ни ливень пуль, ни лай зениток вражьих,
Бойца страны моей не устранил.*

Василий был на голову ниже меня, красивый, щуплый, 18-летний парнишка. Нас курсанты в шутку называли «Пат и Паташонок», а мы в ответ усмехались и только отшучивались.

Из будней фронтовой жизни мне хорошо запомнились разглашательства англо-американских союзников об открытии второго фронта в Европе. Как известно, под воздействием разгрома фашистских полчищ под Москвой в декабре 1941 г. и полного завершения этой стратегической военной операции в первом полугодии 1942 г., США и Великобритания пошли, наконец, на попятную и заключили с СССР политические соглашения. В то же время, 12 июня 1942 г., Англия и США опубликовали совместное с СССР коммюнике об открытии в Европе в 1942 г. второго фронта. В нашем фронтовом подразделении об этом событии стало известно 14 июня. Радость моя, моих боевых друзей была беспредельной. Но нам ничего не было известно о том, что уже 18–25 июля, на односторонних англо-американских переговорах в Лондоне, было принято другое решение: отказаться от вторжения в Европу в 1942 г., высадить войска на защиту своих колониальных территорий в Северную Африку. Время уходило, а второго фронта все не было и не было. В адрес США, Великобритании и особенно ее премьер-министра Уинстона Черчилля высказывались солдатами нелестные слова. Черчилля называли именем женщины легкого поведения. Англию — страной, которая привыкла жар загребать чужими руками. Второй фронт в Европе, как известно, был открыт только 6 июня 1944 г., когда вопрос о судьбе гитлеровской Германии, как фашистском государстве, уже был практически решен.

В первые дни после войны Глава Временного правительства Франции писал об этом так: «Россия совершила великий подвиг — приняла на себя удар всех сил гитлеровской коалиции и выстояла. Французы знают, что сделала для них Советская Россия, знают, что именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении».

Франклин Рузвельт, президент Соединенных Штатов Америки, об этом писал: «С точки зрения большой стратегии, ясен простой факт — русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем остальные 25 государств Объединенных Наций, вместе взятые».

Мне не посчастливилось дожидаться второго фронта. После второго, но теперь уже тяжелого ранения, меня отправили на лечение в подмосковный военный госпиталь №1871, который размещался в городе Ногинске в роскошном здании школы имени К. А. Тимиряз-

зева. Для лечения раненых здесь было все необходимое. Теплотой и заботой нас окружали жители Ногинска и всего Подмосковья. Ко мне через 3—4 дня приезжали, закрепленные за госпиталем шефы из подмосковного авиаотряда дальних бомбардировщиков. При первой встрече мне была предложена служба в их авиаотряде, говорили о совместных полетах в район нефтяных складов Румынии и другие закрепленные за ними зоны. Очень приятным было то, что, когда шефы узнали о характере моего ранения, вида не подали, говорили, что и в таком состоянии в авиации можно воевать. Их моральная поддержка тогда для меня была необходимой и очень важной.

Время пребывания на фронте, в военном госпитале, произошедшие события подсказали, заставили меня по-новому отнестись к оценке войн. Защита Родины — священная обязанность и честь каждого сознательного человека. Но все войны, справедливые и не справедливые, — это большое горе, несчастье для людей. Они несут смерть, разрушение, убытки, холод и голод! На памяти истории произошло 14,5 тысяч войн. Они унесли, примерно, 3,5 млрд человеческих жизней. Первая мировая война XX века продолжалась более 4 лет, и мир недосчитался 10 млн человек. Вторая мировая война 1939—1945 гг. по всем показателям относится к самым грандиозным войнам. В ней участвовало более 60 государств, людские потери которых составили 60 млн человек. Безвозвратные потери Советской Армии (без гражданского населения) составили 8,7 млн человек. Больше половины безвозвратных потерь солдат и офицеров приходится на 1941—1942 гг. — 56,7 %. К ноябрю 1944 г., когда полностью была освобождена от фашистской оккупации Украина, потери Советской армии, в составе которой воевало более 6 млн украинцев, составили более 2/3 ее количества. Англия и США за годы войны потеряли 950 тыс. человек! И это понятно. Они нам много обещали, немало помогали, но от активного участия в войне против гитлеровской Германии, дипломатически уходили, оставляя Советский Союз один на один воевать с фашистской армией.

На гражданке

Через четыре месяца пребывания в военном госпитале г. Ногинска с недельным, богатым, на то время, сухим пайком, я уехал в село Камышово Североказахстанской области в семью погибшего под Ленинградом брата. Вся Украина тогда еще была в руках фашистов.

Село Камышово, куда я прибыл в конце декабря 1942 г., располагалось на территории Западной Сибири за 40 км. от города Пет-

ропавловска. В 50 сельских избах проживало, примерно, 150 человек. Среди населения, кроме женщин и детей, было три пожилых мужчины, которые не подлежали призыву в армию и шесть парней призывного, 1926 г. рождения. На окраине села, в землянках, жило 5 семей, высланных из Курской области за измену Родине.

В селе жилища отапливались дровами, отсутствовало электричество, керосин в магазине не продавался. Зимой село заносилось толстым слоем снега, морозы доходили до 40 градусов. В степи и по селу можно было часто встретиться с волками. Издали село отличалось от горизонта по выходу дыма из дымоходных труб.

Местный колхоз располагал достаточно большой молочно-товарной фермой и отарой овец в 2,5 тысячи единиц. Из зерновых культур колхозники засевали 10–15 га пшеницы и 20–25 га ржи. Имелся трактор и один комбайн. Управляли этой техникой женщины. На зиму для своих нужд и для нужд фронта в летний период селяне заготавливали много сена. Все, что производилось в колхозе, отправлялось через районный центр на фронт: молоко, мясо (в живом виде), зерно прямо из-под комбайна.

Женщины трудились от зари и до зари, ничего не получая за свой труд. Выручало колхозников то, что в каждой семье имелась корова, от которой в среднем в сутки получали 20 литров молока. Примерно 75 % молока за бесценок продавалось государству. Односельчане собирали богатые урожаи картофеля, сушили и засаливали на зиму много грибов, которых в окружающих лесах было в изобилии. Молоко, картофель и грибы в разных видах — это было постоянное круглосуточное питание. Хлеб в меню не входил, его просто не было. На рынке в Петропавловске за один пуд (16 кг) зерна надо было заплатить 1800 рублей, за один килограмм картошки — 25, за стакан самосада — 30 рублей.

В этих условиях, в свой 21 год, мне пришлось работать: вначале заведующим молочно-товарной фермой, а затем председателем колхоза. Скажу прямо, воевать на фронте мне было намного легче, чем работать в тылу. Там я, молодой, неженатый парень, думал только о себе. Здесь же — приходилось решать многочисленные проблемы, и за то, что мне удавалось сделать, я премного благодарен мудрым советам стариков, жителям села и парням-допризывникам, которые безукоризненно выполняли все мои поручения.

Первым, положительно решенным вопросом, был вопрос о благоустройстве высланных в село семей из Рязанской области. Их жилищно-бытовые, материальные условия были невыносимыми.

Дети (их в каждой семье было по двое-трое и все дошкольного возраста) болели. В начале 1943 г. все они были расселены по квартирам. Колхоз выделил им землю под огороды и еженедельно каждая семья получала по 10 литров перегона после сепарации молока для изготовления творога и брынзы.

Заканчивалась зима 1943 года. Приближались весенние, а затем и летние сенокосы. Сельхозинвентарь совсем не был готов к сезонным работам, а вместо сенокосилок лежали кучи металла. Бригадир полеводческой бригады, Ольга Петровна, мне сказала, что в селе никто не берется за ремонт этой техники, что лобогрейки вообще не подлежат ремонту. Что делать? Косить сено вручную — это заблаговременно оставить животноводство на зиму без кормов и не выполнить план заготовки сена для нужд фронта. Этого допустить было нельзя. Пришли на выручку мои помощники, старики-советники: они порекомендовали мне поехать в Петропавловск на военный завод, который до войны выпускал сельхозинвентарь и, в том числе, сенокосилки. «Заводом этим, — подсказали они мне, — руководит генерал. Он тебя, как инвалида войны, примет и поможет нам. Все будет зависеть от твоего дипломатического поведения». «Но разве можно, что-то решить с пустыми карманами?!», — проговорил я. В ответ получил такую фразу: «А ты, сынок, вначале поедь, поговори, а приедешь — тогда все и будем решать».

Второго марта я был на заводе. Не без труда, но уже через пару часов, я сидел у генерал-майора в кабинете. Он много расспрашивал меня о сложившейся моей судьбе, о моих фронтowych товарищах, о жизни села, из которого я приехал на завод. На мою просьбу о ремонте лобогреек, дал положительный ответ, и сказал, что с села плату за ремонт завод брать не будет. Со своей стороны я пообещал, что на один обед для рабочих привезу мяса. «Это было бы неплохо, — сказал генерал, — а то мой небольшой рабочий женский коллектив уже давно не употребляет этого продукта». Он посоветовал мне согласовать этот вопрос в своем районном центре. «Как ни как, идет война и все может случиться», — сказал генерал.

15 марта пять капитально отремонтированных, смазанных и покрашенных лобогреек стояли на хоздворе в колхозе. Планы заготовки сена были не только выполнены, но и перевыполнены. Об этом много говорилось на районных активах, писалось в районных и областных газетах. Свое обещание заводу колхоз тоже «перевыполнил».

Самым трудным в моей тыловой жизни был вопрос о вручении сельским женщинам правительственных извещений о гибели на

фронтах их мужей, родственников. Сама процедура вручения извещений была продумана до мелочей. Когда женщина в сопровождении двух допризывников переступала порог правления, в дело вступал фельдшер и медицинская сестра. Шприцы к работе были подготовлены заранее. Женщину приводили в чувство. Я что-то говорил, пытался зачитать извещение, произносил слова: «Погиб смертью храбрых». После дополнительных уколов женщину в сопровождении работников сельского медицинского пункта увозили домой.

Первый день после этого сложного мероприятия соседки топили избу, кормили пострадавшую и ее детей. А на третий, четвертый день она, без напоминаний бригадира, уже находилась на своем рабочем месте. Как-то я спросил Ольгу Петровну, бригадира колхоза, почему пострадавшая так быстро вышла на работу? Ответ был для меня несколько неожиданным: «Все мы такие, хохлушки, нам в коллективе легче переносить свое горе, чем сидеть дома и смотреть на своих осиротевших детей». Я переспросил, почему она женщину назвала «хохлушкой». Ответ был строгим и с явным упреком в мой адрес: «Что ты, разве не знал, что она украинка? Может быть ты не знаешь, что и я из Украины? Да у нас тут половина села украинцев-переселенцев 1938–1939 годов. А вот за три километра от нас расположено село, которое называется Филоновка, оно почти все украинское. Здесь живут переселенцы из села Филоновка и других сел Радомышльского района Житомирской области. Кстати, я тоже филоновская». Упрек умудренной пожилой женщины из «филоновки» был для меня, бывшего курсанта авиашколы, фронтовика, горче горькой редьки. Но он исходил от чистого сердца и послужил мне хорошим уроком на все мои молодые годы.

По долгу работы мне пришлось побывать во многих райцентрах Петропавловской, Курганской, Карагандинской областей. Немало пришлось увидеть и передумать, и уже тогда я пришел к заключению, что за Уралом, в глубоком нашем тылу трудились не просто женщины, а женщины-героини из многих национальностей страны. Именно многонациональный женский тыл днем и ночью ковал победу над врагом, снабжал многомиллионную действующую армию всем необходимым. По итоговым статистическим данным в течение войны тыл поставил фронту 112 тыс. новых типов самолетов, большое количество танков, орудий и минометов. Армия израсходовала 427 млн снарядов, 17 млрд патронов, более 13 млн тонн горючего, около 40 млн тонн продовольствия и фуража. Интересны и такие сведения. В 1941 г. 9 млн армия страны была пол-

ностью экипирована. Но в последующие годы войны дополнительно было изготовлено: 38 млн шинелей, 73 млн гимнастеров, 64 млн пар обуви и т. д. Все это, в основном, делалось руками женщин, подростков и мужчин пожилого, непризывного возраста. В этом я еще больше убедился, когда из Сибири возвратился в свое родное село Надлак Новоархангельского района Кировоградской области. В отличие от села Камышово в 5 колхозах Надлака числилось, примерно, 1000 дворов. Каждый колхоз имел свою небольшую тракторную бригаду, хлеб убирали комбайнами. Село располагало стационарной больницей, почтовым отделением связи, средней школой, сельским клубом, пятью торговыми магазинами. Все колхозы, сельские учреждения безукоризненно выполняли все решения и распоряжения местного сельского Совета. В последний год войны, по указанию сверху, мне поручили возглавить Надлацкий сельский Совет. Все было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство. В начале Великой Отечественной войны и после изгнания из Украины оккупационных фашистских войск были проведены всеобщие мобилизации. В селе, как и в далекой Сибири, остались одни женщины, дети и старики. Тракторами и комбайнами, лошадьми и коровами в упряжке управляли, в основном, женщины. Но, несмотря ни на какие трудности, весной все поля были засеяны, а летом — весь урожай убран. Правда, имелись и многие недоработки. В зиму на 1945 г. почти на 100 га осталась не убранная знаменитая Кировоградская белокочанная кукуруза. По нашей инициативе Новоархангельский райисполком (после согласования вопроса с Киевом и Москвой) разрешил нам ежедневно выдавать колхозникам 15 % от собранной кукурузы всем, кто выйдет на ее уборку. А снега, как назло, намело в высоту до одного метра. Думалось, ничего не получится из нашей затеи. Но на второй день после объявления решения райисполкома на уборку кукурузы вышло все село: женщины, старухи, старики, учителя, школьники, дети дошкольного возраста и многие служащие сельских учреждений. В течение недели проблема с уборкой кукурузы была решена. Большую пользу получило и государство, и население села.

Хотелось бы, чтобы женщины и все, кто трудился в тылу в годы войны (1941—1945 гг.), были по особому отмечены нашим государством. Неплохо было бы, чтобы все они получили статус ветерана Великой Отечественной войны боевых действий. Этого поощрения они по праву заслужили. Да и в живых их осталось очень мало. Уверен, что все фронтовики единогласно поддержат это предложение.

За 60 лет, прошедших после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., абсолютное большинство фальсификаций истории войны не выдержали испытаний, канули в прошлое. Но на их месте появляются новые и новые превратные толкования. В литературе политологов Запада высказывается мысль о том, что День Победы, как в Европе, следует отмечать не 9, а 8 мая, т. е. в день подписания с Германией договора о безоговорочной капитуляции. Но не следует забывать о том, что и после подписания договора военные действия еще продолжались и закончились только 9 мая, после разгрома большой Пражской (Чехословакия) группировки фашистских войск. Отмечать День Победы раньше этих событий было бы, по-моему, преступлением перед теми солдатами и офицерами, которые продолжали войну, особенно перед теми, кто погиб там смертью храбрых.

В 2004 г. День Победы на Украине отмечался 8 и 9 мая. На официальных мероприятиях колонны украшала современная государственная символика, и не было ни одного флага периода Великой Отечественной войны. 9 мая 1945 г., когда Украина отмечала первый день Победы над фашистскими поработителями, ее колонны были покрыты Красными Знаменами. Два периода, два подхода к одному и тому же историческому явлению. Это явный дисбаланс и грубое нарушение правды истории.

Мы, фронтовики, не выступаем против нынешней символики новой Украины, но все-таки, не с ней в смертельный бой подымались солдаты, не сине-желтый штандарт, а Красное Знамя водрузили над куполом Рейхстага. И стоило хотя бы в этот святой День Победы вспомнить об этом Знамени. «В России, — пишут фронтовики, — нашли выход из непростой дилеммы, приняв Закон о Флаге Победы, согласно которому красное полотнище 9 мая приравнивается к государственной символике. Может быть, пора и нашим законодателям подумать о подобном законопроекте» (Газета «Донецкий Кряж», 20 мая 2004 года).

В текстах некоторых серьезных, фундаментальных изданий наших историков, в докладах и выступлениях многих официальных лиц Украины все реже и реже стал упоминаться термин «Великая Отечественная война». В интересах интеграции Украины в Европу он все чаще и чаще заменяется словами «вторая Мировая война». Сегодня в школьных и вузовских программах по курсу истории Украины не планируется чтение лекций по Великой Отечественной войне. Официально в названных программах предлагается читать лек-

ции по теме: «Украина в годы второй Мировой войны». Мне кажется, что это просто досадное недоразумение.

Во-первых, вторая Мировая война началась в сентябре 1939 г. между капиталистическими государствами. Ни Украина, ни Белоруссия, ни Казахстан, ни Советский Союз, в целом, в этой войне не принимали участия до 22 июня 1941 года.

Во-вторых, в течение Великой Отечественной войны между воюющими странами против блока фашистских государств было подписано множество разных документов. От имени субъектов федерации их подписывали представители Союза ССР. Так была подписана «Декларация Объединенных наций», означавшая создание 26 государствами антигитлеровской коалиции. Украина, как отдельное государство, среди этих государств не числится.

В-третьих, во второй Мировой войне, как известно, принимали участие более 60 государств. И в этих списках Украина не называется.

В-четвертых, Украина, другие республики, как субъекты федерации Советского Союза, с первых дней вероломного нападения фашистской Германии, все свои силы и средства отдали на алтарь защиты своей Отчизны от фашистского порабощения. В Вооруженные силы страны украинский народ направил более 6 млн воинов, перебросил в глубокий тыл 550 промышленных предприятий, эвакуировал более 3,5 млн человек. Многонациональные Вооруженные силы 1418 дней вели упорные боевые сражения за свой очаг, свой дом, за свою Отчизну. К концу 1944 г. была освобождена от фашистской нечисти вся территория Украины и Белоруссии. Под Берлином Советская Армия окружила и ликвидировала самую крупную в истории войн группировку вражеских войск, было взято в плен 480 тыс. фашистских солдат и офицеров и множество военной техники. Берлинская стратегическая наступательная операция, разгром Пражской фашистской военной группировки знаменовали собой окончание Великой Отечественной войны нашего многонационального народа против немецко-фашистских захватчиков 1941–1945 годов.

Бабенко Анна Ивановна

Родилась 5 мая 1923 г. в селе Нифороща Полтавской области, в семье рабочих. Воевала в составе войск Северо-Западного и 2-го Прибалтийского фронтов 1232 артиллерийского полка, 1-го батальона, 3-й стрелковой роты, Краснознаменной, ордена боевого Красного Знамени, ордена Кутузова Бранденбургской стрелковой дивизии. Младший лейтенант.

Награждена орденом Отечественной войны I степени, орденом «За мужество»; медалями: «За отвагу», «Защитнику Отечества», «За победу над Германией», «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «50 лет ВС СССР», «60 лет ВС СССР», «70 лет ВС СССР».

С 1970 по 1987 гг. — работник Донецкого государственного университета, доцент и. о. заведующего кафедрой зарубежной литературы.

Пенсионер. Инвалид войны II группы.

НЕЦЕЛОВАННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

15 января 1945 г. I Белорусский фронт, Пулавский плацдарм. Мы уже второй день ломаем глубоко эшелонированную оборону немцев на западном берегу Вислы, на маленьком плацдарме у Пулавских высот.

На переднем крае дымка из тумана, порохового дыма, временами срывающегося мелкого дождя.

Только что отправила в санроту двух тяжелораненых и четырех раненых бойцов, которые сами могли передвигаться. Под артиллерийским обстрелом наших и немцев быстро догоняю свою третью стрелковую роту. Моя рота продвинулась далеко вперед. Противно проскрипел «скрипач» — немецкий шес-

тистовольный миномет. Его мины рвутся рядом. Вижу бойца, бегущего впереди. Секунда и он, как-то неестественно перегнувшись, упал. Лежит на спине.

Огромный осколок распорол брюшную полость. Из-под лохмотьев ватника и гимнастерки сползают на влажную землю внутренности. Тороплюсь подстелить под них косынку: индивидуальные пакеты слишком малы для такой раны. Пытаюсь собрать все и перевязать, но начинаю понимать — боец не ранен, он убит. Судьба отпустила ему еще несколько минут жизни. Я боюсь повернуться к нему лицом и пытаюсь заслонить от него рану. Вдруг слышу из-за спины:

— Сестра, оставь это все, потом приберешься.

Вздрагиваю от этих слов, особенно последних. Он понимает, что с ним происходит.

Чувство собственной беспомощности и вины перед этим юношей, которому я должна помочь и ничего не могу сделать, мужество, с которым он уходит из жизни, наполняют мое сердце болью. Нет слов утешения, да и чем тут можно утешить.

— Сестренка, наклонись ко мне. Я опускаюсь перед ним на колени.

— Поцелуй меня. Меня никогда не целовала ни одна девушка.

Припадаю к его уже холодным губам. Чувство вины и жалости сжимают сердце с такой силой, что я не могу дышать, и только крик, вырвавшийся из моего горла, помогает вздохнуть, ослабляет сердечную боль.

Закрывая глаза умершего, начинаю осмысливать происходящее, почему здесь, почему кричу над этим юношей. Может это боль, накопившаяся за эти три года войны, может сотни смертей, которые прошли через мою жизнь, личные потери, может жалость ко всему моему нецелованному поколению, которое забрала война? Не знаю.

Понимаю, что нужно идти, но не могу.

Уже не кричу, а скулю. Чья-то сильная рука, ухватила за ворот ватника и тянет меня.

— Не задерживайся, сестра. Ты его сама не похоронишь. Это сделают те, кому положено. Только постарайся место запомнить.

Это сказал старшина, который поддерживал меня за плечи.

— Ты документы его забрала?

— Нет.

— Это хорошо. По ним укажут, где он похоронен и похоронку пришлют.

Мы стояли в шести километрах юго-западнее Гуры Пулавской, у границ Германии. Название это мне знакомо. Еще в ноябре отбили у немцев этот польский поселок под горой.

Шесть километров юго-западнее... Я запомнила место, где погиб солдат, на всю жизнь, хотя ни части, где он служил, ни его имени, ни фамилии я не знала.

— Кто он мне?

— Кто я ему? Я не могу этого объяснить старшине и молча принимаю его советы: двигаться вперед, чаще наклоняться к земле, спасаясь от шальных пуль.

— Ты какой части? — спрашивает старшина.

— 1232 полка.

— А я 1234. Следовательно, тебе прямо, а мне направо.

— Держись, сестренка, горе у тебя, но, что поделаешь?. Война... Не забывай место: шесть километров юго-западнее Гуры Пулавской.

15 января 1945 г., к вечеру, мы уходили в прорыв, узкую брешь, пробитую в обороне немцев. Уходили в тыл врага, намного опережая его отступающие части. Громили по пути мелкие гарнизоны, обходили крупные, не ввязываясь в бои.

Нам предстояло до подхода основных сил немцев прорвать оборону на границе Германии с Польшей — знаменитый «Восточный вал», который, как утверждал Гитлер, не могла одолеть ни одна армия. Одолели, форсировали Одер. До Берлина оставалось 60 километров.

Для меня начиналась Висло-Одерская операция, которая, по мнению одного из генералов гитлеровского генерального штаба, была самой оригинальной по замыслу, гениально спланированной и блестяще выполненной советским командованием и войсками.

В августе 1945 г. в составе сводного полка, демобилизовавшихся после войны солдат, возвращалась на Родину. Я снова прошла по тем местам. На бывшем Пулавском плацдарме, в районе Гуры Пулавской — четыре братских могилы. В какой из них оплаканный мною солдат, я не знаю, но место, указанное мне старшиной, стало знаковым: в шести километрах юго-западнее Гуры Пулавской...

Сердце сжимается от боли, глаза наполняются слезами...

Близнюк Василий Федорович

Родился 22 мая 1922 г. в городе Подставки Сыковского района Сумской области в крестьянской семье. Воевал в составе войск Западного фронта 36 артиллерийского полка 53 дивизии, командир боевого взвода. Майор.

Награжден орденом Отечественной войны I степени; медалями: «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «50 лет ВС СССР», «60 лет ВС СССР», «70 лет ВС СССР», «Жукова Г. К.».

С 1965 по настоящее время — работник Донецкого национального университета, доцент, секретарь парткома, проректор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и методики преподавания и обществоведения. Заслуженный работник высшей школы Украины.

СТУДЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА СТАЛИНСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА — В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

*«Кто не познал войну в сорок первом —
начале сорок второго, тот не знает,
что такое настоящая война».*

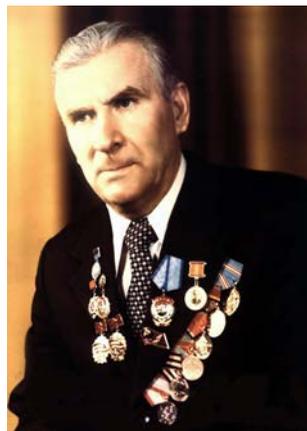
Маршал бронетанковых войск
А. Х. Бабаджанян

Тема Великой Отечественной войны весьма актуальна. Особенно большой интерес она вызывает в связи с празднованием двух знаменательных юбилейных дат: 60-летия освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков и 60-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–45 годов. За последние годы украинская историография пополнилась значительным количеством работ по этой проблеме. Однако вопросы начального периода войны освещены еще недостаточно. Кроме того, в вышедших работах наблюдаются самые противоречивые оценки важнейших событий того периода. Зачастую они носят субъективный, предвзятый характер.

Также мало работ, освещающих военные события того времени в отдельных регионах Украины.

Долг историков, ветеранов войны, участников боевых действий рассказать молодежи о великом подвиге нашего народа, стойкости воинов, проявивших невиданный героизм при защите своей Родины. В настоящее время это имеет большое значение для усиления работы по военно-патриотическому воспитанию молодежи на традициях старших поколений.

В новом переизданном коллективном труде «Донецкий национальный университет» указывается, что вместе с тысячами украинских патриотов на фронт ушли студенты Сталинского педагогического института, в том числе упоминается и фамилия автора воспоминаний. Действительно, только в июле-августе с исторического факультета ушло на фронт около 200 студентов, в том числе одними из первых: Жеребченко Иван, Гненный Василий, Жагло Павел, Гаврилюк Николай, Близнюк Василий. Значительная часть студентов была направлена в молодежный комсомольский батальон, дислоцировавшийся в районе г. Сумы. Затем бойцов, имеющих высшее и незаконченное высшее образование, направили в Сумское артиллерийское училище. В этом военном учебном заведении работали высококвалифицированные преподавательские кадры. Имелись хорошо оборудованные учебные аудитории и кабинеты, физкультурные залы, артиллерийский учебный полигон, отличная библиотека. Курсантами мы пробыли недолго, всего 2–3 недели, затем были направлены в действующую армию.

Обстановка в начальный период войны была очень сложной, тяжелой, иногда катастрофической. На Украине вели тяжелые оборонительные бои войска Юго-Западного фронта.

Чрезвычайно опасная обстановка сложилась на подступах к Киеву. В течение августа гитлеровские войска неоднократно пытались овладеть Киевом и форсировать Днепр, но безуспешно. Красная Армия мужественно сопротивлялась, защищая столицу Украины. Враг нес огромные потери. Фашистские стратеги пересмотрели свои планы, Гитлер вынужден был издать приказ о прекращении наступления на Москву и повернуть значительную часть своих от-

борных войск на Киев. Положение на киевском направлении осложнилось. К концу августа враг вышел к Днепру. 7 сентября вражеская танковая армада с севера прорвалась к г. Конотопу. 13 сентября были перехвачены коммуникации Юго-Западного фронта в районе Конотопа и к югу от него. 19 сентября наши войска оставили Киев.

В результате поражения наших войск на востоке, образовалась большая брешь. Советское командование вынуждено было из своего резерва перебросить в зону Юго-Западного фронта часть соединений. Лишь с помощью этих войск, силами 40-й, восстановленных 21-й и 38-й и, переведенной с Южного фронта 6-й армий, удалось организовать оборону на рубеже Белополье — Лебедин — Красноград — Сталиногорск (Новомосковск).

Вот в такой тяжелой обстановке находился и наш курсантский батальон. Мы воевали в составе отдельных дивизий (1-й и 2-й гвардейских стрелковых дивизий 21-й армии), а зачастую, действовали, как самостоятельное воинское подразделение. Нас, как курсантов военных училищ, направляли на самые ответственные участки боевых действий. Мы принимали участие в боевых операциях на территории Сумской, Харьковской, Курской областей.

Хочется остановиться на том, как население реагировало на эти трагические события — отступление Красной Армии. Нам приходилось часто встречаться с местными жителями, беседовать с ними, выслушивать горькие, но справедливые упреки. Это были самые тяжелые моменты в нашей жизни, мы переживали морально, чувствовали ответственность и вину перед ними. Они спрашивали, как могло случиться, что наши войска так поспешно отступают. В довоенный период по радио и в газетах постоянно сообщалось, что Красная Армия непобедима, что если враг начнет войну, то будет немедленно уничтожен на своей собственной территории. Мы пытались в какой-то мере ответить на их вопросы, говорили о внезапности нападения фашистской Германии на нашу страну, о том, что она, поработив почти всю Европу, использовала промышленный, экономический потенциал в войне против нас, что вооруженные силы Германии накопили большой опыт ведения войны. Внешне они как будто соглашались, но в глазах их видны были тоска, страх, безысходность и растерянность. Ведь наши войска уходят, а фашисты уже в двух-трех километрах от их села. Что будет с ними, с их семьями, как они будут жить при оккупантах?

Еще помню встречу в большом живописном селе Мирополе с пожилыми мужчинами. Убеленные сединой, они сидели на завалин-

ке возле хаты. На груди одного из них мы увидели два Георгиевских креста. Наш боец задал ему вопрос: «Что, дед, приготовился встречать немцев, для них кресты надел?» Ответ поразил нас своей прямотой и житейской мудростью: «Нет, не для немцев я их надел, а для вас. Эти ордена были выданы не за то, что мы отступали, а за то, что били немцев. Не мы от них бежали — они от нас. Вот для чего я их надел». Это был жестокий упрек в наш адрес. Нашему бойцу пришлось извиниться. На прощанье мы заверили их, что Красная Армия вернется, враг несет большие потери в ожесточенных боях с нами. И мы за этот и другие районы будем сражаться до последнего, сколько хватит сил и возможностей. В ответ услышали «Дай Бог, дай Бог!». И мы, убежденные атеисты, восприняли эти слова, как напутствие нам на скорейшую победу над врагом.

Первое боевое крещение мы приняли недалеко от районного центра Бурьнь. Там была создана линия обороны. Немцы использовали свой излюбленный прием — «психическую атаку». Шли в полный рост, неспеша, сомкнутыми рядами. Но эта атака не вызвала у нас страха, паники, на которые они рассчитывали. Мы даже с каким-то любопытством наблюдали эту дикую картину и горели желанием, чтобы они, как можно ближе подошли к нашим окопам. До последней минуты не открывали огня. Эта наша тактика «тихой обороны» подействовала на нервы противника, вызвала некоторое замешательство у него. Движение немцев замедлилось, чувствовалась какая-то растерянность. Они уже вплотную приблизились к нашим окопам. Однако, никакой ответной реакции, действий с нашей стороны не было. Они, вероятно, решили, что мы оставили окопы и в панике бежали. И когда немцы уже приготовились к прыжку в наши окопы, со всех сторон, из всех видов оружия на них обрушился шквал огня. Их первая «психическая атака» захлебнулась, как и последующие. И только когда они подтянули новые резервы, им удалось зайти с флангов расположения наших войск. Нам пришлось отступить на новые, запасные рубежи обороны. Этот первый бой имел для нас большое моральное значение. Мы на собственном опыте убедились, что несмотря на значительное превосходство в живой силе, военном вооружении, немцы уязвимы, их можно бить. Один из бойцов после этого сражения сказал: «Не удалась фашистам их «психическая атака», не наши, а их нервы не выдержали. Как в народе говорится: не так страшен черт, как его малюют».

На отдельных участках наши войска держали продолжительную оборону. Так, на линии Ворожба — Старые Вирки нашими бойцами

было задержано наступление врага более, чем на 10 дней, а иногда наши подразделения сами переходили в наступление. Так, на второй или третий день, нашими бойцами были заняты первые окопы немцев. Немцы не ожидали такой дерзости, такого натиска с нашей стороны. Они пытались с ходу выбить нас из своих окопов, но попытка провалилась. Шли непрерывные бои. На нас обрушили массированный артиллерийский и минометный огонь, особенно из шестиствольных минометов. И это не помогло. Тогда они пустили в ход танки. Наши бойцы гранатами и бутылками с горючей смесью подбили несколько танков. Немецкая пехота вновь предприняла атаку и вновь была отбита. Разъяренное неудачами немецкое командование решило использовать авиацию. Такой бомбардировке мы подвергались впервые. Нужны были железные нервы, невероятное самообладание, чтобы выдержать непрерывную бомбардировку наших позиций. Не помогло немцам и это. И только прорыв немцами нашей обороны с фланга, как и в предыдущем бою, и возникновение опасности окружения заставило нас отойти на новые оборонительные рубежи. В этом бою фашисты понесли значительные потери. Но и наши потери были велики. Погибло много бойцов, в том числе и Павел Жагло — наш комсомольский вожак, секретарь комитета комсомола исторического факультета Сталинского пединститута. Тактика прорыва линии обороны на стыке наших воинских частей и охват их флангов очень часто применялась немецкими стратегами. Я не помню, чтобы они могли нас выбить с занимаемых позиций даже при массированном применении авиации, танков, артиллерии, минометов. Мы вынуждены были отступить, когда возникла угроза окружения.

Хочу особенно акцентировать внимание на еще одном аспекте войны, характеризующем ее «нечеловеческое лицо». Наряду с большой опасностью, непосредственно угрожающей жизни воинов в боевой обстановке (налеты вражеской авиации, танковые атаки, непрерывный обстрел всеми видами оружия), существовали и другие трудности. Кто то из знаменитых сказал:

«Война — это творческая работа мозга, помноженная на тяжелый физический труд». Остановлюсь на второй части этого изречения. Действительно, война — это сверхчеловеческий труд, моральное и физическое напряжение, холод, голод, отсутствие самого необходимого для человека — сна. Вечно опасаясь окружения, нашим войскам приходилось преодолевать десятки, а то и сотни километров, переходя на новые оборонительные рубежи. Погод-

ные условия в осенний период 1941 г. были крайне неблагоприятными: непрерывные дожди, грязь, слякоть, непроходимые дороги. Часто приходилось ночью совершать переходы на большие расстояния. Особенно запомнился такой переход от г. Конотопа до г. Белополья. Находясь под проливным дождем, с тяжелым грузом — винтовка, противогаз, гранаты и другое военное снаряжение, лишенные длительное время сна, мы с величайшим трудом преодолевали километр за километром. Во время короткого привала (10—15 минут) бойцы падали на землю там, где остановились и мгновенно засыпали. Казалось, нет такой силы в мире, которая могла нас поднять, но, повинувшись своему долгу, мы преодолевали невероятную усталость, поднимались и снова шли, шли...

Большую трудность представляло для артиллерийских частей, да и пехоты, преодоление крутых подъемов, грунтовых дорог. Особая опасность подстерегала в ненастную погоду, когда дороги в осеннюю пору были размыты, превращаясь в сплошную грязь. У подножия этих подъемов скапливалось значительное количество военной техники: автомашины, артиллерийские орудия, обозы с боеприпасами и продовольствием. Даже тракторы, присланные на помощь, не всегда могли вытащить на гору автомашины и орудия. Артиллеристы и пехотинцы вытаскивали на своих плечах и орудия, и другую технику. Для фашистских воздушных стервятников это была прицельная мишень. При появлении немецкого самолета-разведчика (его бойцы окрестили «рамой»), мы уже знали, что начнется артиллерийский обстрел или появятся бомбардировщики. И действительно, как только прояснялось небо, появлялись немецкие самолеты и начинали сбрасывать бомбы, с бреющего полета расстреливать людей. После их налетов можно было наблюдать страшную картину: трупы военных, раненые. Отовсюду раздавались стоны умирающих. Везде валялись разбитые машины, орудия и другая военная техника.

Подобные трудности испытывали наши войска во время прохода по мостам через глубоководные реки. Здесь также свирепствовали фашистские воздушные пираты. Поэтому приходилось, в ряде случаев, преодолевать небольшие речки вброд без всяких вспомогательных средств. Помню, мы переправлялись через один из притоков реки Псел Суджу — в Курской области. Это было уже глубокой осенью, ледяная вода доходила до самых плеч. После переправы нам было разрешено только снять сапоги и вылить из них воду. И шли дальше. За каждым бойцом тянулся водный шлейф. Мы даже не

могли зайти в крестьянские хаты обсушиться и обогреться. После двух часов перехода зашли в какой-то сарай и там на холодной трухлявой соломе сделали небольшой привал. И только через несколько дней одежда, обмундирование подсохли от естественного тепла наших тел.

В тот период войны, когда приходилось часто менять диспозиции войск, окопы были временные, наспех оборудованные. В период дождей на дне окопов скапливалась вода. Стенки окопов постоянно обваливались. Не было возможности прислониться к ним. Приходилось часами стоять в ледяной воде, сверху никакого прикрытия не было. В ненастную погоду, когда пронзительный ветер со снегом и дождем обрушивался на нас, мы промокали, как говорится, до нитки. При этом, мы должны были держать оружие наготове, бдительно наблюдать за противником, который в любой момент мог напасть на наши окопы. Это продолжалось не один час, а бывало и несколько суток. Ученые-медики пытаются объяснить, в силу каких причин человек в военное время мог преодолевать невероятные физические нагрузки, которые в мирной жизни ему были не под силу. Они отмечают наличие огромных резервов человеческого организма в экстремальных условиях. Но, по всей вероятности, эти резервы в основе своей постепенно складываются из систематической тренировки организма, его физической закалки. Безусловно, большую роль играл и моральный фактор.

Опыт войны показал, что быстрее адаптируются к военной обстановке призванные в армию из тех регионов, где в мирное время на должном уровне находилось военно-патриотическое воспитание молодежи, систематически проводилась работа по физической закалке, физкультурно-спортивной подготовке будущих защитников Родины. Это ярко прослеживается на примере нашего педагогического института, где военно-патриотическому воспитанию и физической подготовке уделялось большое внимание.

Студенты нашего института, как и многие бойцы курсантского батальона, честно выполняли свой воинский долг, проявляли героизм и мужество в непрерывных кровавых боях с немецко-фашистскими захватчиками, не щадя своего здоровья и жизни, глубоко верили в неизбежность победы над ненавистным врагом и все свои силы, способности, умения, энергию отдавали для ее приближения.

Можно сделать самые общие выводы по итогам летне-осеннего периода военных действий на советско-германском фронте. Во многих трудах исследователи этой проблемы освещают события второй

половины 1941 г. только в негативном плане, изображая вынужденное отступление наших войск как сплошное паническое бегство. Однако, несмотря на временные успехи немецко-фашистских войск, занятие ими огромной территории нашей страны, больших просчетов и ошибок советского руководства в начальный период, возникновение тяжелого, а иногда и катастрофического положения на ряде фронтов. Красной Армии удалось переломить сложившуюся обстановку в свою пользу и добиться определенных успехов.

Отход наших войск сопровождался ожесточенными боями. Враг нес большие потери. Красная Армия изматывала в этих боях гитлеровские войска. Только под Киевом было разгромлено 10 отборных дивизий, уничтожено 100 тысяч солдат и офицеров. В тылу врага все шире разворачивалось партизанское движение. Горела земля под ногами врага. Вооруженные силы приобрели значительный опыт ведения войны. И к концу 1941 г. Красная Армия не только приостановила наступление фашистских войск, но и освободила значительную территорию нашей страны.

Гускина Людмила Ивановна

Родилась 18 февраля 1923 года в г. Донецке, в семье служащих. Воевала в составе войск 1-го Белорусского фронта, 2-го и 3-го Украинских степных фронтов. Рядовая.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, орденом «За мужество III степени»; медалями: «За победу над Германией», «Защитник Отечества», «25 лет Победы в ВОВ 1941–1945гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «50 лет ВС СССР», «60 лет ВС СССР», «70 лет ВС СССР», «Жукова Г. К.», «Участнику боевых действий».

С 1984 по 1990 гг. — сотрудник Донецкого государственного университета. Пенсионер. Инвалид.

МОСТЫ... МОСТЫ, ДОРОГИ...

Я жила в г. Новочеркасске Ростовской области. Училась в средней школе, мечтала поступить в Ростовский университет, но война все перечеркнула...

Выпускной вечер и утро 22 июня 1941 года...

С 25 июля 1942 г. по 13 февраля 1943 г. — оккупация моего родного города, 6 месяцев угнетения и несправедливости.

5 мая 1943 г. я и две мои подруги добровольно вступили в ряды Советской Армии и проходили службу в 31 отдельном мостовом железнодорожном батальоне (310 ОМЖДБ), в должности телефонистки, в звании — рядовой.

15 сентября 1943 г. наш батальон выгрузился на ст. Чаплино. Отсюда началось наше продвижение в сторону Днепропетровска и дальше по Украине.

Восстанавливали мосты первой очереди в г. Днепропетровске, через реку Днепр, на юге — через Южный Буг. Несмотря на обстре-

лы, наши солдаты и офицеры выполняли свой воинский долг — строили и ремонтировали мосты, наводили переправы.

Глубокой осенью 1943 г. войсками Советской Армии был полностью освобожден от врагов г. Киев.

После полного освобождения Украины, наш 31 ОМЖДБ в составе 13-й железнодорожной бригады перебазировали в Белоруссию, в район Могилева, в верховье р. Днепр и реки Друть.

Мы своими глазами видели чудовищные сплошные разрушения, зверски замученных людей. Все это вызывало у нас жгучую ненависть к фашистским оккупантам.

Хочется сказать, что наша бригада могла гордиться еще и тем, что была настоящим созидателем. И это во время войны!

Наш 31 ОМЖДБ с 7 февраля 1943 г. по 10 апреля 1945 г. входил в состав действующей Армии.

За боевые заслуги перед Родиной награждена: орденом Отечественной войны II степени, орденом «За мужество» III степени, медалями «За победу над Германией», «Защитник Отечества», юбилейными медалями «Жукова Г. К.» и «Участнику боевых действий».

Диченсков Михаил Павлович

Родился 29 октября 1918 года в городе Каменске Ростовской области, в семье служащих. Воевал в составе войск Центрального фронта. Старший сержант.

Награжден орденом Отечественной войны I степени; медалями: «За победу над Германией», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «50 лет ВС СССР», «60 лет ВС СССР», «70 лет ВС СССР», «Жукова Г. К.».

С 1969 по 1991 гг. — работник Донецкого государственного университета, доцент кафедры русской литературы. Инвалид войны. Умер 18 октября 2004 года.

НА ЗАПАДНОМ БУГЕ

5 сентября 1940 г. мы, луганчане, — украинский поэт Микола Упеник, инженер Петр Светличный и я, по особому призыву прибыли для прохождения воинской службы в знаменитый Таращанский полк дивизии им. Николая Щорса. Свою славу полк заслужил еще в годы гражданской войны под командованием Боженко.

Пытаясь испытать боевую мощь нашей Армии, гитлеровцы крупными силами двинули на Таращанский полк, оказавшийся в первой линии продвигавшихся советских войск. Капитан Степанов со своим батальоном совершил дерзкий маневр — и немцы были разгромлены.

Вопреки измышлениям доморощенных дилетантов-стратегов, упрекающих К. Г. - Жукова в разрушении укреплений на старой границе и медленном укреплении новой границы, строительство оборонительных сооружений велось энергично, вовремя сдавались объекты. За это наш Таращанский полк, в числе других войск прикрытия Западной границы, весной 1941 г. был награжден орденом Красной звезды. В со-

ставе делегации, получавшей орден полка в Кремле, был и Микола Упеник.

В начале 1941 г. мы, пехотинцы, получили новые крупнокалиберные пулеметы, полуавтоматические винтовки со штыками-ножами и первые автоматы ППШ и ППД. Началось перевооружение пехоты.

Я получил СВТ («МД-894») (самозарядная винтовка Токарева), верой и правдой послужившая мне в боях. Расстался я с ней только в прифронтовом эвакуогоспитале, а номер запомнил на всю жизнь.

22 июня 1941 г. в составе дивизии наш полк встретил врага на Западном Буге. Опираясь на созданные нами оборонительные и укрепительные сооружения, таращанцы, как и вся дивизия, героически отражали натиск превосходящих сил противника.

Маршал И. Х. Баграмян в книге «Первый удар» особо отметил героизм нашей дивизии, проявленный в боях на границе, в обороне г. Киева, под Малином.

Прославились щорсовцы и в боях за Сталинград. Высадившись в районе завода «Красный Октябрь», отбили большой цех и удерживали его, как плацдарм, вплоть до решающего наступления. Но это было уже без меня. Во второй половине четвертого дня войны, в бою под местечком Любомль я был тяжело ранен. Только братская поддержка однополчан Григория Шайдука и Александра Савченко помогла мне своевременно добраться до эвакуационного пункта.

После длительного лечения, будучи ограничено годным II степени, я вернулся в строй. Демобилизован 2 декабря 1945 года. Как драгоценнейшую реликвию храню памятный знак «Ветеран 45 СД-74 ГСД».

Егоров Иван Фадеевич

Родился 18 декабря 1930 г. на хуторе Тюковной Серафимовического района Волгоградской области, в семье крестьян. В годы войны принимал участие в деятельности подпольной организации (г. Красный Луч). Рядовой.

Награжден медалью «Жукова Г. К.»

С 1993 по 1997 гг. — сотрудник Донецкого государственного университета. Пенсионер.

КАЖДУЮ НОЧЬ ЛЮДЕЙ УВОДИЛИ НА РАССТРЕЛ

Перед Великой Отечественной войны наша семья проживала в шахтерском городке Красный Луч Ворошиловоградской области— (сейчас Луганская область).

Осенью 1941 г. фронт подошел к городу и остановился по реке Миус на долгие 9 месяцев. Первых раненых встречали оркестрами, речами, цветами... Их размещали в школах, в здании горного техникума, и мы, мальчишки, старались больше находиться возле них: кому папиросы дать, кому воды, а с кем просто посидеть и послушать их рассказы. Все было интересно для нас, шахтерских детей.

В трех-четыре километрах от окраины Красного Луча в глубокой балке раскинулся хутор Ивановский. Он был вне поля зрения немцев, и мы там пасли домашний скот и сажали огороды. Нам хорошо была знакома эта местность. Знали мы и о заброшенных угольных штольнях. Это все мне потом очень пригодилось, потому что сначала я прятал там разное оружие, которое мы воровали у немцев, а затем и людей, подозреваемых в связях с подпольем.

Люди из разведки присматривались к нам, мальчишкам, понимая, что в случае оккупации города, нас можно будет задействовать в разведывательных целях.

Летом 1942 г. Красный Луч заняли части итальянских войск. Потом пришли немцы. Они грабили людей. У нас забрали корову, и даже — сено. Семья осталась без кормилицы.

Вскоре поползли слухи о том, что евреев и коммунистов сбрасывают живыми в шурф шахты «Богдан». Люди боялись лишней раз появиться на улицах. Мы же бывали везде, по всему городу, особенно возле продуктовых складов и воинских частей.

Я много видел и слышал. С ребятами мы делились новостями, обсуждали по-детски ситуацию в городе. Круг моих знакомых значительно расширился.

Вместе со сверстниками я и мой брат часто бывали в Ивановской балке. Там мы пасли коз, которых мать купила вместо забранной коровы. Возвращались домой вечером. Ко мне стали приходиться люди с просьбой вывести из города.

В городе действовал комендантский час, велось патрулирование. Выход из города только по пропускам, но к нашим козам и к нам враги привыкли и беспрепятственно, и без подозрения выпускали нас.

Таким образом, я вывел из города несколько человек, указал дорогу к штольням и дальше в лес Зеленого гая.

О том, что работаю на подполье, я и не догадывался. Я просто помогал людям выжить, выполнял их просьбы.

Однажды, в ноябре 1942 г. мне поручили вывести из города двух неизвестных мужчин. Нас задержали полицаи и доставили в полевую жандармерию, а потом в гестапо.

Меня, подростка, били, морили голодом, склоняли к предательству. И спасло меня от смерти только то, что эти люди мужественно переносили все пытки, твердя, что не знают меня и случайно встретили.

Под Новый 1943 г. меня перевели в концлагерь шахты 17—17 бис, в подвальное помещение кочегарки. Спали на цементном полу, в сырости и холоде: и русские, украинцы, казахи, и евреи.

Зима была холодная и снежная. Нас гоняли на уборку снега с тракта Киев-Луганск, на железную дорогу.

У кого не было обуви, немцы давали колодки — деревянная подошва и шинельное сукно. Без портянок такая обувь — смерть. При условии выполнения нормы, нам давали горячую еду — «баланду» и талон на 200 г «хлеба». За ночь в котельной умирало 5—6 человек. Кто из взрослых пытался бежать, травили собаками и стреляли на месте. Подростков сильно избивали, редко, кто выживал. Каждую ночь людей уводили на расстрел, и они, зная об этом, оставляли нам что-нибудь из одежды.

После Сталинградской битвы нас стали гонять на строительство оборонительных укреплений под городом Боко-Платово.

Рыли окопы, ставили ограждения, а когда наши подошли к городу, специально выгоняли в ночное время на нейтральную полосу ставить ограждения. И это было под обстрелом. Рядом с нашим лагерем, в школе располагался женский лагерь, а чуть дальше — лагерь военнопленных. Утром из этих лагерей вывозили трупы и сбрасывали их в общую яму.

Летом 1943 г. нас, оставшихся в живых, погрузили в немецкие товарные вагоны, человек по 50, и без пищи и воды повезли на Запад. Ехали суток двое. Однажды эшелон остановили, открыли двери и выгнали разбирать завал разрушенного моста. Меня слепило солнце, сильно кружилась голова, не мог идти. Нас заставляли носить шпалы. «Облепили» мы шпалу и понесли. Нас качало и бросало из стороны в сторону. При повороте меня сильно толкнули, я не удержался и покатился по насыпи в высокую траву. У меня совсем не было сил. Мне кажется, что я даже потерял сознание и не помнил, сколько я пролежал в траве. Цепляться за жизнь не было желания. Я решил: «Будь, что будет! Пусть убьют — меньше мучиться». Свалились со мной еще двое или трое обессиленных мужчин. Они стали подниматься по насыпи вверх, их увидели немцы и стали стрелять над их головами. Меня же не заметили, и я остался лежать в траве. Только просил Бога о помощи и молча плакал. Эшелон ушел. Я пролежал до утра, а потом ушел подальше от этого места. Долго скитался, обходя населенные пункты.

В конце сентября, под Бердянском (тогда станция Осипенко) я вышел к своим. Очень удивился погоням, раньше их не было. Лежал в госпитале, поправил здоровье и товарными поездами вернулся в Красный Луч. Дом остался целым, но никто меня не встретил, где были родные — неизвестно. Друзья помогли мне устроиться подсобником на шахту им. Кагановича.

С зимы 1944 г. работал на откачивании воды из затопленной шахты. В сентябре меня записали в школу, но я убежал «на фронт бить фашистов». До фронта я не добрался, поймала милиция. Меня и еще человек 5–6 таких же подростков пристроили в армейское хозяйство на станции Помашной (кажется Кировоградской области). Там я узнал об окончании войны.

Елизаров Владимир Павлович

Родился 3 марта 1923 г. в деревне Федоровка Гусь-Хрустального района Владимирской области, в семье рабочих. Воевал в составе войск Центрального фронта (1007-й легкий артиллерийский полк, командир орудия), 1-го Белорусского фронта (58-й гвардейский штурмовой авиаполк, стрелок-радист). лейтенант.

Награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени; медалями: «За Победу над Германией», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «50 лет ВС СССР», «60 лет ВС СССР», «Жукова Г. К.».

С 1969 г. работает в Донецком национальном университете, доцент кафедры экономики и организации материально-технического снабжения. Инвалид войны II группы.

ВАЖНЫЙ ЭТАП ПУТИ К ПОБЕДЕ НАД ФАШИЗМОМ

Как бы не отдалялись в прошлое годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. нашего народа против немецко-фашистских захватчиков, они будут привлекать к себе внимание будущих поколений. Поэтому воспоминания непосредственных участников битв против гитлеровских орд имеют познавательное и воспитательное значение.

Как участник этой войны, считаю своим долгом поделиться воспоминаниями о военных событиях, связанных с одной из решающих битв Второй мировой войны, битвой на Курской дуге.

В ходе зимней наступательной кампании 1943 г. образовался Курский выступ длиной по фронту около 550 км и глубиной до 200 км, занятый советскими войсками. В меридиальном направлении он пересекал от-

резок важнейшей дороги от Черноморья, через Украину на Белгород, Курск, Орел и на Москву. Здесь фашистские стратеги планировали летнее наступление, предполагая взять в кольцо наши войска, разгромить их, вернуть стратегическую инициативу, утраченную ими в битвах под Москвой и Сталинградом. Для наступления немецкое командование использовало войска двух армий «Центр» и «Юг», сосредоточив в них 70 % танковых дивизий и свыше 65 % боевых самолетов, действовавших на советско-германском фронте. Военные группировки насчитывали свыше 900 тыс. человек, около 10 тыс. орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий, около 2050 самолетов. Важное место фашисты отводили применению новых танков и самоходных орудий. Массированному использованию этой техники способствовали и холмистые равнины между Курском и Белгородом — на юге и Курском и Орлом — на севере.

В те дни я служил в составе 1007-го противотанкового артиллерийского полка, перекрывавшего дорогу от Курска на Орел в районе станции Поныри. Здесь полк и встретил первую вражескую танковую атаку.

5 июля в 3 часа утра артиллеристы полка участвовали в общей мощной артиллерийской контрподготовке, проведенной по изготовившемуся к наступлению противнику. Атаку немцы начали около 10 часов утра. День был солнечный, жаркий. В мареве зноя на дальних холмах показались первые танки противника, выползая из-за гребня волна за волной. Одновременно ударила фашистская артиллерия, а в небе нависли самолеты. Земля встала дыбом, гарь и копоть накрыли наши позиции. В ходе боя имела место первая встреча с новыми немецкими машинами — «Тиграми», «Пантерами», «Фердинандами». Встреча показала, что противник извлек урок из борьбы с нашими противотанковыми 76 миллиметровыми пушками с дальностью прямого орудийного выстрела на 600–700 метров. Поэтому нам пришлось маневрировать — подпускать вражеские танки на 400–500 метров и поражать их в более слабые места — сзади или в борт. А ждать танк, который надвигается, ведя огонь, очень трудно, особенно, когда он не один. Интенсивность огня была столь велика, что приходилось набрасывать мокрые тряпки на орудийные стволы, чтобы как-то их охладить. Кровавый бой длился около четырех часов, в котором мы не дрогнули, а враг отступил, потеряв 11 танков. Хотя наша батарея и выдержала натиск противника, огневая позиция была перепажана снарядами и бомбами. Одно орудие было разбито, в другом — поврежден прицел. К батарейцам пришли

на помощь соседи-минометчики, которые помогли вывести из боя артиллеристов.

Пятьдесят дней (с 5 июля по 23 августа) шли жесточайшие бои на земле и в воздухе. Однако клещи врага, тянувшегося к Курску, не сомкнулись. Операция фашистского вермахта «Цитадель» в Курской битве провалилась. Советская Армия окончательно закрепила за собой стратегическую инициативу. Эта битва обеспечила выход советских войск к Днепру и завершила коренной перелом в ходе войны. Так, поэтапно ковалась победа над фашизмом.

В боях на Курской дуге 30 июля 1943 г. я был ранен и радостные вести об освобождении городов Орел и Белгород, а также о первом за время войны салюте воинам-освободителям в г. Москве, я узнал уже в госпитале № 283 города Елец. Там же я узнал и о награждении меня орденом Красной Звезды.

Земнухов Александр Александрович

Родился 17 сентября 1917 г. в деревне Илларионовке Шацкого района Рязанской области, в семье крестьян. Воевал в составе войск Южного фронта, Северо-Кавказского и 1-го Украинского фронтов. Рядовой.

Награжден орденом «Богдана Хмельницкого»; медалями: «За отвагу», «За Победу над Германией», «За доблестный труд в ВОВ 1941–1945 гг.», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «50 лет ВС СССР», «Жукова Г. К.».

С 1977 по 1987 гг. — сотрудник Донецкого государственного университета. Пенсионер.

БОЛЬ ВЕТЕРАНА

60 лет отделяют нас от победного дня, когда затихло смертоносное оружие. Нелегко было советским людям дойти до праздника Победы. Гитлеровская армия представляла собой мощную силу, способную выдержать длительную, напряженную борьбу и, прежде чем напасть на нашу страну, она покорила почти все страны Европы. Все материальные и людские ресурсы этих поверженных стран использовались в военных целях против Советского Союза.

Я помню, как 22 июня 1941 г. правительство сообщило по радио о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу страну. Германские войска быстро продвигались по нашей территории, разрушая и сжигая все, что было построено советскими людьми.

Как солдат запаса, я был мобилизован и отправлен в город Ворошиловград (Луганск) в формирующуюся 395 стрелковую дивизию, именованную Шахтерской.

В конце сентября начале октября 1941 года наша дивизия вступила в бой с гитлеровцами под Мариуполем.

Как известно из документов, в плане Барбаросса первоначально намечался захват Ленинграда, Москвы и Донбасса. Враг знал, какое экономическое значение для Советского Союза имеет этот регион и бросил сюда мощную группировку войск — крупные танковые силы.

Я помню, как армады немецких танков шли на позиции наших бойцов и только благодаря исключительному героизму воинов и командиров, которые стояли насмерть, удалось задержать хотя бы на несколько часов продвижение противника и дать возможность нашим частям закрепиться на новом оборонительном рубеже.

Воины шли на танки с гранатами, бутылками с горючей смесью, героически гибли, но не пропускали врага. Жертвы были ненепростыми — враг нес ощутимые потери как в технике, так и в живой силе.

Население близлежащих населенных пунктов принимало непосредственное участие в борьбе с врагами: старики и женщины-домохозяйки готовили посылки фронтовикам, 12–14-летние подростки собирали пустые бутылки, приносили их в тыловые части, заполняли горючей смесью для борьбы с танками. Предприятия выпускали оружие. Все это способствовало успеху Советской Армии.

В конце октября 1941 г. под городом Красный Луч было приостановлено продвижение вражеской армии по Донбасской земле. Планы по захвату важного экономического региона были сорваны. Восточные районы Донбасса, фактически вся Ворошиловградская область, более восьми месяцев, до июля 1942 г., продолжала добывать уголь, плавить металл, выпускать оружие и боеприпасы для обороны страны.

Летом 1942 г., в силу сложившихся обстоятельств, на Южном фронте наша армия вновь вынуждена была отступать. Над страной нависла угроза поражения. Но советский народ как на фронте, так и в тылу прилагал все усилия, чтобы спасти Родину. И спас!

Уже осенью 1942 года советские войска громили немецко-фашистских захватчиков под Сталинградом — началось неуправляемое изгнание врага с родной земли.

Мне довелось участвовать в боях за Донбасс, в обороне Кавказа, изгонял фашистов с Кубани, Украины, освобождал Киев.

Большую роль в борьбе с захватчиками сыграли партизаны и подпольщики на оккупированных врагом территориях. Они передавали информацию армейским штабам, осуществляли диверсии во вражеских тылах, вселяли веру и надежду в людей на возвращение Красной Армии и советской власти.

Знаю об этом непонаслышке. Мой родной брат, Иван Александрович Земнухов — Герой Советского Союза — был одним из руководителей подпольной организации «Молодая гвардия», которую организовали в июле 1942 г. в городе Краснодоне. Молодогвардейцы писали и распространяли листовки, совершали диверсии, уничтожали предателей народа, сожгли биржу труда и тем спасли от угона в фашистское рабство около 2000 юношей и девушек. В ночь на 7 ноября 1942 г. молодогвардейцы, рискуя жизнью, водрузили на самых высоких зданиях и сооружениях города красные полотнища.

В январе 1943 г. гестапо с помощью предателей раскрыло организацию и арестовало почти всех ее членов, арестовали и моего брата Ивана. После страшных пыток его и товарищей по подполью живыми сбросили в шурф шахты. Считанные дни не дожили подпольщики до светлого дня освобождения. Героический подвиг Красной Армии и самоотверженный труд советских людей в тяжелые годы войны по достоинству оценили многие государственные и политические деятели Запада — глава правительства Великобритании Уинстон Черчилль, президент США — Франклин Рузвельт и многие другие.

Государственный секретарь США, в годы Второй мировой войны, Стеттиниус в обращении к своим согражданам откровенно признался: «...американскому народу не следует забывать то, что он в 1942 г. находился на краю гибели. Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Великобританию. Они были также в состоянии захватить Америку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке».

Советский Союз удержал свой фронт. И это сделали нынешние престарелые люди. Это они, под ураганным огнем врага, шли вперед, чтобы освободить родную землю и принести освобождение покоренным народам. Это они, полуголодные, производили продукцию, необходимую для фронта, для Победы.

И вот теперь людей, добившихся всемирно-исторической победы, уцелевших в пекле войны, родное государство ограбило, бросило в нищету. Правда, и руководство страны, и местные власти во всеуслышание в своих сочувственных речах признают это как факт, и даже принимают некоторые меры, например, выделяют разовую денежную помощь, распределяют продуктовые наборы, организуют праздничные обеды, но это все — раз в год.

Наши областные и городские власти перед днем Победы появляются на телеэкранах по случаю открытия новых пансионатов, гос-

питалей для инвалидов. Это благое дело, но ведь я, как инвалид войны, могу там побывать только раз в два года — двадцать один день и то с доплатой.

Обижает и то, что в праздничные и предпраздничные дни ведется много разговоров об улучшении жизни ветеранов страшной войны, а за разговорами ничего не делается, поговорили — и забыли. С каждым годом ветеранов становится все меньше и меньше. Уходит наше поколение и как обидно, что большинство ветеранов не жили по-человечески и не могут быть похоронены с почестями. Я думаю, что местные власти должны подумать о выделении участка земли для захоронения ветеранов Великой Отечественной войны. Это будет Мемориалом памяти о тех, кто защищал и защитил Родину от врагов.

Огорчает меня и отношение молодых к старикам: из многих школ исчезли музеи боевой славы, нет больше уроков мужества и патриотизма.

Шестьдесят лет над нашей страной — мирное чистое небо. Но трагический набат минувшей войны живет в памяти народа, постоянно напоминает, какой дорогой ценой завоевана Великая Победа.

Враг, осмелившийся напасть на мирных советских людей, ими и был повержен. Его ненавистные знамена и военные штандарты с презрением брошены к подножью Мавзолея на Красной площади в Москве воинами победоносной Советской Армии.

Ивакин Федор Фролович

Родился 18 января 1926 г. в селе Пашиково Грачевского района Воронежской области, в семье крестьян. Воевал в составе войск 1-го Украинского фронта, в Управлении контрразведки. Подполковник.

Награжден орденом Отечественной войны II степени; медалями: «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За безупречную службу в ВС СССР», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет ВС СССР», «50 лет ВС СССР», «70 лет ВС СССР», «Жукова Г. К.».

С 1979 по 1989 гг. — сотрудник Донецкого государственного университета, преподаватель кафедры гражданской обороны, кандидат медицинских наук. Пенсионер.

БОЙЦАМ НЕВИДИМОГО ФРОНТА ПОСВЯЩАЕТСЯ

И вечный бой!

Покой нам только снится.

А. Блок

В начале апреля 1945 г. я был направлен в Управление контрразведки «Смерш» 1-го Украинского фронта переводчиком немецкого языка.

Воинские части и соединения 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, густо насыщенные войсками и техникой, готовились к решающему наступлению на Берлин.

Немецко-фашистское командование рассматривало битву за Берлин как решающую битву на Восточном фронте, поэтому от реки Одер до Берлина была создана сплошная линия оборонительных сооружений. Кроме того, разведка узнала, что на непосредственных подступах к городу

было создано три оборонительных рубежа. В самом же Берлине находилось 9 секторов обороны, куда направлялись отборные полицейские и эсэсовские части.

Для того, чтобы наши передовые части при наступлении не встретились с неожиданностями, накануне генерального наступления проводилась разведка по всей линии фронта. При этом, тщательно уточнялась огневая система обороны противника, состав его группировки.

Героический штурм Берлина начался рано утром 16 апреля 1945 года. На гитлеровские войска обрушился шквал огня и металла. Но прорвать с ходу такую глубоко эшелонированную оборону противника с громадным количеством войсковых соединений, оснащенных всеми видами вооружения, было трудно. Поэтому частям Советской армии пришлось вести тяжелые бои на подступах к Берлину, огромному, капитально построенному городу, где почти каждый дом, по существу, готовый опорный пункт с кирпичной кладкой стен в метр-полтора.

Немецкое командование, не считаясь ни с чем, планировало проведение целого ряда диверсионных актов, которые препятствовали бы продвижению наших войск. Благодаря работе наших разведывательных органов, удалось предотвратить взрывы нескольких электростанций и газовых заводов, системы водоснабжения и канализации в Берлине, затопление линий берлинского метро.

30 апреля советские войска штурмом овладели Рейхстагом, а 2 мая весь день в Берлине гитлеровцы целыми подразделениями и частями сдавались в плен, капитуляция приняла всеобщий характер, сопротивление Берлинского гарнизона прекратилось повсюду и полностью.

В ночь с 8 на 9 мая 1945 г. представители германского командования подписали в Карлсхорсте акт о безоговорочной капитуляции вооруженных сил фашистской Германии.

С 17 июля по 2 августа 1945 г. в Потсдаме проходила Берлинская конференция глав правительства СССР, США и Великобритании. На конференции было принято решение о демилитаризации и денацификации Германии, уничтожения германских монополий, о репарациях и по другим вопросам.

Безопасность проведения этой конференции осуществляли органы контрразведки.

По окончании войны органы контрразведки были переданы Министерству госбезопасности.

С мая 1945 года я продолжал службу в Оперсекторе МГБ СССР земли Саксония. Нашими задачами было проведение в жизнь ре-

шений Потсдамской конференции и постановлений Советской военной администрации в Германии. Конкретно это выразалось в разоблачении видных деятелей национал-фашистской партии, крупных военных преступников. Так, сотрудниками Оперсектора наряду с другими был арестован гаулейтер земли Саксония Мартин Мучман. Проводя эту работу, мы готовили и некоторые материалы к Нюрнбергскому процессу (суд над главными нацистскими военными преступниками с 20.11.45 по 01.10.46 гг.). Так мне, вместе с оперативными работниками, было поручено сопровождение некоторых видных деятелей национал-фашистской партии и представителей немецкого главного командования в Москву для более тщательного допроса.

Казанцев Александр Никитович

Родился 15 июля 1922 г. в городе Владивостоке Приморского края, в семье рабочих. Воевал в составе войск Ленинградского и Украинского фронтов. Командир взвода, роты. Полковник.

Награжден орденом Красной Звезды; медалями: «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За безупречную службу в ВС СССР», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «60 лет ВС СССР», «70 лет ВС СССР».

С 1969 по 1992 гг. — работник Донецкого государственного университета, зав. кафедрой общественных наук подготовительного факультета для иностранных граждан, доцент.

Умер 30 август 1998 года.

ПОБЕДА — ЭТО ТЫСЯЧИ И ТЫСЯЧИ ПОДВИГОВ

Давно отгремели залпы Великой Отечественной войны. Отдаляется время грозных событий, но что-то снова и снова заставляет обращаться к прошлому. Это боль утрат, которую пережил наш народ.словно символы этой боли, стоят в каждом городе и селе мемориалы, памятники в честь героев, которые погибли, защищая Родину.

На войне не было легких дорог. Этими дорогами шагал и я — пехотинец.

Ночью и днем, в любую погоду шли солдаты, измеряя бесконечные километры войны, грудью прикрывали амбразуры вражеских дотов, бросались под танки с гранатами и зажигательными бутылками, насмерть стояли при обороне важных рубежей.

Победа — это тысячи и тысячи подвигов.

Помню прорыв обороны на Карельском перешейке, в 32 км от Ленинграда. Местность там представляла собой сплошные препятствия: многочисленные озера, болота, бездорожье. Оборона готови-

лась здесь несколько лет и получила название линии Маннергейма. Крупные доты и дзоты, подземные казематы переплетались с траншеями и ходами соединений, сложными искусственными преградами и многокилометровыми заграждениями с колючей проволокой. Наступление началось на рассвете 10 июня 1944 г. после авиационной и артиллерийской подготовки. Земля содрогалась от непрерывных разрывов бомб, снарядов, мин. Все тонуло в тучах дыма и пыли. Казалось, что день и ночь смешались, атака шла за атакой. Это нелегко, подняться во весь рост, когда в воздухе смертоносный металл, земля покрыта минами, а впереди вражеский дзот, извергающий поток огня.

Среди нас было много 19–20-летних, у которых вся жизнь впереди. Много моих друзей погибло на поле боя. Тяжелой была горечь утрат, но рядом всегда присутствовало радостное чувство — чувство победы. Гордостью наполнялись наши сердца, когда Москва салютовала в честь победы под Ленинградом, а наиболее отличившиеся воинские части, стали называться «ленинградскими».

Ни с чем нельзя сравнить те чувства, которые овладевали нами, воинами Советской Армии, во время освобождения городов и сел от фашистской оккупации, при исполнении освободительной миссии в странах Европы.

Время не стирает войну из памяти. У многих воевали близкие, есть семьи, где еще живы непосредственные участники войны, фронтовики, герои трудового фронта, но их остается все меньше и меньше. Поэтому необходимо воспитывать у молодежи чувство патриотизма, любви к Родине, к той Земле, где ты родился и живешь.

Косенко Николай Иванович

Родился 3 апреля 1921 г. в городе Первомайске Ворошиловградской области, в семье рабочих. Воевал в составе войск Западного, Сталинградского, Калининского, 2-го Украинского фронтов. Полковник-инженер.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, 2-я орденами «Красной Звезды»; медалями: «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией», «За боевые заслуги», «25 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «50 лет ВС СССР».

С 1974 по 1991 гг. — сотрудник Донецкого государственного университета, зав. учебной лабораторией. Пенсионер.

В ВОЗДУХЕ ШЛИ ИНТЕНСИВНЫЕ БОИ

Во время войны я служил в авиации, в дальнебомбардировочном авиационном 97-м полку. Начал воевать с первого дня. Новый 1942 г. я застал в тылу, в Куйбышеве. Мы ждали самолеты, которые собирал Воронежский завод, эвакуированный в Куйбышев.

Прилетели мы туда 7 ноября 1941 года. Обстановка была спокойная, и мы перучивались управлять самолетами Ил-2. Я, как инженер полка, с утра до вечера принимал самолеты, которые собирались практически под открытым небом при 20⁰–30⁰С мороза. Рабочие под фанерными навесами собирали самолеты, а заключенные строители корпуса. В сутки выпускали до 20 самолетов.

15 января мы полком вылетели на Северо-западный фронт, где пришлось воевать до конца мая 1942 года. Мы не отступали, и немцы не могли наступать. Немцы были в окружении. Наши войска их держали, а мы, авиация, бомбили их в окружении. А потом, когда началось половодье, распутица и противник стал использовать катера, нам пришлось летать даже ночью.

Когда немцы подошли очень близко к Сталинграду, нас перебросили на Сталинградский фронт. Как правило, во фронтовых операциях участвовала одна воздушная армия, но Сталинград был настолько значительным городом для страны, что там использовались две воздушные армии.

Это было самое тяжелое время. В воздухе шли интенсивные бои, с раннего утра до 200 самолетов поднимались в небо. Не было ни одного самолета, который бы не получил повреждение.

Сменность экипажей была огромной. С обеих сторон потеряли в технике и людях были весьма значительны. У нас в полку оставалось 2 самолета: в одном надо было двигатель заменить, а второй сел на «живот», — не выпустилось шасси. Оставалось два экипажа (2 летчика и 2 техника) и я пятый. Отремонтировать самолеты надо было за ночь, так как пехота, танки, артиллерия уже покинули линию обороны и шли через наш аэродром. Двигатель мы отремонтировали, но взлетели на «честном слове», не убирая шасси, так как все было повреждено. Летели на высоте 40–50 метров над землей, чтобы нас не заметили. Так мы прилетели в Камышин, а оттуда через 3–4 дня снова на Западный фронт, где начиналась битва на Курской дуге.

На Курской дуге полк делал по 4–5 вылетов в день с ПТАБами (противотанковыми авиационными бомбами). Это бомбочка весом всего 1,5 кг, а пробивала броню до 30 мм. В этом танковом сражении с одной и с другой стороны участвовало около 2000 танков. Очень горячие шли бои. Выдержать 4–5 полетов в день было тяжело. С раннего утра до позднего вечера надо было постоянно летать. Одна эскадрилья уходит (12 самолетов), через полчаса за ней идет следующая, а первая уже прилетела и надо готовить ее снова в полет.

Если по всему фронту готовилось наступление, то дня за два до него нам давали гречневую кашу (не перловку или манку, а именно гречневую кашу). Мы уже знали, что будет наступление, а значит надо готовиться. Вот так человек приспосабливается за день, за два, в боевых условиях, к любой обстановке.

Когда были боевые вылеты, то по сто грамм давали только на ужин. В праздники поздравляли друг друга, вспоминали тех, кто погиб. Я ведь, еще будучи курсантом, побывал и на финской войне. Как военнослужащий прослужил 36 календарных лет, а с учетом войны 39 лет. После войны закончил академию. Стал инженером авиационной дивизии. У меня было 200 самолетов. Потом командовал ракетной частью стратегического назначения (с ядерными боеголовками). После службы в армии я всю дальнейшую свою жизнь связал с вюзом и очень горжусь этим.

Космодамианский Александр Сергеевич

Родился 24 марта 1923 года в селе Ревны Навлинского района Брянской области, в семье служащих. Воевал в составе Западного и Прибалтийского фронтов, участвовал в боях за города Хотынец, Брянск, Городок, Витебск, Кенигсберг, командир 1-го Брянского стрелкового батальона. лейтенант.

Награжден орденом Славы III степени; медалями: «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «Жукова Г. К.».

С 1965 года по настоящее время работает в Донецком национальном университете. Заведующий кафедрой теории упругости и вычислительной техники, профессор, академик НАН Украины.

«РАЗРЕШИТЕ — Я!»

Наверное для каждого, кому довелось пережить день 22 июня 1941 г., он начинался по-своему. Но была в нем одна общая для всех черта: неожиданность перехода от мира к войне, от размеренной, уравновешенной жизни к бурной, полной каждодневных опасностей военной поры.

С нетерпением и радостью я, 18-летний студент физико-математического факультета Воронежского университета, ожидал летние каникулы.

Но случилось не так, как думал. Черным смерчем ворвалась в жизнь война.

Фашистские орды бесчинствовали на землях Белоруссии и Украины, ближе и ближе подходили к Москве.

Я обратился в военкомат города Брянска, куда приехал на каникулы с заявлением: «Прошу отправить на передовую». «Успеешь, — категорически ответил военком».

А через некоторое время меня зачислили бойцом первого строительного батальона. Вблизи Смоленска батальон строил полосы оборонительных сооружений.

Я успешно окончил военную школу связистов и был направлен в 18-й артиллерийский полк 83-й гвардейской дивизии Западного фронта, а через несколько дней меня отправили на передовую. Наполненный яростью и ненавистью к врагам, убивал их бесстрашно и хладнокровно.

Из самых тяжелых боевых ситуаций старался выйти победителем. Об этом свидетельствует наградной лист: «Гвардии сержант Космодамианский Александр Сергеевич, продвигаясь впереди боевых порядков полка, будучи разведчиком-корректировщиком батареи, проявил героизм и мужество»... Меня наградили медалью «За отвагу». Это была моя первая боевая награда.

В 1943 г. в боях под Курском я вступил в члены ВКП (б).

Летом 1944 г. дивизия в составе первого эшелона армии вышла на исходные позиции участка прорыва. Позади остались кровопролитные бои под Ржевом, героический штурм станции Сухиничи, недалеко от родного Брянска, 500-километровый марш по земле Белоруссии... За это время 83-я гвардейская стрелковая дивизия вошла в состав 3-го Белорусского фронта и повела наступление в Прибалтике.

Помню, именно здесь произошел случай, о котором я всегда с волнением вспоминаю: «В тот день над болотами нависла плотная пелена тумана. Стояла тишина. Вдруг одновременно «заговорили» орудия всех калибров. Казалось, земля плывет под ногами. Впереди, на позициях противника, все смешалось. Пыль, огонь, дым, фонтаны земли и болотной грязи закрыли солнце, утренний свет потускнел. Бурлил артиллерийский ураган.

За огненным валом поднялись в атаку наши передовые отряды. Они вслед за танками ворвались в первые траншеи, овладели передовым краем обороны противника. Основные силы дивизии пошли в наступление. Но в узком проходе болота ей заслонила дорогу фашистская батарея. Она в упор расстреливала нашу технику и людей. И, как назло, ее никак и ничем нельзя было обезвредить. Наша артиллерия стояла рядом, но не могла видеть из-за атакующих этой батареи.

Кто-то из офицеров принял находчивое решение: машиной проскочить к своим, доложить координаты расположения вражеского орудия и ликвидировать его.

Не могу представить сейчас, как я тогда выкрикнул: «Разрешите — я!». Возражений не было.

Завел машину и стал ожидать, когда начнется стрельба. Вот и выстрел. Летят к небу куски железа, чьи-то тела, одежда...

— Ну, подождите, гады!

Стрелой вылетаю на равнину. Видно, как на ладони.

— Гу-гух, — где-то левее. И земля, смешанная с водой, закрывает ветровое стекло. Совершенно ничего не видно. Лечу вслепую. Сзади взрываются снаряды: второй, третий... Свистят осколки. Кулаком выбиваю стекло. Руль липнет от крови, темнеет в глазах, вот-вот упаду.. А вот и свои. Напрягаю последние силы: только бы не потерять сознание.

— Орудие — огонь!

Сокрушительный залп навсегда похоронил фашистскую батарею. Дивизия продолжала наступление».

Я участвовал в штурме Кенигсберга. Часто смотрел смерти в лицо, повезло — остался жив. Имею две медали «За отвагу», медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», имею орден Славы III степени и другие, дорогие сердцу награды.

Кошкарев Александр Петрович

Родился 25 ноября 1923 г. в городе Царицыне, в семье рабочих. Воевал в г. Сталинграде, на Смоленском и Витебском направлениях, командир стрелкового взвода 270 стрелковой дивизии 39 армии. Старшина.

Награжден медалями «За победу над Германией», «За боевые заслуги», «20 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.», «50 лет ВС СССР», «60 лет ВС СССР», «70 лет ВС СССР», «Защитник Отечества», «Жукова Г. К.».

С 1972 по 2000 гг. — работник Донецкого национального университета, профессор кафедры политэкономии. Пенсионер. Инвалид войны.

«Я — ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ»

25 ноября 1941 г. я получил паспорт и уже 1 декабря по призыву комсомола был в воинской части. Сначала как вольнонаемный, а через месяц мне дали три треугольника, и я стал старшим сержантом, писарем батальона. Почему так сразу? Потому что у меня уже было 4 года трудового стажа (я был экономистом строительного управления).

Встречали мы 1942 г. под Сталинградом. Это была самая суровая зима за годы войны. Сидели в построенном «налегке» бараке возле буржуйки, пели песни, танцевали. Мы были молоды: 14-ти, 16-ти, 17-летние ребята из ремесленных училищ (из ФЗУ). Там были и солдаты, и мы. Это было в степных условиях, в условиях строительных работ и в холоде. Правда, была одна поправка: с Украины гнали эвакуированный скот, и мы ели очень много мяса. Все были сытые. А вот до следующих новогодних праздников пришлось мне доби-

ратся и долго, и сложно, и кроваво, с мучениями, с больницами, с госпиталями.

1942 г. выдался для меня наиболее трудным. Я поступил в военное летное училище. Очень хотел быть летчиком. А возраст — всего 16 лет. В Сталинграде принимали в то время в таком возрасте. Учили нас в походных условиях, и поэтому летом я уже летал. Третий полет у меня был самостоятельный. Во время одного из полетов мне пришлось встретиться с мессершмиттом. Это было в июле 1942 года. Я с перепугу, конечно, начал убежать. Но у меня скорость — 100 км/ч, а у немца — 400 км/ч, так что далеко не убежишь. В конечном итоге я пролетел над городом. Многие видели, как я от него убежал, прятался. За городом ощутил удар и понял, что я сам упал (я же низко летел). Обе ноги были перебиты, рука ранена, весь в крови. Но я получил орден Красной Звезды за то, что, оказывается, сбил мессершмитт. Дело в том, что он настолько долго гонялся за мной, что спустился очень низко, на бреющем, не справился с управлением и врезался в землю. Но посчитали, что это моя заслуга: я его «вынудил» к этому.

Меня награждал Хрущев, член Военного Совета Фронта. Он приехал в училище и поздравил меня, сказав, что я выполнил не только военный долг, но и долг комсомольский, доказав, что советские воины даже в этом возрасте могут воевать и побеждать.

Когда началась массовая бомбежка города, я получил отпуск по ранению и поехал в район своего завода (артиллерийского), где раньше работал. В это время меня контузило. Спасла форма курсанта-летчика и новенький орден. Подобрали меня и спрятали в подвалах цехов на территории завода, где я пробыл с августа 1942 г. до начала ноября. Но там мы не просто прятались. На территории Тракторного, Баррикадного заводов и Красного Октября (эти 3 завода стояли рядом), в этих подземных сооружениях, которые я знал как бывший работник, мы вели свою войну — проводили диверсии против немцев и защищали свои подвалы. За эти 3 месяца мы потеряли почти всех людей. Я был в числе последних 15 человек. Когда я получил контузию, меня переправили через Волгу. Как это делали? Просто хватали любое дерево, привязывали к нему человека и пускали по Волге. Волга делает поворот в правую сторону, а на левой стороне, на том берегу, наши войска стоят. Нас водой как бы прибывало к левому берегу. Так я попал на левый берег. Больше ранений не было, контузия быстро прошла, и я снова оказался в действующей армии, но уже не в авиации, а в пехоте. Вот тут я и «догнал» свой 1941 Но-

вый год. В силу того, что я был бывший курсант, меня назначили командиром взвода. В подчинении было 40 человек, среди которых не было ни одного русского, кроме мальчика 14 лет. Это были туркмены, киргизы, казахи — люди, которые не знали русского языка. Вот именно с ними мы и воевали, и отдыхали, и праздновали и свои 100 грамм распивали. Но на что мне хотелось бы обратить внимание современных молодых ребят: у нас не было никакого признака национализма и дедовщины. Я был для них не командиром, а их воспитанником. Они жалели, защищали, спасали меня. Они сохраняли мне жизнь.

Новый 1944 г. я встречал в госпитале после третьей операции, которую мне сделали 30 декабря. Операция была трудной. Но что я запомнил: мне вливали кровь. Три флакончика, три фамилии называли мне. Фамилии были разных национальностей: русская, татарская и еврейская. А всего мне влили 8 флаконов от людей разной национальности. Поэтому, иногда, когда студенты меня спрашивают, какой я национальности, я говорю: «Я — интернационалист». И этот факт не единичный. Многие стали интернационалистами в этом смысле. 1945 г. я встретил в Доме инвалидов, прикованный к постели, в ранге студента. Учился в Киевском финансовом институте. Потом меня перевезли в Харьков долечиваться. Экстерном закончил я еще один вуз, потом работал.

Ларионов Эдуард Андреевич

Родился 26 ноября 1926 г. в селе Полетаево Полетаевского района Тамбовской области, в семье служащего. Воевал в составе штурмового авиационного полка Прибалтийского фронта. Полковник.

Награжден орденом «Красной Звезды», орденом Отечественной войны II степени»; медалями: «За победу над Германией», «За боевые заслуги», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет ВС СССР», «40 лет ВС СССР», «50 лет ВС СССР», «60 лет ВС СССР», «70 лет ВС СССР», «Жукова Г. К.». С 1972 по 2000 гг. — сотрудник Донецкого национального университета. Пенсионер.

«22-ГО ИЮНЯ РОВНО В ЧЕТЫРЕ УТРА...»

Так вот, в это время мне было четырнадцать с половиной лет. Мог ли я или мои однокашники подумать, что война как-то заденет нас лично, да и что мы вообще понимали в масштабах возможного?

Как сейчас помню, в первые дни войны, бывало, сидят около домов мужички и рассуждают: «Да мы, мол, немца шапками забросаем». А получилось и не быстро, и не «шапками».

А тут незаметно подошло и наше время. В ноябре 1943 г., а точнее 2-го ноября получил я повестку о призыве в ряды Красной Армии. Тогда было мне неполных 17 лет.

Получили мы с группой одноклассников направление в Энгельскую школу пилотов им. Марии Расковой. В Энгельской школе скопилось несколько тысяч курсантов, не успевших закончить авиационные школы в западных районах и вынужденных эвакуироваться

из-за продвижения немецких войск на нашу территорию. Из нашей «зелени», по приказу из Москвы, создали две группы по подготовке младших авиационных специалистов.

В ходе подготовки нас учили тому, что может встретиться в общевойсковом бою. Трудно постигалась эта наука нами, семнадцатилетними. Но впоследствии мы не раз убеждались, что наши командиры-наставники были сто раз правы. Вот уж к месту вспомнить поговорку: тяжело в учении, легко в бою.

По окончании учебы мы с группой товарищей (15 человек) были направлены сначала в 10-й запасный истребительный полк, а затем в 217 штурмовой авиационный полк, находящийся в резерве Ставки Верховного Главнокомандования и готовящийся к отправке на фронт. Прежде чем отправиться на фронт, хочется рассказать об одном событии, характеризующем взаимоотношения в армии в то время.

Я был сильно удивлен, получив приказ принять должность старшины эскадрильи. Мне нет 18-и, а в эскадрильи — «орлы» 20-и, 30-и, 36-и, 40 лет. Пытался, именно пытался, добиться, чтобы меня освободили от этого назначения, но мне доходчиво объяснили, что приказы не обсуждаются, тем более в военное время.

Принял все необходимое имущество и вооружение личного состава. В какой-то из очередных дней, после подъема, строит дежурный по эскадрильи личный состав и докладывает мне, как старшине, о построении личного состава для следования на завтрак, а я стою и не знаю, что делать, точнее знать то знаю, но оробел перед такими гвардейцами. Но тут выходит из строя, как сейчас помню, младший сержант Логачов, 1902 г. рождения, и говорит: «Сынок, тебе приказано нами командовать, ты и командуй, а мы тебе поможем». Это перед отправкой на фронт.

В августе 1944 г. составом 2-й авиационной эскадрильи мы прибыли на 1-й Прибалтийский фронт, которым командовал генерал армии И. Х. Баграмян.

В силу ряда обстоятельств, мне, как специалисту по авиавооружению, пришлось участвовать в четырех боевых вылетах на штурм фашистских войск. Это было в направлении городов Паневежиса, Шауляя.

Мне повезло, я прошел войну и остался жив, а сколько погибало в первых боях, не успев облетаться.

В нашей эскадрильи во втором боевом вылете погибли два брата: летчик и воздушный стрелок. Попадание зенитного снаряда в бен-

зобак, взрыв — ни самолета, ни экипажа и похоронить некого. Но вылеты продолжались и некогда было думать, что может случиться с каждым из нас.

Вот уж как говорится в песне: и, что положено кому, пусть каждый совершит.

После окончания войны я многие годы служил в рядах Советской Армии. С юных лет и до самой старости горжусь тем, что пришлось служить в армии, которую уважали во всем мире.

Обращаясь к молодежи, хочу процитировать слова одного из ветеранов:

«Нашему поколению выпала на долю самая страшная война, какой доселе не знала земля.

Всю свою жизнь мы прошли на боевом марше — так было предопределено.

Нам уже не увидеть, что станет с Родиной. Но мы верим — семена, посеянные нами в молодых душах, прорастут!

Мы, может быть, не дождемся того дня и не увидим ваших светлых лиц, ребята, но мы будем с вами всегда. Обопритесь на наши жизни, в них есть опыт одоления, примите от нас волю к победе, наш праведный гнев и веру в справедливость борьбы.

Ваши бои за Родину — впереди.

Тяжелую работу по возрождению Родины никто не сделает за вас.

И дай вам Бог понять свою меру ответственности.

С любовью и печалью мы благословляем вас из нашего невозвратного далека.

Мы уходим. Помните о нас!»

Тысячу раз подписываюсь под этими словами.

Лемешко Иван Григорьевич

Родился 17 августа 1922 г. в селе Ново-Белая Михайловского района Воронежской области, в семье крестьян. Воевал в составе войск 35-го отдельного танкового батальона — командир роты тяжелых танков, воевал в пограничной зоне с Манчжурией, участвовал в боях Забайкалья. Майор.

Награжден орденом «Красной Звезды», орденом «Знак Почета»; медалями: «За Победу над Японией», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет ВС СССР», «50 лет ВС СССР», «60 лет ВС СССР», «Ветеран ВС СССР», «За безупречную службу I-й, II-й, III-й степеней», «Жукова Г. К.».

С 1980 по 1989 гг. — сотрудник Донецкого государственного университета, старший инженер II части. Пенсионер.

ТРЕВОЖНОЕ ЛЕТО 1941-го...

О Великой Отечественной войне написаны книги, поставлено множество кинофильмов, сняты документальные фильмы.

Телевидение, радио и другие средства массовой информации уделяют внимание этой теме, особенно в период приближения юбилейных дат. В своих воспоминаниях я расскажу о предвоенном времени.

После капитуляции многих европейских стран, война приблизилась к границам Советского Союза. Было очевидно, что войны нам не избежать.

В стране велась большая подготовительная работа среди населения, особенно среди молодежи. Уже со школьной скамьи дети умели стрелять, оказывать первую медицинскую помощь при ранениях, закалялись в беге, плавании, ходьбе на лыжах. Каждый старшеклассник должен был сдать нормы на значок БГТО («Будь

готов к труду и обороне»), значок ГТО («Готов к труду и обороне»), значок «Ворошиловский стрелок», значок «Готов к медицинской помощи» и другие.

Юноши, которые сдали спортивные нормы, а таких было большинство, гордо носили значки, свидетельствующие о высоких спортивных достижениях. Среди выпускников средних школ велась агитация по набору в военные училища различных родов войск.

В 1940 г. я окончил десятый класс. В военкомате мне предложили поступать в Ульяновское бронетанковое училище им. Ленина.

После сдачи экзаменов и проверки мандатной комиссией я был зачислен курсантом этого училища. Нам, курсантам набора 1940 г., не удалось учиться три года, как это предусматривалось уставом учебного заведения, потому что 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия вероломно нарушила договор «О ненападении» и перешла западные границы Советского Союза на всем протяжении.

Я хорошо помню этот день. Все училище находилось в летнем лагере под городом Ульяновском. Воскресный день 22 июня был теплым и солнечным. Ничего не предвещало беды. Курсанты занимались своими делами, отдыхали на территории лагеря.

В 12 часов по радио прозвучало тревожное сообщение, Молотов взволнованно сообщал о начале войны. Он призвал весь советский народ героически встать на защиту своей Родины.

Мы с тревогой восприняли это сообщение, при этом наивно полагая, что немцы в ближайшее время будут изгнаны с нашей территории и разгромлены за пределами страны.

На импровизированном митинге начальник училища и комиссар выразили уверенность в том, что курсанты и командиры по первому призыву станут на защиту своей Родины.

Началась запись желающих уехать на фронт. Такими оказались все курсанты и личный состав училища. Но не суждено было осуществиться этому желанию, потому что боевых танков в училище было немного, а использовать танкистов в пехотных частях — нецелесообразно. На этот счет существовал приказ Верховного Главнокомандующего.

Шла война. В октябре 1941 г. нас подняли по тревоге. В напряженной тишине перед строем курсантов училища был зачитан приказ о присвоении нам звания лейтенантов.

В это время для освоения иностранных танков, которые начали поступать к нам из Англии, США, Канады, направлялись в город Казань курсанты, а в ноябре несколько выпускников были откоман-

дированы в город Горький, где формировалась 3-я танковая армия. Получив канадские танки «Валентайм», освоив их, мы стали готовиться к боям под Москвой, где сложилась крайне напряженная обстановка — немцы подошли к окраинам столицы, угроза захвата города была реальной.

Именно в конце ноября — начале декабря 1941 г. 3-я танковая армия была переброшена на фронт под Москву и во взаимодействии с Дальневосточными дивизиями принимала активное участие в срыве немецких планов по захвату Москвы и разгрому крупнейшей группировки, действовавшей в этом направлении.

В результате наступательной операции под руководством Г. К. Жукова, немцы были отброшены на 100—400 км от Москвы. Это было первое крупное поражение немцев в войне против СССР, а их план «Барбаросса» полностью провалился.

Как известно, в летней военной компании 1942 г. немцы отказались от наступления на Москву и сосредоточили мощную группировку войск на южном направлении. В ходе кровопролитных боев им удалось прорваться к берегам Волги, с главной стратегической целью наступления — захват города Сталинграда, чтобы отрезать север страны от каспийской нефти, от промышленных и сельскохозяйственных районов юга страны.

Существовал договор между Германией и Японией об открытии японцами Дальневосточного фронта после падения города Сталинграда.

Учитывая то, что с Дальнего Востока для защиты Москвы перебрасывались воинские части, а оставшиеся войска были не в состоянии удержать границу в случае нападения миллионной японской армии, Верховное Главнокомандование приняло решение о формировании небольших мобильных воинских частей для быстрой переброски их на Восток страны. Так, в составе 206-й танковой бригады в августе 1942 г. я прибыл в Забайкальский военный округ, который впоследствии был переименован в Забайкальский фронт. Бригада, оснащенная смешанным типом танков, была размещена на 76-м разъезде юга Читинской области и несла там службу по охране границ в Забайкалье.

Перед началом войны с Японией в июле 1945 г., из 206-й танковой бригады были выделены две роты тяжелых танков КВ (20 машин) и в составе вновь сформированного отдельного танкового 35-го батальона направлены к месту форсирования реки Арунь, непосредственно к границам Манчжурии.

8 августа 1945 г., сломив пограничные заставы противника, батальон двинулся в направлении города Хаймара для овладения крупным оборонительным районом противника.

В тяжелых условиях наступления, нам удалось овладеть укрепленными районами японской армии, которая вскоре прекратила военные действия по всем фронтам. Военные действия на Дальнем Востоке были скоротечными и в этом заслуга, прежде всего, воинов Красной Армии и военачальников, получивших опыт руководства военными действиями в четырехлетней Отечественной войне.

Подписание пакта о безоговорочной капитуляции Квантунской армии подвело черту под Второй мировой войной. Народы мира вздохнули от трудностей военного времени и приступили к восстановлению разрушенного народного хозяйства.

Не могу не вспомнить и о тех потерях, которые понесла рота в ходе боев. Были подбиты 4 танка, один из которых подорвал смертник-камикадзе. Смертью храбрых погибли старший механик-водитель, украинец С. П. Козырь, радист, молдаванин А. И. Бевза. Вечная им память!

Лукин Михаил Федорович

Родился 23 февраля 1917 г. в городе Моздоке на Северном Кавказе, в семье служащих. Воевал в составе 47-го Западно-Сибирского полка. Освобождал г. Моздок, Донбасс. Рядовой.

Награжден медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», «30 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.», «50 лет ВС СССР», «За трудовое отличие».

С 1971 по 1995 гг. — работник Донецкого государственного университета, доцент кафедры русского языка. Пенсионер.

Умер 12 декабря 2001 года.

НАШИ СОЛДАТЫ ЗА СЛАВОЙ НЕ ГНАЛИСЬ

Вспоминаю далекий город Кизляр, недалеко от Каспийского моря. 22 июня 1941 год... Воскресенье. Был солнечный день, но для меня стал страшным днем. Начало Великой Отечественной войны. Была тяжелая военная обстановка.

Весной и летом 1942 г. немецкие войска, оккупировавшие Украину и Кубань, рвались на Северный Кавказ. Гитлер стремился овладеть грозненской и бакинской нефтью. Перед нашей малочисленной армией стояла ответственная задача — остановить немецкое наступление. И мы остановили. В сентябре 1942 г. шли тяжелые бои за Малгобек и Моздок — мой родной город.

В армии я был рядовым 1127 стрелкового полка 337 стрелковой дивизии. Имея высшее образование, я считал за честь быть рядовым, ведь рядовые — фундамент армии.

Наша армия сковывала действия немецкого командования, не давала возможности продвигаться к Сталинграду.

Мы изматывали силы врага, заставляли обороняться, а в январе 1943 г. — враг отступил. Из армии я вышел с двумя пулевыми ранениями и отмороженными ступнями ног. В январе 1945 г. при освобождении Чехословакии погиб мой старший брат Алексей. Он уходил на войну добровольцем. Наши солдаты за славой не гнались. Она сама следовала за ними, а иногда и опережала их.

Я воевал в армии Г. К. Жукова — лучшего полководца в мире и очень горжусь этим. В начале мая 1945 г. враг был побежден и безоговорочно капитулировал.

Это был долгожданный праздник на нашей улице и не только на нашей...

Ляшко Иван Семенович

Родился 17 июля 1925 г. в селе Варваровке Гуляй-Польского района Запорожской области, в семье крестьян. В 1942 г. насильно угнан в Германию, был узником концлагеря. В 1945 г. освобожден американскими войсками. Служил в Советской Армии до 1950 года. Ефрейтор.

Награжден медалями «50 лет ВС СССР», «Защитник Отечества», «70 лет ВС СССР», «Жукова Г. К.».

С 1986 по 2000 гг. — сотрудник Донецкого национального университета. Пенсионер.

МОЙ НОМЕР 3363

Родом я с Гуляйпольского района Запорожской области.

Осенью 1941 года немцы оккупировали нашу местность. Я в это время учился в 9 классе. С приходом немцев нашу школу закрыли.

Весной 1942 г. вместе со своими односельчанами был угнан на каторжные работы в Германию.

В штрафном лагере, куда я попал, числился под № 3363. Работали мы на большом военном заводе. Мне, совсем еще подростку, было очень тяжело.

В августе, во время очередной бомбежки, я с товарищем совершил побег, но не прошло и месяца, как нас поймали, но уже в другом городе. Мы назвали другие фамилии и нас оставили работать на шахте города Штейнбаха.

Работа была нелегкой, но давали выходные и кормили лучше.

Долгожданное освобождение из плена пришло в апреле 1945 года. На улицах города — американские войска, я впервые увидел их тогда. Радость свободы и возвращения на Родину окрыляла нас. Мы стремились быстрее попасть к своим, забыть о ранах, о тягостях лет, проведенных на чужбине, в плену.

По прибытии в Советский Союз, в пограничный город Судова Вишня, нас поместили в лагерь государственной проверки КГБ, а через некоторое время отправили в город Медвежегорск на восстановление Беломор-Балтийского канала.

Снова лагерь с колючей проволокой, охрана с собаками, мороз — 40°С и каторжная работа. Условия ГУЛАГа.

По завершении государственной проверки, в 1946 г. был призван в ряды Советской Армии, служил в войсках МВД.

Демобилизовался в 1950 году.

Дальнейшая жизнь была нелегкой. Меня считали неблагонадежным только потому, что я был в Германии. Но все же я закончил Днепропетровский горный техникум, получил направление на работу в г. Сталино (Донецк). Здесь закончил строительный факультет Донецкого политехнического института. Сначала работал мастером на стройке, а затем инженером в Донгипрошахте, позже — в Донгипрооргшахтострое.

В 1985 г. вышел на пенсию, но 14 лет продолжал работать в студгородке Донецкого национального университета.

Я всегда верил и знал — правда восторжествует. Мои заслуги перед Родиной оценили. Я — ветеран Великой Отечественной войны.

Нестеренко Михаил Афанасиевич

Родился 4 июня 1922 г. в селе Устиновке Васильковского района Киевской области, в семье рабочих. Воевал на Забайкальском фронте, участвовал в боях с Японией. С 1937 по 1970 гг. служил в Вооруженных Силах СССР. Полковник.

Награжден орденом «Красной Звезды», орденом «Богдана Хмельницкого», орденом Отечественной войны II степени; медалями: «За победу над Японией», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет ВС СССР», «60 лет ВС СССР», «Ветеран Вооруженных Сил», «Жукова Г. К.»

С 1971 по 1977 гг. — сотрудник Донецкого государственного университета, председатель ДОСААФ. Пенсионер.

Умер 22 сентября 2004 года.

ОПЕРАЦИЯ В МУКДЕНЕ

...Наш 942-й авиационный полк дислоцировался в Чите, а в начале августа 1945 г. был переброшен в Монголию. 6 августа летному составу поставили задачу лично маршал авиации С. Худяков. Через три дня, 9 августа в 00 часов 10 мин. по местному времени начались боевые действия на территории Манчжурии. Наш истребительный полк прикрывал штурмовиков на протяжении десяти дней. И вот 19 августа мы получили новую задачу: обеспечить высадку воздушного десанта в расположении Квантунской армии.

Эскадрилья, в которую входил и мой истребитель, был определен город Мукден. Десантниками в количестве более 200 человек командовал генерал-майор Притула. Лететь до цели предстояло где-то около полутора часов. Во избежание внезапной атаки со стороны противника решили пойти на хитрость. На фюзеляжах наших ЛИ-2 нанесли белые полосы шириной в

целый метр, который должны были обозначить их как бы парламентский статус. За неимением белой краски пришлось использовать гущенное молоко.

Аэродром Мукдена был битком забит самолетами — около 300. Вокруг него — доты, дзоты, траншеи, ходы сообщения, стволы зенитных пушек. Взять такой объект обычным способом можно было только ценой огромных человеческих потерь. Так что хитрость наша, хотя и выглядела наивной, но все же давала какой-то шанс. Больше надеялись на элемент внезапности. Она во многом нам и помогла.

Как сейчас помню те последние километры перед взлетной полосой на чужом аэродроме. Первым садится наш замкомполка капитан Серенок, за ним штурман — капитан Германенко, а потом и остальные 6 боевых машин, топливные баки, которые были практически уже пусты. То, чего мы боялись, и что терзало мысли во время этого, казалось, бесконечного перелета, — а не заминированы ли ВПП, к счастью, не случилось.

Странно, прошло уже столько лет, а я сейчас иногда слышу звенящую в ушах тишину, которая наступила после того, как машина остановилась в конце взлетно-посадочной полосы. Это длилось минуту — не больше, а сколько в нее вместилось чувств — на полстолетия.

Следом за нами один за другим стали приземляться ИЛы. Причем, как только глохли моторы, на их крыльях мгновенно появлялись десятники с пулеметами, которые, по замыслу командиров операции, должны были обеспечить огневое прикрытие посадки других боевых машин. Вскоре аэродром заполнился десантниками. Сначала они заняли круговую оборону, затем небольшими группами стали проникать к огненным точкам противника.

Японцы были буквально ошеломлены такой дерзостью, страх сковал их, сопротивления практически не оказывали. Помнится, к генералу Притуле подошел старик в полувоенной форме, назвавшийся полковником русской царской армии, возглавлявший здесь охрану аэропорта. Он указал, где именно находится штаб фронта, узлы связи, казармы японских летчиков. Это помогло десантникам нейтрализовать важные объекты, а главное — взять в плен 250 пилотов. Нет, не всех, двум из них все-таки удалось подняться в небо машины. Теперь уже нам пришлось пережить неприятные минуты. Решатся ли они на боевую атаку? Оказалось — это камикадзе. Но пронесло, слава Богу. Самым большим и неожиданным трофеем этой боевой операции стал император Манчжурии Генрих Пу И, которого наши

десантники обнаружили в большом транспортном самолете. Я видел пленника метрах в 40 от себя.

После Мукдена мне пришлось совершить еще пару боевых вылетов в район городов Дальний и Порт-Артур. Не случайно потом нашей дивизии присвоили звание Порт-Артурской, а личный состав наградили боевыми орденами и медалями. Там и была поставлена точка в японской войне, однако еще целых десять лет я провел в соседнем Китае, помогал китайскому народу изгнать чайкашистов. У меня остались самые лучшие воспоминания об этой стране, я выучил китайский, чтобы общаться с этими прекрасными трудолюбивыми людьми.

А рассказать об этом решил не случайно: поколение бывших фронтовиков уходит, а хотелось, чтобы молодые люди узнали всю правду о той давней войне на востоке нашей страны. Помнится, в первые послевоенные годы в бывшем СССР День Победы над Японией праздновался на таком же уровне, как и День Великой Победы над фашистской Германией. Потом его почему-то отменили и, мне кажется, зря. Ведь в этой дальневосточной войне тоже погибли наши солдаты, достойные незабываемой памяти и уважения.

В НЕБЕ КОРЕИ

После разгрома Квантунской армии и подписания 2 сентября 1945 г. Актом о безоговорочной капитуляции Японии закончилась Великая Отечественная и Вторая мировая война.

Для нас же, воинов, проходивших службу на Ляодунском полуострове, наступила передышка на несколько лет.

Все вооружение, ранее принадлежавшее Квантунской армии, советским командованием было передано 8-й и 4-й Народно-освободительным армиям Китая, которые и начали вскоре боевые действия по изгнанию войск из страны продажного генерала Чай Кай Ши.

Чайкайшистов поддерживали американцы, стараясь всеми силами удержать гоминдановский режим в Китае. И не просто поддерживали, а вели боевые действия, их разведывательные самолеты постоянно курсировали вдоль берегов Ляодунского полуострова, зачастую нарушая его границы. Задачей нашего авиаподразделения было не допустить подобных вольностей. В таких случаях обязательно наступало возмездие. Так был сбит наш самолет ЛИ-2 в районе Харбина, на борту которого находились представители руководства КВЖД.

Был сбит также молодой летчик-истребитель над аэропортом Саншилипу, совершавший учебный полет.

Но самыми значительными наши потери были в корейской войне 1950—1953 годов.

Наши авиapolки в то время уже были укомплектованы реактивными истребителями МИГ-15-бис, американские же летчики летали на самолетах Ф-86 «Сейбр». Мы проигрывали воздушные единоборства по причине малой площади наших тормозных щитков, расположенных в хвостовой части самолета. Происходило это так: когда наш самолет при атаке заходил в хвост противника и через несколько секунд уже был готов открыть огонь на поражение, американский летчик выпускал воздушные щитки, и его «Сейбр» мгновенно терял скорость, наш же МИГ проскакивал мимо, становясь прекрасной мишенью. На всех самолетах тормозные щитки срочно были значительно увеличены и потери сократились.

Корейская война была негласной. Наши летчики носили китайскую форму, были снабжены фальшивыми китайскими документами, им не разрешалось переходить линию фронта.

Летчики нашего полка в основном прикрывали крупную китайскую электростанцию и базировались на китайской территории. Поэтому у многих из нас, в том числе и у меня, была прекрасная возможность познакомиться с этой страной, с ее народом, обычаями и бытом. К тому же с нашей помощью здесь были построены тысячи новых фабрик и заводов.

Меня лично, например, поразило то, как китайцы относятся к продуктам питания. В саду каждый плод на дереве защищается от червей и гусениц бумажным пакетом. За 10 лет проживания в Китае я ни разу не видел, чтобы на базаре или в магазине продавались хоть чуть-чуть испорченные фрукты или овощи. Никогда фрукты там не валяются на земле. Земли там мало, но каждый ее кусок используется по-хозяйски. На складах — угольном, дровяном или другом — полный порядок, все разложено по сортам, компактно и аккуратно.

Не видел там и воровства. Забыл какую-нибудь вещь в магазине, приди — тебе ее возвратят.

В часы пик вблизи завода можно было наблюдать огромные толпы ожидающих автобус или трамвай, но никто не зайдет в него без очереди. Кондуктор взмахнул рукой — и уже никто не станет ломиться в заполненный салон.

В квартире китайца со средним достатком обязательно есть картины, но они хранятся свернутыми в неширокие рулончики, которые развешивают на стенах только с приходом гостей. Своего гостя

они посадят так, чтобы перед ним висела картина, отвечающая его увлечению и профессии.

Китайцы очень гостеприимны и добродушны, но в минуты гнева их жестокость не знает границ.

Вскоре после образования КНР началась борьба с «врагами народа». Были репрессированы и физически уничтожены более трех миллионов человек — уголовных преступников, сутенеров, содержателей тайных игровых притонов и домов терпимости. Я часто наблюдал, как процессия движется по городу. Впереди, как правило, агитационная машина с громкоговорителем, следом бортовая машина с преступниками и охраной. Она останавливается через 100—200 метров. По громкоговорителю называют имена преступников и состав их преступлений. Таким образом, толпа наэлектризовывалась до предела. За городом, на склоне сопки, преступники роют себе могилы, полицейские расстреливают их и отдают на суд толпе, которая в буквальном смысле разрывает их на куски.

Тема о народных традициях нередко бывает щекотливой, а потому не всегда ее публично обсуждают.

Запомнились часы теплого прощания с китайцами, обмен подарками и сувенирами.

Мы тогда не думали, что покидаем Китай навсегда. Ведь нас многое объединяло и связывало. А в Порт-Артуре на русском кладбище похоронены друзья, не только воины, но и женщины, дети.

Мне пришлось прожить в Китае в составе контингента советских войск 10 лет. Много раз бывал в Порт-Артуре по служебным делам и на экскурсиях.

Самой интересной для меня была встреча с участницей обороны Порт-Артура во время русско-японской войны 1904—1905 гг. Евгенией Ильиничной Едреновой, восьмидесятилетней женщиной.

В 1904 г. ей было 40 лет, преподавала в гимназии. С началом боевых действий она стала сестрой милосердия. От нее я впервые узнал, что Степанов не прав, когда утверждал, что японцы напали на Порт-Артур внезапно, что высший и средний офицерский состав накануне нападения пьянствовал. За несколько дней до нападения русские войска были приведены в полную боевую готовность.

На глазах Евгении Ильиничны в 1905 г. на Золотой горе опустили русский флаг, и только через сорок лет в ее присутствии он был поднят вновь.

Военный совет армии принял решение обеспечить Евгению Ильиничну всем необходимым, отремонтировать ее дом. К сожалению, она прожила недолго, в июне 1946 г. ее не стало.

Похоронена она была по ее просьбе на русском кладбище в Порт-Артуре рядом с могилой капитана, погибшего при обороне крепости сорок лет назад. Хоронили ее со всеми воинскими почестями: с боевыми знаменами и оркестром, гроб с ее телом сопровождал почетный караул.

Расскажу еще о нескольких малоизвестных и даже совсем не известных нашему читателю фактах из порт-артурской жизни.

На чердаке одного из зданий, в котором размещался штаб 39-й армии, в ящике среди всякого хлама были обнаружены секретные документы царской армии, хранившиеся здесь 40 лет.

Интересен японский памятник на горе Перепелиной с изображением пушки и вылетающим из нее снарядом. Этим японцы подчеркивали, что маленькая Япония (снаряд) разгромила великую Россию. Кстати, на этом памятнике наши воины оставляли свои автографы, конечно же, сделали это и мы, авиаторы, забравшись выше всех и написав, кроме своих фамилий, такое: «Авиация выше всех!». Символику этого памятника китайцы потом истолковали по-своему и стали называть его памятником китайско-советской дружбы.

В последние годы дружба между народами Китая и республик бывшего Советского Союза стала крепнуть, и есть надежда, что в недалеком будущем название памятника полностью оправдается.

Никифорова Анна Александровна

Родилась 22 декабря 1920 г. в поселке Румянцево Московской области, в семье крестьян. Воевала на Закавказском фронте. Младший лейтенант.

Награждена орденом Отечественной войны II степени», орденом «Богдана Хмельницкого»; медалями: «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «50 лет ВС СССР», «Жукова Г. К.», знак «25 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.».

С 1963 по 1979 гг. — сотрудник Донецкого государственного университета, начальник II части. Пенсионер.

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

В июне 1942 г. в одну из воинских частей Закавказского фронта мы, шестеро девушек, прибыли первыми.

Все было для нас необычным: и жизнь в землянке, и воинское обмундирование, и боевая учеба.

Немало пришлось потрудиться нашему первому наставнику младшему сержанту Николаю Лепскому, чтобы мы были похожи на красноармейцев.

Через три недели перед строем части 14 девушек приняли присягу Родине и стали солдатами. Вместе с ребятами несли карательную службу, стремясь, все выполнять честно и добросовестно.

В конце первого года службы в часть прибыло пополнение после ранений. В это время я была заместителем секретаря комсомольского бюро роты. Нам, девушкам, приходилось прикладывать максимум усилий, чтобы воины признавали нас как полноправных членов солдатского коллектива. Мы помогали Родине быстрее разбить врага.

Через тяжкие испытания, сквозь огонь боев, 1418 дней шел наш народ к Победе, отстаивая честь, свободу и независимость своей Отчизны, священное право народов на свободную жизнь.

Цена, что ее заплатило человечество во Второй мировой войне, неизмеримо велика. Уроки войны не должны забываться ни нынешними, ни будущими поколениями.

Петренко Василий Иванович

Родился 12 июня 1924 г. в селе Вознесенке Неклиновского района Ростовской области, в семье служащих. Воевал в составе войск Белорусского, 1-го Украинского фронтов, в партизанском отряде был членом подпольной комсомольской организации на территории Ростовской области. Участвовал в освобождении городов Таганрог, Жданов (Маршуполь), Мелитополь. Участвовал во взятии рейхстага, в прорыве обороны немцев на р. Одер. Капитан.

Награжден: орденом «Красной Звезды», орденом Отечественной войны I степени, орденом «Богдана Хмельницкого», медалями: «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией», «20 лет Победы в ВОВ», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «50 лет ВС СССР», «Жукова Г. К.».

С 1973 г. по настоящее время работает в Донецком национальном университете, на кафедре историографии, источниковедения и методики преподавания истории, профессор. Инвалид войны.

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

После ожесточенных и кровопролитных боев на территории Польши и Германии, мы вышли к Одере, где на Кюстринском плацдарме готовилось наступление на Берлин. Путь на Берлин нашим войскам преграждала почти миллионная группировка фашистских войск. В их распоряжении было около десяти тысяч пушек и минометов разного калибра, около полутора тысяч танков и самоходных установок, три тысячи триста самолетов, более трех миллионов фаустпатронов. Сломить врага должны были войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом. Всего на Берлин шло около 2,5 млн бойцов, было сосредоточено более 40 тыс. пушек и минометов, 7,5 тыс. самолетов.

На нашем участке плотность артиллерии достигала больше 250 стволов на километр фронта. Она должна была раздробить оборону противника, максимально подавить его огневые средства и поддерживать атаку пехоты до рубежа шоссейной дороги Ортвиг-Легин и дальше до шоссейной дороги Ной-Бармин-Клайн-Бармин. После этого поддерживать огнем танков другие участки.

Танки и самоходные установки занимали огневые позиции на рубеже атаки и сначала использовались как пушки прямой наводки, а после артподготовки шли в боевых порядках пехоты, поддерживая их огнем.

Вечером 15 апреля было получено обращение Военного Совета 1-го Белорусского фронта ко всем солдатам, сержантам, офицерам и генералам, в котором говорилось: «Боевые друзья! Настало время нанести последний удар и навсегда освободить нашу Родину от угрозы войны со стороны немецко-фашистских разбойников. Настало время освободить из фашистской неволи отцов и матерей, братьев и сестер, жен и детей наших, которые еще изнемогают там.

Дорогие товарищи! Войска нашего фронта за время Великой Отечественной войны прошли тяжелый, но славный путь. Боевые знамена наших частей и соединений овеяны славой побед, одержанных над врагом на Дону и под Курском, на Днепре и в Белоруссии, под Варшавой и в Померании, на Украине и на Одере. Славой наших побед, потом и своею кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми войти в него, первыми провозгласить грозные слова сурового приговора нашего народа гитлеровским захватчикам.

Мы призываем вас выполнить это задание с присущей вам воинской честью, доблестью и славой. Стремительным ударом и героическим штурмом мы возьмем Берлин, ибо не впервые российским воинам брать Берлин. От вас, товарищи, зависит, сумеем ли мы преодолеть последние оборонные рубежи врага и ворваться в Берлин».¹

Как только был получен этот документ, во всех подразделениях прошли митинги, на которых товарищи по оружию, солдаты, сержанты, офицеры провозглашали скупые и суровые слова клятвы выполнить приказ. В ту незабываемую ночь, на 16 апреля, наверное, никто не спал. Все с напряжением ждали: скоро начнется. Содрогнется земля. Все с нетерпением поглядывали на часы, стрелки которых ползли нестерпимо медленно, и каждый ждал начала.

¹ Зінченко Ф.М. Вони штурмували рейхстаг. — Київ, Видавництво ЦК ЛКСМУ.

Наша 23-я танковая бригада 9-го отдельного танкового корпуса и 756-й стрелковый полк 150-й Идрицкой дивизии генерала Шатилова наступали с рубежа атаки — горы Фукс. Приказ прорвать оборону противника вдоль шоссейной дороги Отвиг-Позедин. Мой танковый взвод, усиленный двумя СУ-122, бронетранспортерами, мотоциклами должен был идти впереди бригады, периодически докладывая об обстановке командованию бригады.

В 5 часов утра тишину расколол гром многих тысяч пушек, «Катюш», «Ванюш» и другой реактивной артиллерии. От взрывов дрожала земля, небо перекрестили полосы реактивных снарядов. На противника был обрушен смертоносный ураган. Сквозь щели танкового люка я видел сплошной огонь. Казалось, горели земля и небо. В 5.25 в небо взметнулись мощные прожекторы, дававшие направление нашим войскам. Они ослепили противника, не давая ему понять, что же делается. На флангах подразделений, не прекращая огня, двигались танки, артиллерия, минометы и пулеметы. Вся эта лавина, извергая смертоносный огонь, стремительно приближалась к вражеским позициям. Первая полоса обороны противника во время артподготовки была почти полностью уничтожена. Передовые силы наступающих преодолели первые траншеи. Оглушенные и ослепленные, немцы без сопротивления сдавались в плен.

Вспоминается, когда уже начало светать, мы встретились с группой пленных, среди которых один фельдфебель, обхватив руками голову, шел и громко кричал: «О майн гот, о майн гот!» Как оказалось, некоторые воевали в Норвегии, Франции, были под Сталинградом, но такого пекла не видели.

Утром наступление поддержала авиация, наносившая массовые удары по позициям врага. Выйдя из танка, чтобы осмотреться и доложить обстановку, я попал в огромной величины воронку от авиационной бомбы и, с трудом выбираясь из нее, обнаружил резкое расхождение карты и местности: вместо фольварков и садов, увидел изрытую снарядами землю, перемешанную с клочьями серых и зеленых шинелей.

Вывравшись вперед, мы остановились в небольшой роще, в 300—500 м от канала, достигнув которого, нужно было передать очередное донесение. В это время передовой танк с десантом, развив максимальную скорость, домчался до канала, на противоположной стороне которого нас «ожидали» замаскированные в роще немецкие «пантеры». Танк остановился от оглушительного удара в башню, но

тут же сделал ответный выстрел; «пантера» вспыхнула, охваченная пламенем. Это послал бронейные снаряды Михаил Абросимов — командир орудия из Новосибирска. Еще два хлестких выстрела, затем третий, четвертый... Завязалась неравная схватка (как оказалось после, — с пятью немецкими танками). Горит третья «пантера». «Остались две!» — кричит младший лейтенант Николай Пронин, москвич, и замертво падает на боеукладку снарядов.

Метким выстрелом из орудия Абросимов подбивает третий танк. Еще удар, еще выстрел. Глохнет мотор... Какая-то тяжесть на спине, на шее у меня горячая кровь, — если это моя, то, как же я еще сообщаю, мелькнуло в сознании... Оказывается, это снарядом снесло голову заряжающему Мише Ковшову, и кровавое месиво швырнуло на меня. Все это произошло в считанные минуты. Слышу голос Абросимова: «Выскакиваем!» Но в это время прогремел выстрел из оставшейся «пантеры» и... нет Миши Абросимова. В сознании проносятся — меня ждет та же участь.

Молниеносно выбрасываюсь из танка, прыгаю в траншею, бегу, она заканчивается...

Дорога почти вся покрыта тополями, вывороченными снарядами разыгравшейся нашей танковой дуэли — 1: 5. Оказавшись на поле, подвергся обстрелу немцев, находившихся в 100м. Ползти под градом пуль не хватало уже ни физических, ни моральных сил, с трудом дополз к раненому сержанту из нашего десанта...

Вдруг из рощи появляются танки нашей «группы разведки боем» и «заставляют» немцев замолчать.

Вижу, что к танку кто-то подошел, подумалось: наш десантник, значит, надо спасать танк, иначе за оставленное на поле боя оружие ждет трибунал.

Оказалось — это фаустник. Не раздумывая, он послал в борт танка фаустпатрон — взрыв. Взорвался почти полный боекомплект: в воздухе 9-тонная башня с клацающими люками. Дым развеялся. На оставшихся после артпоединка деревьях увидел зацепившиеся за ветки останки тел погибших Абросимова и Ковшова...

Оказавшись в госпитале в Кюстрине, утром 17 апреля, мы вместе с лейтенантом Давыденко, заикаясь после контузии, уговорили сестру-хозяйку выдать нам обмундирование, якобы для того, чтобы посмотреть разлившийся Одер. Переправились на другой берег, устремились догонять свою 23-ю танковую бригаду. Добрались к концу дня на наш родной КП. За это время мы дважды пересидели артналеты, встретили наших девушек, бежавших из немецкой неволи,

посадили их на машины, а сами, «догоняя» свои танки, наскочили на артбатареи немцев, откуда еле «унесли ноги».

Как оказалось, к этим немцам попал в плен Герой Советского Союза, полный кавалер ордена Славы Григорий Давыдов.

Здесь же, на КП, мы были свидетелями трагического случая. Из подбитого танка к КП подполз механик-водитель и что-то докладывал командиру бригады М. В. Морозову. Доложив, так же, ползком возвратился назад к танку, и через верхний люк опустился во внутрь.

Это видели и немцы. Открыли огонь. Танк взорвался. На наших глазах погиб москвич, отец троих детей.

Мы узнали и о трагической гибели ротного командира I-й танковой роты гвардии капитана Павла Кушнера, награжденного 6-ю боевыми орденами, в т. ч. Красного Знамени, Александра Невского и Отечественной войны. Механик-водитель его танка Сергей Баро-мыченко и радист Борис Ручкин рассказывали, как, выскочив из горящего танка, бежали по шоссе и немцы, увидев их, открыли огонь осколочными снарядами, и осколки одного из них полностью изрешетили Кушнера. Когда его сопровождали в санбат, он, придя на минуту в сознание, просил свой экипаж писать его девушке письма, которые она очень ждет.

После 20-минутной артоработки вражеских позиций 756-й полк и оставшиеся танки подошли к железнодорожному полотну за километр от Шульцендорфа. В боях за Кунерсдорф наши части нанесли противнику значительный урон: было убито и ранено около тысячи солдат и офицеров, много взято в плен, уничтожено и захвачено много пушек, самоходок, стрелкового оружия...

Было тепло и сухо. Весна вступала в свои права, но воины ее почти не замечали. Они смертельно устали. Утомленные трехдневными непрерывными боями, мечтали только об одном — поспать хотя бы несколько часов. Но не до сна было, все мы понимали, что наступает решительный этап в битве за Берлин и нужно продумать каждый шаг.

С утра 19 апреля в полосе нашего наступления снова начался ожесточенный бой. Немецкое командование бросило на это направление свежие силы моторизованной дивизии и батальоны истребителей танков, вооруженных фаустпатронами. Кроме фаустников оборону противника усиливали также минометные подразделения, тяжелая артиллерия, штурмовые пушки, зенитные батареи. Повсюду на танкодоступных местах гитлеровцы сделали завалы, вырыли про-

тивотанковые рвы, дороги и проходы заминировали, оградил колючей проволокой, поставили на прямую наводку противотанковые пушки. В засадах засели фаустники.

До Берлина оставалось 10–12 километров. В итоге пятидневных боев наши войска, сломив оборону и узлы противника, вышли к внешнему обводу обороны столицы Германии. 20 апреля было приказано сходу взять Бирхольц — последнюю преграду на пути к Берлину. Но между Бирхольцем и Каровым, предместьем Берлина, находился концлагерь. Артиллерия, танки, самоходные установки и минометы обрушили огонь на околицы населенных пунктов. То, что мы увидели потом, невозможно передать словами. Посредине лагеря была гора тел, которая стонала и шевелилась... Во все стороны ручьями струилась кровь. Фашисты настолько торопились, что не успели добить раненых и свалили их вперемешку с мертвыми. Звериная жестокость злодеяний страшно потрясла даже тех, кто прошел все ужасы войны с самого ее начала. Заключенные, которые оставались в бараках, увидев, что они освобождены и спасены, многотысячным потоком ринулись навстречу своим спасителям. Радость была такой огромной, что освободители и освобожденные не могли сдерживать слез... Заключенные, а их было более 5 тыс., окружили нас. Похожие на скелеты, в тряпье, они обнимали и целовали всех, находили силы подбрасывать нас на руках. У всех на глазах были слезы и безграничная радость. Нам уже были знакомы случаи, когда заключенные чуть ли не затаптывали своих освободителей. Тяжело передать горе и страдания этих людей, их радость. Они обнимали нас и снова плакали от счастья. Крики радости и приветствий слились во всеобщий шум и гвалт.

21 апреля 1945 г. танки нашей 23-й танковой бригады, совместно с батальоном Неустроева пересекли городскую полосу Берлина, оборона которого складывалась из трех обводов. Гитлеровцам удалось создать мощную и насыщенную систему укреплений. На широких улицах и перекрестках в землю были зарыты пушки, танки, самоходные установки, на этажах и в подвалах засели пулеметчики, фаустники, снайперы. Везде по городу были расставлены сотни железобетонных колпаков, оборудованных пулеметными гнездами. Улицы и площади заминированы, большинство из них перегорожены завалами, баррикадами, перепаханы противотанковыми рвами, дома и кварталы соединены траншеями. Берлин обороняло около 200 тыс. человек, 7 дивизий были в резерве. Гитлеровцы мобилизовали все мужское население города от 16 до 60-ти

лет. Из стариков и подростков были сформированы батальоны фольксштурма. Из членов гитлерюнга организовывались отряды фаустников — истребителей танков.

Каров, широко разбросанный городок дачного типа, уже был залит бело-розовым цветом садов... Наступление началось после 30-минутной артиллерийской подготовки. Как только артиллерия перенесла огонь в глубину города, из-за укрытия выскочили наши танки и самоходки, за ними пошла пехота. Через час Каров был взят. Бой за Бухгольц развивался быстро, обстановка менялась каждые 5—10 минут. В боевых порядках пехоты шел танк младшего лейтенанта Василия Баранова — командира взвода нашего отдельного 269-го танкового батальона, который подавлял огневые точки выстрелами из пушки. К 15 часам мы подошли в Витенау, где засели немцы, занявшие небольшими группами домики и создававшие оборону. Утро 23 апреля выдалось ясным и теплым. Сады омыты белым туманом. Настоящее буйное цветение, свисают бело-розовые вишневые ветки. Все вокруг наполнено пьянящими запахами, весенней свежестью, щедрым солнцем. Но любованье природой продолжается только миг, один лишь миг, между двумя раскатами канонады, которая гремит и лютует по мере того, как набирает силу новый день. Позади нас, километрах в четырех, идет жестокий бой. В результате трехдневных ожесточенных боев были заняты северные предместья Берлина: Каров, Блинкенфельде, Блюмберг, Нидершенхаузен, Розенталь и др. Впереди — центральный район Тиргартен, форсирование канала Берлин-Шпандауер-Шифферест. 756-й полк был усилен танковым батальоном 23-й танковой бригады, шестью 122 мм самоходными артустановками, артдивизионом, батареей истребительно-противотанкового полка, двумя гаубичными полками артиллерийской бригады. Нужно было брать штурмом военный завод, который удерживался немцами. Бой батальона Неустроева, атакующего трамвайное депо, продолжался несколько часов: эсэсовцы жестоко сопротивлялись...

25 апреля Берлин был полностью окружен. В конце дня борьба за Берлин перешла непосредственно в центральные районы города. Бой за фашистскую столицу был небывало жесток. Каждую улицу, квартал, каждый дом приходилось брать штурмом. Упорство врага нарастало по мере приближения к центру. Во время штурма трамвайного парка произошел такой случай. Из одной воронки выскочил старик с ребенком на руках и побежал в нашу сторону через площадь. С одной из амбразур последовала пулеметная оче-

редь. Старик падает, а на площади остается рыдающая четырехлетняя девочка. Спасти ее вызвался сержант Лотошкин. Он схватил ребенка и бросился в траншею. За девочкой и ее спасителем следили все с большим волнением. Позже этот случай был увековечен в памятнике воина-победителя со спасенной девочкой на руках в Трептов-парке.

Рано утром 26 апреля вместе с 756-м полком мы оказались перед Фербиндунгс-каналом. Его окружали многоэтажные дома, которые были приспособлены к обороне. Каждый из них был переоборудован под сильный опорный пункт. Их дополняла и связывала в единое целое система инженерных сооружений. Все улицы и переулки пересекали баррикады и противотанковые рвы. Подступы к каждому опорному пункту прикрывались многослойным огнем из соседних строений. Опорные пункты обороняли роты и батальоны. В системе обороны Берлина широко использовались подземные коммуникации города — метро, бомбоубежища, канализационные коллекторы, различные водосточные и водо-выводящие каналы, трубы, туннели. Огневые точки, железобетонные колпаки, как правило, были установлены вблизи выходов из подземных сооружений. При угрозе их затопления, гарнизон выходил подземными ходами. Диверсионные группы автоматчиков, снайперов, фаустников устраивали засады, открывали огонь по автомашинам, танкам, пушечным расчетам. Серьезным препятствием были также речки и каналы, в разных местах пересекавшие город. Выходя из них, гитлеровцы взрывали мосты и огнем с противоположного берега превращали полосу воды в полосу смерти. Такой полосой смерти был для нас и Фербиндунгс-канал. Мост через канал немцы взорвали. Он оборонялся пехотным батальоном и батальоном фольксштурма. На переднем крае были 7 пушек на прямой наводке, пулеметы, фаустпатроны, два дивизиона тяжелой артиллерии. Так было везде. Необходим был могучий таран, способный дробить и проламывать насквозь эти бесконечные нагромождения укреплений, подавить мощь противника. Роль тарана была возложена на 756-й полк, частью которого была наша 23-я танковая бригада (сорок один танк и шесть самоходных установок САУ-122). Нас поддерживали два полка гаубичной артиллерии. Начиная с 26 апреля эта усиленная группа шла впереди всех, находящихся в этом месте, войск. На четырехсотметровом участке фронта было поставлено на прямую наводку 26 пушек, около 40 танков, 6 САУ. Каждый боец, каждая пушка и танк получили задание — куда и как

стрелять. Возле каждого танка побывал наш командир бригады, подполковник Морозов. В 20.30 здесь одновременно открыли огонь до 150 стволов. Вражеский берег всецело охвачен дымом и пылью, в разные стороны полетели обломки. Озверевшие гитлеровцы провели одна за другой четыре отчаяннейшие атаки со стороны Сименштрассе и железнодорожного полотна. В 3 часа ночи (с 26 на 27 апреля) через канал переправились отдельные группы. С наступлением рассвета немцы, усилив свои силы, вновь с озверелым упорством начали атаку, дабы вернуть утраченное. Бой за Фербиндунгс-канал был исключительно тяжелым. На мосту творилось страшное. Мины и снаряды непрерывно падали, летели один за другим фаусты. В 11 часов через Фербиндунгс-канал переправились и заняли в боевом порядке стрелковых рот танки. Теперь надо идти вперед, через Маобит, захватить парк Клайн-Тиргартен, выйти на северный берег Шпрее, а за Шпрее-Тиргартен — правительственные учреждения, рейхстаг.

Командир 756-го полка полковник Ф. М. Зинченко в своей книге «Вони штурмували рейхстаг» пише: «Цього дня, як, до речі і всі дні боїв за Берлін, славно билися, відважно діяли танкісти 23-ї танкової бригади, які підтримували полк із самого початку Берлінської операції. Бригада почала свій шлях під Москвою, вступивши в битву ще навіть не укомплектованою людьми і бойовими машинами. Випало їй битися і на вогняній Курській дузі. За зразкове виконання бойових завдань та виявлені доблесть і мужність при визволенні міст Севська, Глухова, а пізніше Речиці, бригаді присвоєні почесні назви Глухівської і Речицької. На білоруській землі за участь у знищенні Бобруйського угруповання і визволення Барановичів бригада нагороджена орденом Суворова II ступеня. За бої на польській землі на прапорі бригади засяяв орден Червоного Прапора, а згодом, за оволодіння містом Альтдам — орден Леніна. Починаючи з квітня і до другого травня, аж поки не закінчилася битва за Берлін, 756-й полк жодного разу не відводився у другий ешелон. Весь цей час, вдень і вночі з нами були танкісти ушлявленої 23-ї танкової бригади. Піхота, йдучи вперед, крилася за виступами стін, в під'їздах, пробивалася крізь будинки, двори, підвали. Танкістам же доводилося метр за метром просуватися захарашеними вулицями просто на встановлені за укриттями гармати, вриті в землю ворожі танки і самохідки. З кожного вікна, з кожного під'їзду будинків з обох боків вулиці у будь-який момент у броню може вп'ятися підступний фауст, полетіти під гусениці граната. А танкі-

сти йшли. Йшли і горіли. На місце підбитої машини ставали інші і знову вимітали гітлерівців гусеницями, бронею, точними залпами гармат, свинцевою зливою кулеметів».¹ С утра 27 апреля снова вперед. Тюрьму Маобит решено не брать, а обойти и блокировать. Главное — как можно быстрее до Шпрее и захватить мост Мольтке. Короткая артподготовка и подразделения снова атакуют вражеские позиции. После ожесточенного боя с фольксштурмовцами овладели парком Клайн-Тиргартен и полностью «оседдали» улицу Аль-Маобит. А до моста Мольтке оставалось еще три километра...

¹ Зінченко Ф.М. Вони штурмували рейхстаг. Герои. Годы. Совершения : 3 хроніки Великої Перемоги — К., Молодь, 1978. — 141с.

Романенко Алексей Иванович

Родился 23 апреля 1919 г. в деревне Плоты Свердловского района Орловской области, в семье крестьян. Воевал в составе войск 638 отдельного строительного батальона, 4-го Украинского фронта. Рядовой.

Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, «Богдана Хмельницкого»; медалями: две — «За отвагу», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «50 лет ВС СССР», «60 лет ВС СССР».

С 1986 по 1989 гг. сотрудник Донецкого государственного университета. Пенсионер. Инвалид.

МОЯ ВОЙНА

17 июня 1941 г., не успев сдать последние экзамены за 10 класс, я был призван в действующую армию в Мариуполе. В скором времени я оказался в Харькове в отдельном 638-м строительном батальоне, а 20 июня прибыл в Горловку, где наш батальон расквартировали в 2-х средних школах.

22 июня 1941 г. нас, как и весь советский народ, ошеломила весть о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз.

У многих было мнение, что в Горловке нас не задержат и переправят ближе к фронту, но к большому удивлению, поступила команда — построить временные жилища в Новогорловском лесу и всех распределить по рангам гражданского назначения.

По мере ухудшения положения на фронтах, настроение работать на мирном поприще не было, и только во второй половине августа поступила команда готовиться к отправке на фронт. В течение 2-х недель мы с Никитовской металлобазы, по мере подачи вагонов, грузили балки, швеллера и другой

металлопрокат, а также цемент, бревна и прочее для возведения укреплений на левом берегу Днепра. Наш состав, вместивший в себя большое количество открытых платформ и несколько теплушек, в первых числах сентября прибыл в г. Лубны Полтавской области.

13 сентября нам сообщили, что противник в нескольких местах форсировал Днепр, и мы оказались в окружении. Всем было предложено пробиваться небольшими группами через линию фронта.

Никого из нашего командования мы не видели. После безуспешных попыток выйти из окружения, я и мой товарищ решили обратиться к военному коменданту станции Гребенка. Он предложил нам немедленно покинуть территорию городка и обратиться в штаб армии, местоположение которого не указал.

Оставшись без продовольствия и вне воинской части, мы разыскивали штаб армии. По слухам он находился в с. Бырловка.

18 сентября 1941 г. мы дошли до этого села. Нас, недоученных, безоружных, никто не ждал, и всем было не до нас. Какой-то майор предложил идти в с. Демки, где, якобы, располагался пересыльный пункт, но туда мы уже не дошли, так как к селу прорвались немецкие танки. К вечеру мы возвратились в с. Бырловка и на его окраине заночевали в пустом коровнике. Проснувшись утром, от местных жителей мы узнали, что штаб армии и военкомат ночью выехали из села. В середине дня в село, почти без боя, вошли немцы.

Меня и моего товарища приютил у себя местный житель. Он в первую мировую войну был в плену у немцев (но тогда это были еще не фашисты) и рассказывал, как ужасно немцы обходились с военнопленными. Три дня мы прятались, но далее, по мере установления оккупационной власти, задерживаться у этого человека было опасно.

Из Бырловки мы пошли на восток, я — к Мариуполю, мой товарищ — к Красному Лучу.

По дороге попал в облаву. Меня отправили в лагерь для военнопленных, хотя я не имел оружия и был в гражданской одежде.

Временные лагеря были построены на открытой местности, огорожены двумя рядами колючей проволоки с вышками по углам и в промежутках. Как известно, в Киевском окружении находилось более 500 тысяч солдат и офицеров. В нашем лагере было 36 тысяч. Кормили нас один раз в три дня, давали по котелку борща на 2-х человек. Во время этапирования в г. Кременчуг, давали по буханке хлеба на 8 человек. От голода спасали местные жители, которые выбрасывали из-за кустов на дорогу сухари, морковь, вареный картофель, фрукты. Я все время думал, как же все-таки обмануть охрану (каждую сотню пленных охраняли 4 конвоира: два пеших и два

на лошадях). Наконец, на последнем этапе в 17-ти километрах от Кременчуга, в с. Недогорки, я бежал и спрятался за живой изгородью из лозы во дворе крестьянина Булая Авраама Михайловича.

Забежав в сени, я увидел лестницу, ведущую на чердак, и быстро стал подниматься. В это время открылась дверь, и вошла женщина. Я успел ей крикнуть: «Тетья, молчи, пожалуйста!».

Женщина махнула рукой, и я, не поняв знака, залез подальше на чердак, весь дрожа от испуга. Только часа через два, когда прошла последняя сотня, я услышал женский голос: «Можно выходить!». Я узнал, что женщина убрала лестницу и этим спасла меня. Это было 14 октября 1941 года. Прожив в этой семье три дня, обстиранный, вымытый, накормленный, я решил идти дальше.

В с. Кишиньки, при переправе через Ворсклу, меня опять задержали уже украинские полицаи и доставили к начальнику полиции. Он поверил в выдуманную мной историю о рытье окопов бригадой из Мариуполя и, к удивлению, добродушно посоветовал, не скрываться на проселочных дорогах, а идти по трассе, где движется немецкий транспорт, чтобы не попасть под облаву на партизан.

27 октября я дошел до Мариупольского зерносовхоза, где проживала моя мать с младшими детьми. Там я прожил до освобождения Мариуполя.

15 сентября 1943 г. был мобилизован Мариупольским городским военкоматом. Как бывший окруженец, прошел госпроверку, и был направлен через полевой запасный полк на фронт. Совершенно не обученный, ни разу не державший в руках боевого оружия, пошел в бой. Азы фронтовой жизни осваивал, общаясь с красноармейцами.

Участвовал в освобождении города Мелитополя. Потом нас направили на освобождение Крыма, но не доходя до г. Генчическа, нашу часть повернули обратно, чтобы усилить оборону на Никопольском переднем укреплении. Немцы удерживали левый берег Днепра в надежде с этого плацдарма прорваться в Крым. На этих позициях 14 января 1944 г. я был тяжело ранен.

За освобождение г. Мелитополя и за бои за г. Никополь был награжден двумя медалями «За отвагу».

После ранения полгода лечился в госпиталях г. Баку, затем был комиссован годным к нестроевой службе, и опять направлен на госпроверку органами СМЕРШ в г. Краснодаре. Снова был признан не виновным и откомандирован в г. Новочеркасск в 106 запасный полк, где прошел обучение минному делу. За службу по разминированию награжден знаком «Отличный минер».

Демобилизован из Советской Армии 6 ноября 1945 года.

Тимченко Иван Егорович

Родился 13 октября 1922 г. в городе Торезе Донецкой области, в семье рабочих. Воевал на Юго-Западном фронте и в войсках 2-го Белорусского фронта. Младший лейтенант.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, орденом Отечественной войны II степени; медалями: «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «60 лет ВС СССР», «70 лет ВС СССР».

С 1968 по 1989 гг. — работник Донецкого государственного университета, старший преподаватель кафедры политэкономии, кандидат экономических наук. Пенсионер.

Умер 13 марта 2001 года.

НА ПЛАЦДАРМАХ СЕВЕРНЕЕ ВАРШАВЫ

В жизни каждого человека бывают события, над которыми время не властно. Идут годы, но отдельные факты не только не забываются, но напротив, еще ярче всплывают в памяти с самыми мельчайшими подробностями.

Мне особенно запомнились бои, которые развернулись в январе 1945 г. на 2-м Белорусском фронте. В то время я был командиром самоходно-артиллерийской установки СУ-76 в составе 999-го самоходно-артиллерийского полка РВГК. В экипаже машины также были: механик-водитель, наводчик, заряжающий. В линейных батареях личный состав менялся очень часто: неделя, максимум месяц — и все новенькие, а прежние экипажи или погибали, или находились в госпиталях. Таковы были жестокие законы войны.

В каждой из четырех батарей самоходно-артиллерийского полка было по пять новеньких СУ-76. Получили их в г. Горьком. Машины

только-только сошли с конвейера, пахли свежей краской. Я же был рад, что получил самоходку усовершенствованной конструкции СУ-76 первого выпуска, из так называемые «кировские». Новые СУ-76 были с крышей над боевым отделением. Но два двигателя, каждый по 70 лошадиных сил, работали на бензине, и при попадании снаряда в баки, а каждый вмещал 206 литров, или в топливную магистраль, машина мгновенно вспыхивала, и покинуть ее экипаж просто не успевал.

Кроме того, эта машина весила около 15 тонн и имела меньшую скорость, по сравнению с нашей.

Конструкторы учли опыт первых боев, оставили на машине ту же пушку ЗНС-3 калибра 76 мм, считавшуюся одной из лучших в мире, но сняли броню с верхней части корпуса, что облегчило самоходку почти на четыре тонны. Вот на таких машинах мне пришлось продолжить свой фронтной путь в 999-м самоходно-артиллерийском полку 65 армии 2-го Белорусского фронта.

Даже в кругу военных иногда задают вопросы о том, зачем нужны самоходы, да еще в таком массовом количестве? Существовали же прекрасные танки КВ и Т-34. Поэтому, прежде чем ответить, совершим небольшой экскурс в историю.

Возникновение и развитие самоходной артиллерии связано с историей артиллерии и танков.

Предшественниками самоходных артиллерийских установок (САУ) — были орудия на колесных и полугусеничных автомобилях. В России они появились еще в 1915 году.

САУ — это боевая машина на гусеничном ходу, полностью или частично бронированная, обладающая высокой маневренностью и мощным артиллерийским вооружением. Такие машины появились на вооружении армии позже танков и предназначались для уничтожения живой силы и боевой техники противника с открытых и закрытых огневых позиций.

Первые советские САУ были созданы в 1932 г. на базе существовавших тогда танков.

В ходе финской кампании 1939–1940 гг. хорошо зарекомендовала себя САУ на базе тяжелого танка КВ, но особенно широкое применение самоходные орудия получили во время Второй мировой войны.

Основным назначением САУ (в иностранных армиях их называли штурмовыми орудиями) была борьба с танками и другими бронетехническими объектами. Броневая защита и огневая мощь САУ непрерывно совершенствовалась на протяжении военных лет.

Советские конструкторы в годы Великой Отечественной войны нашли наиболее простое и эффективное решение проблемы — создание САУ, размещая их на базе танков в неподвижной боевой рубке. Ее корпус был больше боевого отделения танка, на шасси которого создавалась САУ, это и позволяло устанавливать более мощное вооружение.

К концу войны обозначились два основных вида САУ: полностью бронированная закрытого типа и частично бронированная полужакрытого или открытого типа. Они прочно утвердились в вооруженных силах как средство, способное сопровождать в бою пехоту и танки огнем и маневром.

Конечно, наилучшим средством борьбы с бронеобъектами противника все же являются танки, обладающие хорошей броневой защитой и высокой маневренностью, однако для наиболее эффективного решения задач они должны превосходить противника в вооружении и не уступать в броневой защите.

В условиях же войны создать в короткие сроки новый танк, превосходящий танк противника, и обеспечить его массовое производство, было делом очень сложным.

САУ стали тем новым средством, которое, во-первых, удалось создать быстро, во-вторых, обеспечивало возможность успешной борьбы с новыми танками противника, а так же имелась возможность усилить их броневую защиту, при равном с танком весе без снижения маневренности.

Были и свои отрицательные стороны. Установка вооружения в неподвижной башне ограничивала угол горизонтального наведения орудия, что резко снижало маневр огнем и, следовательно, эффективность боевого использования САУ, перед которыми из-за этого приходилось ставить более узкие задачи.

В 1944 г. наши наступающие войска форсировали в двух местах реку Нарев, в ее нижнем течении, и создали два плацдарма на западном берегу. Фашистское командование расценивало это как смертельную угрозу рейху, называя «пистолетами, направленными в сердце Германии». Оно немедленно бросило сюда свежие силы, стремясь ликвидировать Наревские плацдармы.

В сентябре-октябре 1944 г. здесь пришлось отбивать бешеные контрудары немцев. Однако, части, овладевшие плацдармами, несмотря на чрезвычайно трудные условия борьбы, стойко выдержали натиск превосходящих сил противника. Оба плацдарма были удержаны, но они были настолько малы, что не могли обеспечить сосредото-

точение крупных сил. Разгорелись ожесточенные бои за расширение плацдармов. В результате площадь их много увеличилась, и они стали исходным пунктом для разворачивания 14 января 1945 наступления войск 2-го Белорусского фронта.

Наступлению предшествовала тщательная подготовка. Командный состав и штабы проводили специальные занятия на местности, изучали методы прорыва сильно укрепленной обороны противника, приемы управления войсками. Подразделения и части учились искусству преодоления траншей, минных полей и проволочных заграждений. В то же время, велась всесторонняя подготовка местности для развертывания пехоты, артиллерии, танков, самоходок.

Местность на плацдармах характерна обилием рек, ручьев, канав и бедна дорогами. Вскоре весь район плацдармов и подход к ним покрылся густой сетью дорог с деревянным покрытием. На всех направлениях связисты провели постоянные линии связи, доходившие до переднего края. Саперные части навели десятки переправ через Нарев, обеспечивающих движение тяжелых танков. Кстати, ширина Нарева достигла здесь 70–100 метров.

День наступления выдался на редкость неудачным. С утра до сумерек стоял густой туман, видимость не превышала 500 метров. Поддержка авиации исключалась. Расчет был только на артиллерию.

Наступление началось мощной артиллерийской подготовкой. Когда сопротивление противника в первой линии траншей было в основном подавлено, двинулась вперед пехота.

Ей на всех участках прорыва сразу же удалось овладеть первой линией немецких траншей.

Несмотря на огромные потери, немцы прилагали все усилия, чтобы остановить продвижение советских войск, бросили в бой все тактические резервы и даже специальные подразделения. Тяжелые бои развернулись за населенные пункты, расположенные в глубине вражеской обороны. Отсутствие авиационной поддержки и чрезвычайно ограниченная видимость крайне осложнили наступление пехоты, танков, самоходных частей и особенно работу артиллерии. Если в первый момент артиллерия была по заранее пристрелянным объектам, то в период боя требовался точный огонь по новым целям, мешающим продвижению, по контратакующему противнику. Эти цели не могли быть видны из артиллерийских наблюдательных пунктов, поэтому главный упор был сделан на широкое использование орудий прямой наводки. Помимо того, что в передовых цепях следовали орудия сопровождения, пришлось направить значительную часть

дивизионной артиллерии. Стрелковые подразделения, конечно, приобрели большую ударную силу. К вечеру наши войска в нескольких местах вклинились в немецкую оборону. С наступлением сумерек в бой вступили «ночные» батальоны, специально натренированные для действий в темноте.

За четыре дня боев наступающие силы Советской Армии сумели настолько расширить занимаемые два плацдарма, что создалась реальная возможность их соединения. Последовало еще несколько стремительных атак, в результате которых вражеские части, разделившие наши плацдармы, были разгромлены. Немцы вынуждены были поспешно отступать, бросая вооружение и военное имущество, и лишь немногим из состава этих частей удалось спастись.

Наши войска, наступавшие на двух плацдармах, соединились. Глубина прорыва немецкой обороны достигла 100 км, и по ширине фронта она также составила 100 километров.

Наступающие советские войска заняли более 500 населенных пунктов, среди которых города Макув, Пултуск, Цеханув, Нове-Място, Насельск.

17 января 1945 г. в 21 час в Москве был дан салют доблестным войскам 2-го Белорусского фронта.

Фонарев Леонид Романович

Родился 10 сентября 1925 г. в городе Донецке, в семье рабочих. Воевал в составе войск 2-го Украинского фронта, в ракетном полку 4-го Казачьего Кубанского корпуса. Старший сержант.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом «За мужество»; медалями: «За боевые заслуги», «Защитник Отечества», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «Жукова Г. К.».

С 1981 по 1992 гг. — сотрудник СКТБ «Турбулентность» при Донецком государственном университете. Пенсионер.

С БОЯМИ МЫ ДОШЛИ ДО ПРАГИ

В армию я был призван 10 сентября 1943 г., когда мне исполнилось 18 лет. Вначале служил в учебном дивизионе 11 артиллерийского полка, располагавшемся в г. Конопте. За высокие показатели в учебной и боевой подготовке мне присвоили звание младшего сержанта. Очень хотел попасть на фронт. В военкомате помогли мне осуществить эту мечту.

На фронте я служил на самоходной реактивной установке — «Катюше», как любовно называли это оружие советские солдаты, и очень гордился этим.

В 1944 г. меня направили в 12 гвардейский полк, который дислоцировался в Румынии. С боями мы дошли до Праги. Нам предстояло серьезное сражение с врагом, но по решению советского командования наш полк остановили в районе деревни Бжедово для дальнейших указаний. Бои продолжались, но в часы затишья мы, военные, всегда помогали жителям этой чешской деревни: рубили дрова, ремонтировали имеющуюся технику. Люди «платили» нам

своей преданностью и в любой момент мы могли рассчитывать на их помощь.

С 1945 по 1948 гг. я продолжал службу в Пятигорске, в 21 учебном танковом полку. По приказу штаба армии наш полк перебазируются в Закарпатье, в г. Ужгород в состав 42 танкового полка, в котором прослужил до марта 1948 года. В 1948 г. после демобилизации возвратился в родной город Донецк, стал работать на железной дороге. Где бы я ни воевал, где бы ни работал, я был горд, что являюсь прямым участником тех знаменательных событий в жизни моей Родины.

Шаповалов Тихон Алексеевич

Родился 26 августа 1925 г. в селе Обуховка Старо-Оскольского района Белгородской области, в семье рабочих. Воевал в составе войск 5-й гвардейской мотомеханизированной бригады 2-го корпуса 1-го Белорусского фронта, участвовал в боях за освобождение Польши. Пулеметчик, разведчик. Сержант.

Награжден орденом Славы III степени; медалями: «За победу над Германией», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «50 лет ВС СССР», «70 лет ВС СССР».

С 1965 по 1991 гг. — работник Донецкого государственного университета, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков. Пенсионер.

РЕБЯТА РВАЛИСЬ В БОЙ...

Войну я закончил, имея неполных двадцать лет. Видел таких же сверстников и в настоящих боях, и на госпитальных койках, в запасных полках и учебных батальонах, видел марширующими до изнеможения на строевом плацу, видел в глубоком тылу, где о войне знали лишь из сведений Совинформбюро, из похоронок, а еще от солдат, которые стали инвалидами войны.

Но самым главным в поведении молодежи тех грозных лет было стремление попасть на фронт, воевать и защищать свою Родину от врага.

Казалось бы, побывав в огне боев, заглянув в глаза смерти можно с полным правом возобновлять силы и залечивать раны в госпиталях. Но ребята добивались досрочных комиссий, писали рапорта, на проверках в записных полках в ответ на вопрос комбата, есть ли заявления и личные просьбы, звучало: на фронт!

Чтобы не быть голословным, расскажу о своих товарищах по госпиталю, который расположился на живописном берегу реки, в лесу, где и продуктов было достаточно, и постель белая, а для любителей — ягоды, грибы, рыбалка.

После перевязки и процедур те, кто выздоравливал, вели нескончаемые разговоры о минувших боях, довоенной жизни, о том, скоро ли выпишут и как попасть в свою часть.

С каждым днем в папке начальника госпиталя увеличивалось количество рапортов с просьбой ускорить назначение на комиссию.

В одном из боев меня тяжело ранили, и я оказался в этом госпитале. Был свидетелем, как солдаты и сержанты направлялись к палатке начальника госпиталя. Старший по званию доложил общую просьбу — выписать. Начальник, пожилой капитан медицинской службы, усадил всех на траву, посмотрел на каждого, помолчал, а потом сказал, что до войны только за один месяц такой жизни, как у вас сейчас, большие деньги платили, и называлось это — отпуском на даче. Конец же беседы все равно был таким: «Отправляйте на фронт, мы уже здоровые!»

И добивались досрочных комиссий, выписывались из госпиталей, попадали в свои и не свои части. И шагали потом, засыпая на ходу, чтобы выполнить приказ, своевременно выйти на заданный рубеж, где их ожидал новый бой...

В ПАМЯТЬ О В. Н. МЕЛЬНИКОВЕ

Мельников Владимир Николаевич

Родился 15 октября 1923 г. в городе Харькове, в семье рабочих. В 1941 г. после окончания школы призван в ряды Советской Армии и направлен в Киевское военное училище связи, которое окончил в 1942 году. Воевал в 1-й гвардейской дивизии войск связи в составе Юго-Западного, Сталинградского и 3-го Украинского фронтов. В 1943 г. переведен в войска правительственной связи. Освободил Донбасс. С 1945 по 1948 годы служил в должности командира отдельной роты правительственной связи. Капитан.

Награжден медалями: «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в ВОВ», «30 лет Советской Армии и Флота», «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в ВОВ

1941–1945 гг.», «40 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.», «50 лет ВС СССР», «60 лет ВС СССР», «Жукова Г. К».

В 1952 г. закончил Харьковский юридический институт. В 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1992 г. защитил докторскую диссертацию. С 1964 по 2003 гг. — работник Донецкого национального университета, заведующий кафедрой философии, доктор философских наук, профессор. Заслуженный работник образования.

Умер 18 ноября 2003 года.

С ВЕРОЙ В ПОБЕДУ.
В ТЫЛУ, В ОККУПАЦИИ,
В ИЗГНАНИИ

ВОСПОМИНАНИЯ
УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ

Дебелый Анатолий Евграфович

*Родился 23 июня 1929 года
на Слобожанщине в с. Крестище Краснодарского района
Харьковской области.*

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

Завтра мне 12 лет, а сегодня, 22 июня 1941 года, началась война. Руководством СССР объявлено о нападении Германии на нашу страну. Война! Какое-то душевное потрясение, холод. Первый день только об этом и говорили, предполагали и прогнозировали будущее, но больше всего о том, что война долгой не будет, в теплое время года закончится, это не то, что в финскую. Наша армия сильна и организована, как никогда, и враг будет разбит, победа будет за нами.

23 июня началась мобилизация в Красную Армию. Мой отец, Дебелый Евграф Павлович, 1906 года рождения, был призван 14 июля 1941 года. Это был последний призывной возраст.

Оставшиеся солдатки, мужчины, не подлежащие мобилизации, стали работать еще больше. Работали на посильных работах и мы, дети. Шла уборка зерновых и их обмолот, урожай был отменный — 35—37 центнеров с гектара. Я это знаю, потому что с раннего утра до позднего вечера я возил зерно от молотилки на колхозный ток на специальной подводе — безтарке (1700 кг — одна безтарка). Заезжаешь прямо на зерно, открываешь специальный затвор — и зерно высыпается, но килограммов 500—700 остается, его выгружаешь вручную. Идет быстрыми темпами уборка урожая, намолоченное зерно свозится на колхозный ток, а оттуда — на склад «Заготзерно». Работа идет днем и ночью. По ночам режут немецкие бомбовозы, бомбят наш любимый город Харьков. Потом начали летать и днем.

3 июля 1941 года слушали обращение Сталина ко всем гражданам СССР о действительных событиях начавшейся войны с Германией. Он призвал к борьбе с фашизмом всех советских граждан. Был митинг. Несколько сельчан выступили с пламенными речами и призывами еще лучше трудиться, работать и за тех, кто ушел на фронт.

Время шло, но события были неутешительными. Враг топтал советскую землю. Начали в село прибывать беженцы. Время стало смутное. Действовали диверсанты. Горели склады хлеба. По непонятным причинам выходила из рабочего состояния техника.

Отлавливали немецких парашютистов. Было много дезинформаторов, шпионов, упитанных и подстриженных под машинку, в форме красноармейцев, изображающих отступающие части Красной Армии. Селян убеждали не сдавать хлеб государству, не угонять колхозный скот на восток, не отправлять сельскохозяйственную технику — тракторы, комбайны, молотилки и др. Весь оставшийся в колхозе скот — свиней, овец, лошадей — взялись угнать на восток оставшиеся в селе мужики, не мужчины, а мужики. Ситуация, вероятно, продумана и согласована. Все тщательно готовится, режут свиней и овец, мелют колхозное зерно на муку, выгребают все из колхозных амбаров, объясняя, что это будет им пайком в дороге. В действительности, растащили все по своим домам. Остатки стада выгнали за три километра, ожидали там прихода немцев. Спустя некоторое время, они начали трудоустраиваться — кто старостой, кто бригадиром, кто полицаем, заведовать маслобойней, начальником хоздвора и пр. Все нашли себе уютные гнезда и начали править бывшим колхозом, назвав его теперь громадским двором № 25. В соседнем селе все колхозное, в том числе и землю, разделили между всеми крестьянами.

Фашистская оккупация приближалась. Все реже попадались повозки беженцев, все чаще пролетали стаи немецких самолетов в сторону Харькова. Уже отчетливо слышался грохот орудий, но организованного отступления не было. Как-то зашел к нам во двор красноармеец, попросил покушать. Моя мать накормила его, чем могла. Вид у красноармейца был удручающим. Душевное состояние подавлено, давно не брит, обмундирование грязное, пилотка в своей нижней части от пота и грязи блестит чернотой, обут в ботинки с обмотками, карабин образца 1891—1930 года, ремень карабина разорван и связан узлом, на боку патронташ. Я спросил, есть ли у него патроны, он ответил, что есть две обоймы и показал их мне. Мать поинтересовалась, почему он один и где остальные бойцы. Он ответил, что уже

где-то здесь, недалеко, попали в окружение. Ночью ему да еще несколькими бойцам удалось вырваться, да вот разбрелись, кто куда. Прошли последние отступающие. Спустя час или два в село въехали на велосипедах какие-то военные с неизвестным нам стрелковым оружием через плечо. Это были немцы с автоматами «шмайсер».

17 сентября 1941 года началась оккупация. Войдя в село, фрицы сразу занялись любимым делом — грабежом. В сараях отлавливали кур, заходили в первую попавшуюся хату и заставляли женщин потрошить и жарить им жратву, именно жратву, а не еду (так цивилизованные люди не едят). Нагреб в курятнике фриц яиц целую пилотку, бьет их о дерево и жадно выпивает — вся морда в яйцах. Сам видел.

Дальше нашего села они не поехали. Бегают по хатам: «Матка млеко, яйки, яблоко — давай, давай». Шарят везде, женщин заставляют доить коров по несколько раз. Один фриц принес к нам гуску, где-то стащил, и заставил мать потрошить ее и тушить. Только стало пахнуть жареным, немец потребовал вынуть гуску и полусырую сожрал за один присест, а там было, наверное, килограмма четыре. В те годы и им в «Фатерлянде» жилось не сладко, и только начав грабить Украину, они наелись досыта. Таскали крестьянских коров и свиней поближе к кухне, резали их в неограниченном количестве и ели мяса столько, что диву даешься. Немцы, которые стояли в нашем доме, приносили котелки с полевой кухни, в которых были килограммовые и более куски мяса.

По всем дорогам движутся бесконечные вереницы немецких войск: пешком, на автомобилях, на военных повозках, запряженных такими лошадьми, что я никогда не видел. Огромные, наверное, более тонны весом каждая, лошади-тяжеловесы уверенно тащили по непроходимой грязи военные грузы, пушки, какие-то невообразимые сооружения на огромных резиновых колесах, а также передвижные зенитные пулеметные установки. В сооружение впряжены по 2—3 пары лошадей. Говорили, что этих лошадей немцы позаимствовали у венгров.

С первых же дней оккупации я услышал слово пан, теперь был «фриц» — пан, староста «громадского» двора-пан, десятник-пан...

Бывшие колхозники, да и мы, детвора, все светлое время суток бесплатно выполняли сельскохозяйственные работы. Также постоянно работали на расчистке дорог, по которым двигались как на восток, так и на запад, немецкие войска. Да, да и на запад. После Сталинграда, а потом и Курской дуги через Красноград бежали какие-то вражеские части, чаще это были румыны. Они бросали фронт и

уходили на запад. Проходя мимо, они дотошно обшаривали наше домашнее имущество, забирали зерно, скот, кухонную утварь, извлекали из русских печек казаны, содержимое их съедали, а вещи сбрасывали в повозку. Но не всем из них удавалось уехать далеко. Временами в селе появлялась немецкая полевая жандармерия и под конвоем всю эту ораву вояк отправляли на передовую.

На очереди новая беда — начинается «отлов» полицией девушек и парней для отправки на принудительные работы в Германию. Подлежат отправке все лица старше 17 лет, не состоящие в браке. Наблюдается хождение по селу девушек, одетых в украинские одежды с вышитыми рушниками, навешенными на сложенные на груди руки. Вдвоем с дружкой приглашают родных, близких, знакомых: «Просили тато й мама та і я прошу, приходьте до нас на весілля» ... Обвенчавшись в сельской церкви (до оккупации села это был сельский магазин), эта крепкая оккупационная семья имела право на существование, не опасаясь, что ночью тебя схватят полицаи и отправят «добровольно» на каторгу. Многие девушки, молодые женщины, не бывшие замужем, да и некоторые замужние, проводившие мужей на фронт, и не надеявшиеся на их возврат с этой страшной войны, принимали себе «приймаков», как бы заключая с ними семейный союз. В этом случае опасность отправки «добровольно» на работы в «Фатерлянд» исчезала. Кто такие «приймаки»? «Приймаки» — это крепкие ребята — бывшие солдаты Красной Армии, попавшие в плен к немцам и бежавшие из плена, а также попавшие в окружение и разбредшиеся кто куда.

Пришла весна 1942 года. Слышно о наступлении Красной Армии под Харьковом. Едут повозки с семьями полицаев, удирают от наступающих советских войск. Спрашиваем, куда едете, говорят — не знаем, нам сказали ехать в сторону Полтавы. И вот наступает жуткая тишина. Те ушли, наши еще не пришли, вакуум власти. На улице брошены два автофургона. Сельский староста, чтобы показать свою лояльность к односельчанам, вскрывает фургоны и раздаживает немецкое имущество, как раньше разбазаривали колхозное добро. Он решил, что вот-вот придет Красная Армия, но пришли немцы и... расстреляли его.

Запомнился мне случай с выходцем из нашего села по фамилии Редько. Он проживал в с. Берестовенька, что в 10 км от родного дома. Будучи начальником полиции с. Берестовенька, он справился с односельчанами-коммунистами Колесняком Артемом и Хмарой Иваном, которые до последнего занимались эвакуацией колхозного

хозяйства. Уйти далеко не успели, попали в окружение и возвратились назад в родные места. В своем селе не появились, боялись, вероятно, расправы, а остались в Берестовеньке. Там их кто-то выдал, они были арестованы. И вот этот самый Редько, их односельчанин, устроил самосуд. Сам лично расстрелял и Колесняка и Хмару. Отец этого Редько не смог вынести такого позора, и однажды на сходе крестьян объявил, что он и его жена отрекаются от такого сына, и со слезами на глазах стал на колени перед односельчанами. Младший брат предателя Антон, возвратившись с войны живым и невредимым, с боевыми наградами, не смог смотреть в глаза односельчанам, уехал из своего села.

И вот числа 16–17 мая 1943 года в село вступили передовые части Красной Армии. Это событие воодушевило народ. Красноармейцев встречали хлебом-солью. Солдаты в погонах (нам удивительно). Прошел передовой отряд и ушел дальше на запад. Вступают в село новые отряды бойцов.

На общественном дворе, возле здания конторы, выносят и устанавливают стол, стулья. Стол накрывается красной материей — полевой военкомат готов. Солдат направляют в крестьянские хаты приглашать мужчин, подлежащих военной службе, незамедлительно прибыть в этот военкомат с вещами. Все и местные, и «приймаки» не уклонялись от призыва. Идет призыв: фамилия, имя, отчество, год рождения. Внешний осмотр призывников — руки-ноги есть, значит, здоров, значит, призван на военную службу. Собрана группа человек 20 или чуть больше, впереди и сзади по красноармейцу — шагом марш на восток, к основным частям наступающих войск. Идут понуро будущие солдаты, за ними с криком и плачем бегут их жены. Проводили за село. Старший из красноармейцев просит женщин возвращаться домой, те останавливаются и долго машут руками. Мы, мальчишки, тут как тут. Кто-то провожает своего отца или близкого, кто-то решил просто поглазеть и порадоваться. Я относился к последним, радовался, что ушли наши паны и некому будет гнать меня на работу. Паны тоже мобилизованы. Сейчас не время было устанавливать, кто они, обсуждать их «трудовую деятельность». Не успели провожающие возвратиться домой, как через пару часов бегут через поля, сады и огороды их любимые, сообщая, что под Барвенково немцы замкнули кольцо, и красноармейцы, оставив мобилизованных, ушли на восток прорываться к своим. Мобилизованные разбежались по домам. В селе никого — ни немцев, ни красноармейцев.

В сентябре 1943 г. снова была восстановлена немецкая комендатура. Опять началась оккупационная жизнь. Паны снова заняли свои должности и с раннего утра до позднего вечера управляют нами. Я тоже уже «полноценный» хозяин. У меня есть конь, я сам его за это время вырастил из маленького жеребенка. Работаю на полях общественного двора, заготавливаю корм на зиму, дрова, обрабатываю свой приусадебный участок, 0,47 га. Этот кусок земли при нормальном урожае с лихвой прокармливал нашу семью из четырех человек. Сеяли ячмень, хотя ячневый хлеб не так хорош, сеяли просо, собирали для пропитания картофель, огородину, кукурузу, подсолнечник на масло. Еле-еле сводили концы с концами, но не голодали. За рабский труд абсолютно нам ничего не платили и ничем не обеспечивали — давали план.

Наша солдатская семья из 4-х человек (мать и трое малолетних детей) обязана была сдать на содержание армии порабитителей (не хочешь кормить свою армию, корми чужую) 700 литров молока, тем, у кого на дворе имеется корова, 500 шт. яиц, несмотря на то, что кур из твоего хозяйства уже забрали. Бери, где хочешь. За невыполнение — в каземат при полицейском управлении. В общем, должников не остается, план выполняется сполна. Но конец этим издевательствам уже близко.

Идет битва на Курской дуге. Сбрасываемые листовки сообщают о разгроме немцев, победоносном наступлении советских войск. Освобожден от фашистов и наш Харьков. Но та победа далась Красной Армии нелегко. Где-то за две недели до освобождения нашей местности через село на запад немцы гнали огромные колонны советских военнопленных, плененных совсем недавно. Бежавшие из плена солдаты и тайком потом пробравшиеся в село говорили, что они попали в плен в июле-августе того же победоносного 1943 года в боях на Курской дуге и под Харьковом, т. е. во время последнего наступления советских войск, которые потом без остановки гнали немцев до самого Днепра.

Хочу добрым словом вспомнить крестьян нашего села, а также ближних сел, оказывавшим огромную продовольственную поддержку военнопленным, нашим соотечественникам, нашим гражданам. Крестьяне несли всевозможные продукты питания советским воинам.

На околице села немцы устроили привал. Селяне пытались помочь пленным красноармейцам, кто чем может. Были свезены из сел огромные котлы вместительностью по 300–400 кг, вырыты для

них ямы, доставлены дрова и продукты. Начиналась раздача этого варева. Варёва, потому что в одном котле была и крупа, и свекла, и капуста, и все, что было принесено. У котлов стояли две шеренги конвоиров. Красноармейцы шли колонной по два человека, а женщины черпаками накладывали пищу. Клали пищу во все: в котелки, у кого они были, в пилотки, а кому и просто в полу шинели. Конвоиры подгоняли — быстрее, быстрее, били прикладами. Зрелище было страшное. Я, наблюдая это, плакал. Сейчас вспоминаю все, а слезы на глазах. Я пишу это для вас, молодые и жизнерадостные, чтобы, прочитав это, призадумались и оценили, чего стоило нам, чтобы вам сейчас жилось хорошо и счастливо и, чтобы вы никогда не допустили подобной беды.

Еще вспоминаю, что в грузовых автомашинах, покрытых брезентом, привезли девушек-военнопленных. Их тоже покормили этой баландой. Отношение к ним со стороны obsługi и конвоя было более или менее человеческим. И еще о конвое. Он состоял из одного конвоира-немца и пяти власовцев — вчерашних красноармейцев, а сегодня — на службе у фашистов. Эти подонки были намного страшнее и свирепее немцев. Они нещадно били военнопленных прикладами, когда те подбегали за хлебом, который крестьяне бросали в толпу. И мне странно сейчас видеть, что когда эти предатели предстают перед суровым и справедливым судом за содеянные преступления, находятся такие, кто оправдывает их.

Но вот военнопленных угнали, наступила тишина. Через два-три дня стал слышен грохот орудийных залпов. На небольшой высоте, чуть не задевая крыши домов, пронеслись самолеты с красными звездами на фюзеляжах. В небе наблюдались воздушные бои.

Потянулись отступающие немецкие войска. Каких только соединений среди них не было! Вот кавалерия из казаков — здоровых мужчин, одетых в немецкую форму, в кубанки из немецкого сукна, изпод которых выглядывали заливчатские чубы, на чистых, гладких, ухоженных и послушных лошадях. Впрочем, казаки выглядели подобающе, почти, как у Шолохова. Вот проезжает какое-то соединение на огромных телегах, как оказалось, калмыки. Ни казаки, ни калмыки не грабили. Прошли власовцы. Выяснилось, что эти соединения участвовали в боях под Харьковом и им советские войска дали так, что они еле добежали сюда. Власовцы вели себя отвратительно по отношению к местному населению, грабили беспощадно, издевались над жителями села, девушек и женщин, не сумевших спрятаться, насиловали.

К колхозным амбарам, заполненным зерном урожая 1943 года (зерновые на этот период были обмолочены процентов на восемьдесят), подъехали грузовики, туда же согнали всех мужчин села грузить хлеб на машины. Зерно отправили на железнодорожную станцию Берестовенька. Наверное, его все же успели вывезти на запад, так как до освобождения села еще оставалось 3—4 дня.

По селу прокатился слух, что нас, жителей села, немцы будут эвакуировать. Куда эвакуировать, зачем, никто ничего не знал. Наши паны, глубоко затаив злобу на тех, кто с нетерпением ждет прихода советских войск, спрятались в своих дворах, не показываются. Полицай усадили свои семьи в повозки, некоторые смелые женщины спрашивают, куда едете, отвечают — в Германию, и горько плачут. Уехали, но недалеко, через пару недель женщины с детьми возвратились в село, их мужья-полицай побежали дальше. Возвратился только один, месяца три спустя, после освобождения нас советскими войсками. Получил 10 лет, отсидел, вернулся живой и здоровый и добросовестно потом трудился в колхозе.

В село въезжает верхом на лошадях группа немцев. Это эвакуаторы. Заскакивают в крестьянские дворы, кричат: «Плес эвакуант, шнель, шнель», бегут далее. Все укладывают свои пожитки на тачки, телеги, запрягают лошадей, коров — у кого что есть. У кого нет тягла — те впрягаются сами и в путь. Куда ехать, никто не знает. Все смотрят на деда Клима, он самый умный у нас в деревне. Дед выезжает, за ним тянется крестьянский обоз; он наш спаситель, все ему доверяли и доверяют, и он не подвел нас. Дед едет по центральной дороге, затем, проехав все село, поворачивает налево на полевую наезженную тропу. Под прикрытием лесозащитной полосы едем дальше. Он заводит нас в глубокую балку за селом, на сельском пастбище, в самом конце которой глубокий, метров 10 глубиной с отвесными краями, ров. Дед останавливается и объявляет, что дальше мы никуда не поедем.

Начали устраиваться на местожительство. В стенках оврага каждая семья роет себе жилище, размещает там детей, нехитрый скарб с повозок. Какое-никакое жильё, не под открытым небом. Костры разводить категорически запрещено, решение принято на общем сходе. Питаемся кто чем, всухомятку, ведь мы же готовились к эвакуации и позаботились о еде хотя бы на несколько суток. Там находились трое суток до нашего освобождения советскими войсками, которых ждали с нетерпением. Слышно было, как по большаку ехали машины, шли лошади и немецкие солдаты. Прохот рвавшихся

снарядов, мин, пулеметные очереди было все слышнее. По ночам в небе постоянно гудели «кукурузники». Их не было видно, на них не было никакого освещения, но мы слышали, как они то здесь, то там сбрасывали мелкие бомбы, а то и гранаты. И вот откуда-то взялся верхом на лошади немец, притом один. Он объявил нам: «Текайте отсюда талеко-талеко, савтра сдесь путет советский зольдат». Сказал и уехал, наверно, следующих, таких же, как мы, предупредить, чтобы те бежали. Какие заботливые по отношению к нам наши оккупанты. Так и напрашивались, чтобы мы их поблагодарили за те злодеяния, которые они нам принесли за годы оккупации.

Ночь с 16 на 17 сентября. Снова в ночном небе «кукурузники», над нашим селом красное небо — это горят хаты, подожженные бежавшими фашистами, совершившими последнее свое злодеяние над нами — крестьянами села Крестище. Утром мы, несколько человек, пошли за водой в низинку к колодцу, благодаря которому жили. Возвращаемся в свой лагерь, а с горки к нам идут четыре советских солдата. Все они были с автоматами ППШ. Один из них, видимо, старший, поздравил нас с освобождением от фашистов и сказал, что это передовой отряд, т. е. дозор, а за ними идут наши регулярные войска. «Мы освободили вас и теперь уже навсегда». Конец нашей оккупации фашистами 17 сентября 1943 года. Мы распрощались, пожелав воинам счастливого пути и скорейшей победы над врагом.

Возвращаемся в село. По улицам идет масса бойцов — вперед на запад, а вокруг догорают наши хаты и колхозные амбары, подожженные бежавшими фашистами. Сожжены все колхозные постройки, маслобойня, мельница. Сгорел наш дом. Было нам тяжело, стало еще хуже. Трое малолетних детей и больная мать без крова над головой. Сначала пустили пожить соседи — солдатская семья, а затем нам правление колхоза предоставило временное жилье — комнату в сохранившихся детских яслях. Отсюда пошел отсчет нашей новой нелегкой жизни.

Колхоз заработал как и прежде — по правилам, которые были и до оккупации. Я, четырнадцатилетний колхозник, работаю наравне со взрослыми.

В ноябре 1943 года возобновляет работу сельская школа. Я до оккупации окончил пять классов и решил продолжить учебу в шестом классе, но вдруг к нам приходит председатель колхоза и заявляет матери, что в этом году в школу не пойдет, а будет временно бригадиром в нашем колхозе. Так я в 14 лет стал руководить «дяденьками» и «тетеньками».

Проходила зима 1943–44 годов. К весне после многих посещений райисполкома, ходатайства правления колхоза, сельского совета мне райисполком дал разрешение на приобретение лесоматериала на постройку дома. С ранней весны я начал стройку. Отправлю бригаду по работам, все проверю, поднастрою нехитрый сельхозинвентарь, ведь кто им это делает, работают-то на своих коровах почти одни женщины. Лошадей в колхозе нет, если не считать 4 или 5 выбракованных из армейского обоза. Урвав пару часов, готовлю все к постройке дома. Сам один пилю, тешу, строгаю, копаю ямы под столбы, готовлю тяжелые бревна-балки, стропила. Женщины, идущие на обеденный перерыв или по окончании работы, обязательно заходят ко мне на стройку, чтобы спросить, что помочь и помогают установить тяжелые заготовки на свои места в постройке.

От всей души благодарю их всех, спасибо им, уже ушедшим от нас навсегда. Я помню их лица, я помню их имена. Простите меня, у меня слезы на глазах.

Итак, с помощью районных властей, колхоза и колхозников дом построен, а это для нас главное — крыша над головой.

Ну, а чем живет село и односельчане? Главное то, что они твердо уверены: фашисты больше не вернуться. Красная Армия уверенно гнала поработителей на запад. С фронта приходили все новые и новые сообщения об освобождении территорий республик СССР, об освобождении наших городов, о ликвидации последствий фашистской оккупации нашей земли.

После войны почти 33 года прослужил в ВМФ СССР. Работал старшим мастером ВЦ ДонНУ.

Награжден медалями: «Городу-герою слава», «За безупречную воинскую службу» 3, 2, 1 степеней, «За воинскую доблесть», «Захиснику Вітчизни».

Заблоцкий Арсен Яковлевич

*Родился в семье крестьянина
8 марта 1928 г. в селе Волобуевка
Тимского района, Курская область.*

ТАК БЫЛО

После смерти отца в 1933 году приехали в Донбасс. Станция Ханженково, Макеевский район, Донецкая область. Сейчас г. Макеевка, Советский район, Донецкая область.

В 1941 г. началась Великая Отечественная война. Наши войска отступали. Немецкие оккупанты вошли в Донецкую область и стали нагло хозяйничать на нашей земле. Дончане как могли сопротивлялись оккупантам.

Молодежь насильно отправляли в Германию. Кто не хотел уезжать — прятались, кто где мог.

В 1942 году меня ночью забрали в полицию. Немцы проводили облавы с помощью полицаев. Набрали нас, пацанов, по 14–16 лет (мне было 14) больше сотни.

Ранним утром из Ханженково нас погнали в Макеевку на железнодорожную станцию, хотели отправлять в Германию. Мы, голодные и без воды, думали: «Ну, все, прощай дом, мама и вся семья».

Целый день нас никуда не пускали. К вечеру погнали по Макеевке на Ивановку. Через дорогу был лагерь, обнесенный колючей проволокой, там уже были пленные. Построили в шеренгу и переписали фамилии. Загнали в помещение, где, кроме соломы, ничего не было, солома и цементный пол были нашей постелью. Утром, перед работой, дали какую-то баланду и кусочек черного, как уголь, хлеба. Я решил, во что бы то ни стало бежать. На мое счастье через несколько дней пошел дождь, а ночь выдалась темной. Я подполз к

«колючке», руками подгрёб землю и ушел. Бежал быстро, но охрана услышала и открыла по мне пальбу из винтовок. Одна пуля попала в правую ногу. Некоторое время еще бежал. Но скоро силы покинули меня, и я упал в какую-то лужу воды.

Было очень темно и мне показалось, что ногу оторвало. Лежал до рассвета. Дождь прекратился, я попробовал встать на ногу, но тут же упал. Прележал не знаю сколько — было уже светло. Я пополз дальше. Куда ползти — не знал. Знал одно: подальше от лагеря. Смог чил рану собственной мочой. Встал, преодолевая боль поковылял дальше. Снова упал, и не было сил двигаться дальше. Отлежался на солнцепеке и решил добраться до железной дороги, чтобы уехать куда-нибудь от дома. Домой если вернусь — расстреляют. Многие знали, что меня угнали в Германию, а оттуда еще никто не возвращался.

Товарными поездами приехал на станцию Гришино (Красноармейск). Город был полуразрушен. На всех улицах глубокие воронки от бомб. Советские войска громили немцев с воздуха. Много было листовок. Писали, что «скоро освободим наш город».

Недалеко от Красноармейска располагалось село Сергеевка или Словянка. Не помню, где я, ковыляя, стал просить кусок хлеба. Выпросил к вечеру кусок макухи и кусок буряка. Это был мой дневной рацион.

Вернулся в г. Красноармейск. Нашел железнодорожный вокзал. На вокзале искал надписи на вагонах с указанием пути движения. Немцев было много, но на меня мало кто обращал внимание, я был маленького роста, голодный и худой, похожий на умирающего. Доехал на товарных эшелонах до станции Ясиноватая. В Ясиноватой поменяли бригаду поезда, и вскоре товарняк повез меня дальше. Через сутки был в Ростове-на-Дону. Проехали Дон нормально. В Батайске увидел много железнодорожных путей и товарных составов. Долго ходил, читал, куда будет отправлен тот или иной состав. Немцы стали обращать внимание на меня, и я, не зная, куда идет эшелон, сел на буфер вагона и с пересадками приехал на станцию Тихорецкую. Недалеко от станции зашел в одну деревушку. Первое, что меня волновало — есть ли в деревне немцы, а второе, где найти кусочек хлеба. Зашел в одну хату, попросил милостыню. Хозяйка хаты, женщина средних лет, накормила меня и дала на дорогу две лепешки, очень вкусные. Однако, один полицейский предупредил меня, чтобы я убирался из деревни, и я вернулся на вокзал станции Тихорецкая. В углу, в помещении вокзала, но-

чевал. Полиция дважды подходила, на требование предъявить документы я отвечал, что документов не имею, приехал из Ростова, и они меня не забирали. Нищий есть нищий. Какие могут быть документы у такого ребенка как я?

Днем немцы вместе с полицией делали облаву, забирали всех подряд, взрослых и детей. Когда набрали много нашего брата, погнали, не знаю куда. Один полицейский пнул меня, я упал и остался лежать на дороге, а толпу людей погнали дальше.

Снова вернулся на железнодорожный вокзал, сел на буфер вагона и поехал в сторону станции Кавказская. Не доехав до станции, отчетливо услышал выстрелы орудий, очевидно, близко был фронт. Пришлось вернуться назад.

Так я бродил по Кубани и другим станциям до 1943 года, пока не освободили станцию Ханженково от немцев. Как только изгнали фашистов из нашей области, я сразу поступил на Ханженковский коксохим завод учеником слесаря. Завод был полностью разрушен. Каждый рабочий, переполненный радостью освобождения, работал, сколько было сил, а приходилось работать сутками, без перерыва и отдыха. В начале октября 1943 г. получили передвижную электростанцию и электросварочный аппарат. Начальник цеха Леонид Галаган перевел меня в ученики эл. сварщика. Мне очень нравилась эта профессия. Не было сварочного щитка, из фанеры сделали щиток, стекло коптели на дыму. Каждый день болели глаза, так как копоть пропускала инфракрасные лучи от сварочной дуги. В глазах чувствовал резь, как будто в них песок насыпан. Электродов для сварки не было. Я ходил на мельницу и собирал рассыпанную муку, которой в смеси с «гумирабиком» мазал электроды, и это было нормально. Сердюк Григорий Иванович — мой учитель, часто ругал за то, что плохо обмазал проволоку для электродов. Все же я освоил электросварку и скоро стал подменять Григория Ивановича. Когда мне присвоили разряд, то дали 5 человек помощников — беспризорных детей по 10–12 лет. Дети вместо приюта попали на коксохим завод. Среди детей был мой любимец Леша. За железнодорожными путями был рынок, и мои помощники часто отправлялись на рынок. Я, сам еще ребенок, разрешал им уходить. Они возвращались ко мне на завод. Однажды пошли на рынок и не вернулись. Начальник пожурил меня. После ухода в качестве ученика мне прикрепили одну женщину, лет сорока-пятидесяти, дескать, Арсен, обучи ее электросварке. Женщина побыла 2 дня, насмотрелась на электродугу (глаза покраснели) и оставила свое учение. Быстро восста-

навливали завод. Из десяти коксовых батарей запустили 2 батареи, и кокс стали выпекать, как положено. Но нужно было подремонтировать коксовыталкиватель, а у него много сломанных зубьев и мне пришлось сутками не выходить из завода, наваривать зубья на коксовыталкиватель. Закрепили за мной одного парня, на 2 года старше меня. Мне 15 лет, имел уже 6-ой разряд сварщика, а ему исполнилось 17 лет. Он очень хотел преуспеть в освоении профессии, чтобы уметь варить, как я. Сварочных аппаратов больше на заводе не было, и он продолжал работать со мной. Однажды, работая в дробильном отделении, я совершил оплошность, и меня перевели временно грузить в открытые вагоны кокс. Грузчики были все женщины. Мне в напарники попались женщины лет 20. Носилки с коксом для меня были большой тяжестью. Пробовал ходить с носилками первым — не получилось. Первому нужно приподнять носилки, а затем поднимает задний. Работали без денег, получали 1 кг хлеба и разовое питание. Моя напарница Тамара Яндовна показала, как правильно поднимать носилки с коксом.

Завод получил еще один электросварочный аппарат, и я снова стал электросварщиком. Работал, как и все — на победу. Администрация завода часто давала мне в виде премии подарки: ботинки, продукты. Однажды наградили меня маленьким поросенком, кг 3—4. Свинку нужно было кормить и где-то содержать. Жила она вместе с нами, а мы жили в одной комнате 15 м². И, наконец, пришла Победа!

Награжден медалями: «30 лет Советской Армии и флота», «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «50 лет освобождения Украины», «Захисник Вітчизни», «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Ветеран труда».

В Донецком госуниверситете работал в 1995—2000 гг. электрогазосварщиком 6 разряда.

Кобзий Надежда Александровна

*Родилась 22 декабря 1924 года в селе Некременное
Александровского района Донецкой области в семье учителя.*

Я ВИДЕЛА СМЕРТЬ

Перед войной моя семья проживала в Луганской области. В 1942 году я закончила 10 классов в селе Марковка, Марковского района Луганской области. Мальчиков призвали на фронт, а меня и еще 10 девочек из нашего выпуска школы направили на двухмесячные курсы в г. Старобельске при учительском институте. В связи с эвакуацией нам выдали справки о досрочном окончании курсов.

В городе была паника, наши войска отступали, и я впервые в жизни увидела большое количество войск. Мы шли по обочине дороги, а по дороге шли солдаты, танки. Пришли в с. Марковка, страх охватил, так как появились немцы, итальянцы.

Нас всех, особенно молодых, гоняли на строительство дороги и уборку помещений, где жили итальянцы.

Многих угоняли в Германию. Домой к нам пришел сосед и сказал маме, чтобы она меня спрятала, так как он видел в списках мою фамилию для отправки в Германию. Мама чуть свет собрала меня в дорогу. Мы вместе с соседкой, старшей меня по возрасту, ушли из дома к сестре мамы, которая жила до войны под Ворошиловградом и работала в совхозе им. Артема. Когда мы шли, нам было очень жутко, так как видели сожженные целые улицы. Нас остановили немцы, проверили вещи, документов не было, но, слава Богу, нас отпустили и уже к вечеру, преодолев 45 км, мы пришли в Беловодск. Переночевать не пускали, боялись проверок немцев, но одна женщина сжалилась и пустила переночевать в курятник с таким условием, чтобы чуть свет нас не было.

Утром мы снова увидели жуткие вещи: стояли советские танки, подбитые немцами, а на них лежали убитые наши танкисты. Видно, когда они пытались вылезти из танков, их немцы расстреляли в упор. По дороге нас останавливали полицаи, но, к счастью, удалось избежать ареста и мы пришли к тете. В совхозе немного поработали. Дядя, как позднее (после его гибели) я узнала, состоял в подпольной организации. Он первым мне сказал, что наши войска гонят немцев и скоро освободят Сталинград.

Скоро я снова вернулась к родителям.

В октябре 1942 года начались бои. Наши «Катюши» не давали покоя немцам, стрельба была и днем и ночью, и нам приходилось прятаться по подвалам. У нас был сарай, где раньше держали курей, а в нем большой подвал, и при бомбежке все соседи собирались к нам, зная, что в подвале безопаснее. Однажды я, как самая «смелая», стояла на лестнице и наблюдала, что происходит на улице, и вдруг вижу, что к нашему «убежищу» приблизились немцы с намерением бросить гранату. Я на «ломаном» немецком языке сказала, что здесь только дети и женщины (а нас было человек 20). Они не бросили гранату, ушли. А потом я впервые в жизни увидела смерть: на моих глазах расстреляли 2-х соседей. Это было так страшно.

Как сейчас помню: наше село освободили 23 января 1943 года. Это был настоящий праздник.

С 1 февраля 1943 года я работала учителем 1–4 классов, затем литработником-корректором в районной газете «Колгоспне слово» в селе Марковке. После освобождения Украины я поступила в Харьковский автодорожный институт на механический факультет. По направлению работала с 1950 г. по 1952 г. в управлении «Макстрой», затем по переводу министерства — старшим инженером отдела главного механика треста «Донецкметаллургстрой». В 1980 году вышла на пенсию. На протяжении 18,5 лет была депутатом Ленинского района.

В Донецком национальном университете работала с 01.11.1989 года по 16.08.2006 г. в должности уборщицы.

За время работы получила много благодарностей и почетных грамот. Имею медали: «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», «В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Ветеран труда.

Кошка Валентина Андреевна

*Родилась 1 ноября 1922 г.
в Донецкой области.*

САМОЕ СТРАШНОЕ — ГОЛОД

Я — единственная дочь, младшая из детей, до войны окончила с похвальной грамотой 7 классов. По окончании средней школы, собиралась продолжить учебу на юридическом факультете, но начавшаяся Великая Отечественная война перечеркнула все планы. Первого сентября, как обычно, начались занятия, но фронт неумолимо приближался. Пятого сентября немцы особенно жестоко бомбили железнодорожные станции города и Рутченково, учебный аэродром (ныне микрорайон «Текстильщик»). Но наши «Чайки» успели взлететь и перебазироваться в г. Чкалов.

Для нас немецкая оккупация началась с 11-го сентября 1941 г. Был ненастный день, моросил мелкий дождь, небо плотно затянуло тучами. Мы увидели тыловые части немецкой армии. Накинув какие-то платки на голову, мы молча стояли и смотрели. Они не стреляли в нас, а указывали пальцем, ржали и восклицали: «Сталин — культура?»

Эвакуироваться мы не успели. Большинство, кто успел уехать, возвратились, т. к. город был окружен немцами, «клещи» которого сомкнулись где-то в районе Дебальцево.

Настала тяжелая пора в нашей жизни — темная ночь немецкой оккупации. Закрылись школы. Дети не учились. Взрослые не работали. Но самое страшное, — начался голод.

Голодать наша семья начала чуть ли не с первых дней войны. Родители, получив отпускные деньги, отнесли их в сберкассу, оставив на расходы небольшую сумму. Через некоторое время все личные

счета были заморожены. Выдавали лишь по 200 руб. в месяц, а этого для нашей семьи из 5-ти человек хватало лишь на скудное питание, о каких-то «запасах» не могло быть и речи.

До прихода немцев, во время «безвластья», люди грабили склады и магазины, запасались солью, спичками, продуктами.

И хотя был приказ ничего не оставлять немцам, родители-учителя, уважаемые люди, не могли ни себе, ни детям этого позволить — заниматься грабежом, ломать двери магазинов, бить стекла.

С приходом немцев наша семья уже мерзла и голодала по-настоящему. И мама с братом отправились в село менять вещи на зерно. Помню, первая вещь, за которую им удалось выменять 10 ведер зерна, был огромный тулуп, сохранившийся со времен, когда папа, будучи инспектором Района, разъезжал в нем по селам. Это была огромная удача: какое-то время мы продержались. Затем, несмотря на «плохие» приметы и память, в ход пошли вещи воевавших братьев. А дальше в ход пошло все: носильные вещи членов семьи, посуда, постельные принадлежности... Но с каждым разом менять становилось все труднее, приходилось уходить все дальше, а приносить все меньше. Уходили мама с братом. Брат был старше, более вынослив, но, будучи небольшого роста, он выглядел подростком. Мы, дети, получили в семье спартанское воспитание: ни минуты в постели, после пробуждения, обязательная утренняя физзарядка, закалка холодной водой до пояса, каждому свои обязанности по хозяйству. Позже «походы» брата отразились на его здоровье — стало плохо с сердцем, отекали до синевы ноги так, что он не мог ходить. Переболел гнойным плевритом, водянкой, легко простужался. Мы его еле-еле выводили. Зима 1942 г. была очень суровая. Возвращались мама с братом измученными, иногда с температурой, но отлеживались несколько дней и снова уходили. Вначале приносили пшеницу, а затем и ячмень, и сою — все, что дадут. Так они спасли семью от голодной смерти.

Мы же с папой перемалывали принесенное на самодельной ручной мельнице. Бабушка занималась хозяйством. Немцы стали интересоваться нами и нашими соседями. Когда начали угонять людей в Германию на работу, подошел мой возраст, несколько раз к нам приходили полицейские. Я же пряталась либо у родственников на Смолянке, либо на чердаке, но никто из соседей меня не выдал.

Там, где сейчас ДК им. Ленина, находился пересыльный лагерь военнопленных, а в поликлинике — госпиталь. Наши пленные солдаты располагались прямо на земле, под открытым небом в жару, дождь и холод. Жители очень жалели их. Каждый думал: «А может

быть среди них мой отец, муж, брат?», но помочь ничем не могли. Охрана близко к ограде никого не подпускала. Как-то мы с соседкой подошли, наверное, слишком близко. Грянул выстрел, и я услышала прожужжавшую мимо моего уха пулю.

С приближением фронта участились бомбардировки города. Однажды, поздним вечером над нашим домом завязался воздушный бой. Мы с волнением наблюдали. Вдруг в ослепительном луче прожектора наш самолет-истребитель начал падать. У меня случилась истерика. Мама успокаивала, боялась, что могут услышать, донести — разные ведь люди. Я убедилась в этом на следующий же день. Мы с соседкой пошли на место падения самолета. Страх не было. Нам хотелось почтить память этого отважного летчика, самолет которого упал в небольшом скверике, в районе рынка «Соловки», даже не задев ни единого дома. Вокруг собрались местные жители. Были и немцы. Один из мужчин среднего возраста со злостью произнес — «Долетался, собака!» К нему тут же повернулся немецкий офицер и на чистейшем русском языке сказал: «Сам ты собака! Он выполнял свой воинский долг. А ты, почему здесь, а не на фронте! Это же твоя родина!» и мужик тут же исчез, а ведь хотел выслужиться перед немцами.

Фронт все приближался. Мы с нетерпением ждали наших освободителей. Кто-то из медперсонала узнал и предупредил раненых о том, что немцы собираются взорвать госпиталь вместе с ними, закладывают мины. К счастью, они не успели это сделать, в спешке оставили город. Раненые же «расползлись» (легкораненых в госпиталь не брали) по дворам и домам. К нам пришли 5 человек. Мы их спрятали, замаскировали.

Всю ночь в центре города шли бои, стрельба не утихала. Рано утром в нашу дверь стали бить прикладами. Мы не знали свои это или немцы. Перепугались и молили об одном — если это немцы, чтобы они не обнаружили раненых. Когда мама открыла дверь, мы увидели капитана и двух красноармейцев. Мама повисла у офицера на шее, целовала и плакала навзрыд. Я и бабушка смеялись и плакали, а папа стал с благодарностью пожимать им руки. Их интересовали посторонние. Тут подошли и наши подопечные, представились капитану. Он поблагодарил нас, а раненым приказал немедленно идти в спецотдел.

После освобождения города мы с волнением и надеждой ждали известий от братьев. Узнали, что Всеволод жив, а на Евгения пришло извещение: «Пропал без вести». О его судьбе и об обстоятельствах его гибели мы узнали в 1951 г. от однокурсника по училищу, уроженца г. Сталино, ныне контр-адмирала в отставке Колчина Ивана Михайловича. Мы с братом в сентябре продолжали учебу. Вскоре меня и

других учеников, кто был в оккупации, объявили «переростками», исключили из списков школы и направили в ПТУ. Я отказалась. Была карточная система, кто не работал или не учился, продкарточку не получал. Чтобы не «висеть» у родителей на шее, я поступила в горно-строительный техникум, объявивший дополнительный набор на новое отделение (ныне техникум «Промавтоматика»). Учебные занятия начинались с первого января 1944 г. Два месяца будущие студенты восстанавливали свой разрушенный учебный корпус. Я работала арматурщицей, ползала на коленях по этажам, вязала арматуру над пробами в полу-потолке, рискуя каждую минуту сорваться вниз.

На летних каникулах продолжали работать на восстановлении корпуса общежития в студгородке. На противоположной стороне находилось немецкое кладбище. Его разровняли и мы, студенты, высадили там деревья. Это был парк им. М. Горького, от которого, к сожалению, уже ничего не осталось. Зеленый уголок в центральной части города — отличное место для отдыха детей и взрослых. С болью в сердце я наблюдала, как корчевали огромные деревья, с еще мощными корнями, когда-то посаженные нашими руками.

Работали мы, полуголодные и полураздетые, совершенно бесплатно. Кроме восстановительных работ осенью помогали в течение месяца в уборке урожая колхозам и совхозам области.

В феврале 1947 г. я с отличием закончила техникум. Получила свободный диплом и в августе 1947 г. поступила во Львовский торгово-экономический институт на промышленное отделение (институт переименован в институт народного хозяйства). В 1951 г. окончила с отличием институт. Вышла замуж за кадрового военного. Переезжать приходилось довольно часто, поэтому о научной работе можно было только мечтать. А работать приходилось на любой свободной должности: старшим бухгалтером, экономистом, начальником планового отдела, кассиром, инструктором Дома офицеров по работе среди семей военнослужащих, помощником начальника финансовой службы Воздушной Армии, преподавателем машиностроительного техникума и др. И, наконец, с ноября 1994 г. до октября 2004 г. — сторожем ДонНУ на биологическом факультете. После смерти мужа я вернулась в родной город, к детям. Материальные трудности, безработица, преклонный возраст, а надо было выживать!

Ветеран труда. Награждена медалью «Защитник Отечества». Из-за частых смен местожительства не состояла на постоянном учете, как участник войны, и потому не получила некоторые медали, положенные ветеранам Великой Отечественной войны. В настоящее время нахожусь на пенсии, не работаю.

Курдюмова Елена Андреевна

*Родилась 2 мая 1909 г. в городе Дмитровске
Орловской губернии в семье служащего.*

НА ФРОНТЕ ТРУДОВОМ

I

Трудными были годы моего детства. В 1912 г. после тяжелой болезни умер отец, осталась моя мама с тремя маленькими детьми. Много горя ожидало впереди нашу осиротевшую семью.

Через два года началась, продолжавшаяся 4 года, первая мировая империалистическая война с её неизменными спутниками: разрухой, голодом, народными страданиями.

Затем более трёх лет полыхала в нашей стране гражданская война. Красная Армия защищала рождённую в 1917 году Советскую власть от внутренней и внешней контрреволюции — интервенции четырнадцати империалистических государств.

И только после этой войны, завершившейся победой Советского государства, началась в моей нелёгкой жизни счастливая пора — пионерское детство и комсомольская юность с их жадной жаждой знаний, чистыми побуждениями, добрыми делами и высокими идеалами.

Окончив в 1927 г. среднюю школу с педагогическим уклоном, я работала в Дмитровском районе сельской учительницей. Училась в Москве в Педагогическом институте, по окончании которого получила направление в Восточную Сибирь, в город Улан-Удэ (тогда Верхнеудинск) — центр Бурятской АССР. Там в фабрично-заводском училище, в течение трёх лет преподавала историю, русский язык и литературу, заведовала вечерней школой рабочей молодёжи. Пять лет после этого проработала в Чите преподавателем в школе военных техников.

Там я стала членом Коммунистической Партии. Некоторое время работала заместителем начальника школы по политчасти.

В июне 1940 г. по семейным обстоятельствам я уехала из Сибири на Украину.

II

Шел четвёртый месяц Великой Отечественной войны. Фронт приближался к Донбассу. Вражеские самолёты днём и ночью бомбили донецкое небо, сбрасывая на землю свой смертоносный груз. В начале октября на станции Славянск, где я жила в то время со своей семьёй и работала преподавателем истории в железнодорожном техникуме, взрывом бомбы были повреждены здания, в том числе наш учебный корпус и некоторые квартиры преподавателей. На следующий день был получен приказ об эвакуации техникума. В четырех вагонах — теплушках поместились уезжающие педагоги и сотрудники, а также были размещены станки из механических мастерских, приборы из учебных кабинетов и библиотека.

Долгим и трудным был наш путь на восток. Только седьмого ноября прибыли мы в пункт назначения — город Алатырь, районный центр Чувашской АССР. В вагоне провели торжественное собрание, посвященное 24-ой годовщине Великой Октябрьской революции, разгрузили оборудование и поселились в общежитии Алатырского железнодорожного техникума.

С того дня в нашей жизни открылась новая страница. Вдали от фронта боевых действий мы жили и боролись тоже на фронте — трудом. Работы было много. В техникуме я вела уроки истории, читала лекции для педагогов и сотрудников, проводила воспитательную работу среди учащихся.

В механических мастерских, где были установлены привезенные нами станки, я научилась токарному делу и вместе с рабочими цеха выполняла заказы, нужные для фронта и тыла.

Немало времени уходило на многообразную общественную работу. По поручению горкома компартии я руководила городским семинаром агитаторов, читала лекции на фабриках и заводах, на станции и в клубе. Помогала людям стойко переносить лишения и трудности военного времени, не падать духом, не поддаваться унынию, верить в нашу победу. Это было очень важно, тем более, что среди жителей города и района активно действовали наши классовые враги. Они сеяли панические слухи, клеветали на коммунистов, вредили, как только могли, с нетерпением и надеждой ожидали

победу фашистской армии под Сталинградом, где наши войска вели в то время тяжелые бои.

В Алатыре, расположенном на берегу реки Суры, притоке Волги, развернулись работы по укреплению берегов, созданию препятствий для вражеских войск. Участвовали в этой трудной работе и мы — коллектив техникума.

Но немцы сюда не пришли. Не пустила их Красная Армия за Волгу. Перейдя 17-го ноября 1942 года в наступление под Сталинградом, она разгромила вражескую армию, уничтожив около 60-ти дивизий.

Это был переломный момент в ходе Великой Отечественной войны. В ожесточенных боях продвигалась наша героическая армия, освобождая советскую Родину от фашистских захватчиков.

Мне была поручена в это время работа в политотделе Алатырского отделения Казанской железной дороги. Надо было успевать со всеми делами: и в городе, и на станции, где я стала заведовать парткабинетом и была избрана секретарем партийной организации. Парткабинет стал одним из основных центров идеологической работы. Здесь проводилась политучеба, семинары агитаторов, читались лекции. Много людей приходило сюда прослушать сообщения Советского Информбюро. С радостью узнавали мы о победах на фронте. В сентябре 1943 года был освобожден Донбасс, шестого ноября штурмом взят Киев. С востока на запад шли теперь эшелоны не только с войсками и военной техникой, но и оборудованием для освобождённых городов и районов. Тысячи людей возвращались из эвакуации в родные места.

В феврале 1944-го года пришел нам вызов из Славянска.

Перед отъездом мне была вручена Почетная грамота Президиума Верховного Совета Чувашской республики.

Трудным и долгим был наш путь домой. Ехали около месяца по израненной войною стране, мимо лежащих в развалинах городов, станций, деревень. Шестого марта мы прибыли в Славянск.

И снова трудовой фронт. Кроме уроков в техникуме, было много общественной работы и на станции, и в городе, где я вскоре стала работать лектором горкома компартии и преподавателем в учительском институте. Немало времени уходило и на физический труд — восстановление учебного корпуса института, до основания разрушенного фашистскими варварами. Нелегко нам было в это время жить, трудно работать, но мы чувствовали себя счастливыми: близился конец войны — и он наступил.

Девятого мая 1945 года мы праздновали День Победы — великий незабываемый день.

За свою деятельность в тяжелые годы войны я была награждена Президиумом Верховного Совета СССР Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945гг.».

III

После войны с 1946 г. я работала в Славянском учительском институте зав. кафедрой марксизма-ленинизма. В 1950 г. в Академии общественных наук в Москве защитила кандидатскую диссертацию, получив ученую степень кандидата исторических наук. В 1953 г. была назначена заведующей такой же кафедрой в Донецком (тогда Сталинском) пединституте, а затем работала в Донецком государственном университете доцентом и зав. кафедрой научного коммунизма.

Педагогическая деятельность была моим призванием. Она давала мне глубокое моральное удовлетворение, делала мою жизнь счастливой.

За свой труд я была награждена медалями и орденами: орденом «Знак Почета» и орденом «Трудового Красного Знамени».

Лефтеренко Валентина Федоровна

Родилась 16 июня 1927 года.

НЕПОКОРЕННЫЕ

Память хранит детские переживания, страдания, хранит все то, что видели, слышали, хранит атмосферу давно минувших дней.

Мне было 14 лет. Было тихое осеннее утро. Мама шепталась о чем-то с соседкой. Их лица были очень встревожены. Я слышала слово «солдатики». Мне стало любопытно узнать, что с ними?

Дело в том, что накануне в клубном дворе (с. Новотроицкое Донецкой области) остановились пехотинцы и конница — наши защитники, красноармейцы. Мы подростки, успели подружиться с ними, разговаривали, обменивались адресами, желали друг другу успехов, удачи и, конечно, победы. Но в это тихое осеннее утро мальчишки и девочки не встретили ни одного солдата в клубном дворе. Ушли. Зачем? Тревога старших передалась нам, детям. Было до слез жалко, что ушли наши солдатики, так хотелось помочь им, так хотелось знать, что же будет? О том, что враг будет на нашей земле, никто не предполагал.

Вспоминается первая встреча с врагом.

За питьевой водой мы ходили к роднику. Надо было переходить шоссе, которое соединяло Сталино — Мариуполь. И вот на этом шоссе мы издали увидели большую колонну мотоциклов, машин и еще какой-то военной техники. Колонна была длинная зловещая. Нетрудно было догадаться, что это не наши, чужие. Этот момент я никогда не забуду. Это был шок для нас. Страх, который охватил нас (меня и моих подружек) забыть нельзя, да и не надо забывать. Мы думали не о себе, а о наших защитниках.

Бросили ведра и через огороды бегом домой. Дома сидели припуганные, растерянные домочадцы (мама, бабушка, дедушка, сестричка и братик).

Вот так и началась нелегкая жизнь в оккупации. Запасов никаких. Как выжить?

Вера в то, что это временное явление объединяла людей. Люди помогали друг другу во всем. Было страшно, завоеватели нагнали, каждого подозревали, не разбираясь, расстреливали.

Я никогда не забуду тот случай, когда на моих глазах расстреливали двоих молодых парней. Где они (немцы) их взяли, за что убили — не знаю. Такие случаи повторялись и повторялись, слухи распространялись.

Но жизнь продолжалась, и надо было выжить, пока враги топтали нашу землю. Надо было держаться. Люди не покорялись. Помню одну бабуся из с. Новотроицкое. У нее немец забрал курицу, которую она прятала в сарае, так женщина не испугалась немца, а бежала за ним следом и громко проклинала. Это выглядело смешно, печально, позорно. Проклятия бабуся передавались из уст в уста, восхищая всех, вдохновляя не сдаваться.

Много голодных бродило тогда по полям и дорогам в поисках чего-то съедобного. Многие предлагали обменять какие-то вещи, предметы на еду. И люди обменивались, помогая друг другу. Никто не отказывал никому в ночлеге, воде, делились, чем могли.

Помню, моя мама собрала какие-то вещи и пошла вместе с тетей Сашей, у которой четверо детей, в село за 25 км от Новотроицка поменять эти вещи на картофель. Обмен состоялся. Каждая получила по мешку картошки. Какая радость! Но эту радость (мешок 40—50 кг) надо взвалить на плечи и нести далеко-далеко. До самого дома донести не смогли, не хватило сил. Одна осталась на дороге с мешками, другая пошла в село за тачкой. Тачка была единственным видом транспорта, а владельцев тачек было мало. Но наши люди не отказывали в помощи друг другу.

Нашли тачку, привезли картошку, но моей маме дорого это обошлось. Она заболела острым воспалением почек. Ее страдания, стоны, крики до сих пор звучат в моих ушах. Добрые люди не оставляли меня — 14-летнюю, сестричку и братика в беде. Соседи, знакомые помогали маме подняться. Кто приносил молочко, кто сахарок из старых запасов. Никогда не забуду Рошина (нашего соседа) и его жену тетю Анну. Вечная им память!

Тачки тащились по селам и городам с белой глиной (как бы плохо ни было, а печку побелить надо), с солью, с килькой и т. д. У кого не было тачки — тот тащил на плечах из Мариуполя соль, кильку и др. Никогда не забуду ведро соленой кильки, которую мама притащила на плечах из Мариуполя. Она выдавала нам по несколь-

ку штук. Нам казалось, что более вкусного на свете нет. Вместе с моей мамой было много женщин, таких как она, которые думали о том, как спасти детей от голода. Вечная слава нашим мамам.

Как-то мой дедушка, который жил в Каракубе, повез на тачке белую глину в с. Николаевку. Там его окружили женщины с узелками (семечки, кукуруза и др.). Разговорились, вспомнили, как дружили селами, как помогали друг другу. Вспомнили добрые дела моего прадеда и деда. Дедушка вернулся домой с узелками и был очень горд тем, что добро не забывается.

Он очень верил в победу и об этом открыто говорил всем — «эти люди чужие, они здесь временно, опасайтесь их», на что бабушка с тревогой говорила — «язык твой — враг наш накличешь беду на нашу голову». Но страх не парализовал наших людей. Даже моя бабушка, всегда тихая, молчаливая, осторожная, подала голос, когда немцы обнаружили и забрали теленочка, которого она прятала в кукурузе. Она кричала и призывала к совести. Было горько и обидно. Люди не покорялись, независимость людей настораживала врага.

Настоящей трагедией для нас, подростков, и настоящим горем для всех стало убийство нашего любимого учителя географии Акрытова. Его схватили в пути и расстреляли. Осталась его жена Акрытова — моя первая учительница, и двое ее девочек.

Горе объединяло людей и это предвещало врагу поражение. Люди держались, работали много. Там, где можно было, сажали тыкву, кукурузу, подсолнух и другое. (1943 год был особенно щедрый на урожай) Помню, мы с мамой пошли в поле собрать кукурузу, надо было связать ее в вязанки и унести домой. В это самое время над нами начался воздушный бой. Забыть нельзя этот зловещий гул, вой, свистящие пули. Мама накрыла меня собой, мы подняли головы только тогда, когда самолеты удалились, преследуя друг друга.

В поле мы ходили не только за урожаем, но и за топливом. Собирали бурьян, связывали его плотно, сваливали на плечи и тащили домой. Труд изнурительный, но нужный, только так мы могли зимой иногда согреться. В такой атмосфере росли и закалялись дети войны.

С приходом освободителей начинается новая жизнь, новая страница истории, но страшные последствия войны предстояло преодолевать самим, не забывая о тех, кто погиб за свободу.

Победа 1945 года — исторический подвиг нашего народа, наша гордость. Тогда, после победы, все верили в то, что войны больше никогда не будет, наступит вечный мир между всеми народами, казалось, что все поняли, что война — это худшее, что придумало человечество.

Работала в лицее ДонНУ. Имею награды.

Лихолобова Зоя Григорьевна

*Родилась 29 сентября 1926 г.
в г. Сталино (Донецк).*

ПАМЯТНЫЕ ЭПИЗОДЫ

В условиях войны прошли годы моей юности. 22 июня 1941 г. мне было неполных 15 лет, а в мае 1945 — восемнадцать с половиной. Героических подвигов совершить мне не довелось. В боях с гитлеровцами на фронте или в партизанских отрядах участия не принимала. Мои воспоминания — это восприятие событий тех суровых лет с позиций рядовой девушки. Тяжелые испытания, пережитые нашим народом в «роковые сорочковые», в полной мере разделила моя семья — мама, младший брат и другие родственники. Периодически в памяти всплывают эпизоды из того далекого времени. Запомнилось, как водится, то, что несло в себе весомый эмоциональный заряд.

В октябре 1941 г. наши войска отступили. Семья собиралась в эвакуацию. Бойцы по пути заезжали попрощаться с родственниками. К тете приезжал муж — командир роты Ф. - Степаненко. Неожиданно для прощания с нашей семьей приехал военный корреспондент К. Герасименко, который в 1934—1935 гг. непродолжительное время снимал «угол» в одной из квартир нашего двора. Меня это поразило: прошло много лет, связей с нами не поддерживал, родственником не был. И вот, в круговороте военного лихолетья этот внезапный визит. В ответ на возникшие вопросы я была посвящена в события из семейной хроники. В середине 30-х годов Герасименко выступал как начинающий одаренный поэт. Тогда на писательскую организацию обрушились политические гонения. Редактор журнала «Литературный Донбасс» Григорий Баглюк, посвятивший свое творчество трудовому Донбассу, был арестован, отправлен в Гулаг, где и погиб.

Молодой поэт, друг репрессированного, горячо протестовал, называл главного виновника произвола властей Сталина — тираном. Это дошло до ведома бдительных чекистов. Последовала травля К. Герасименко, которого исключили из Союза писателей, отстранили от участия в работе журнала. Нависла угроза ареста, исподволь возникла мысль — ехать за помощью в Москву к Горькому (руководителю Союза писателей СССР). Но осуществить это было невозможно — не было денег, родители (сельские учителя на Полтавщине) помочь не могли, «друзья» отвернулись, а действовать нужно было немедленно. На помощь пришла моя бабушка — Наталья Даниловна Осина — малограмотная домохозяйка, которая, мобилизовав родственников, быстро собрала необходимую сумму. И сделала она это потому, что слыла активисткой, общественницей (в дальнейшем была избрана депутатом горсовета), а дедушка был примерным коммунистом (работал мастером на заводе). Поездка К. Герасименко в Москву оказалась успешной. Горький помог. Поэт был восстановлен в Союзе писателей. Кстати, недавно в очерке из истории организации писателей Донеччины, я обнаружила существенную неточность. Автор утверждает, что Герасименко «шукав правди в Москві і Києві, та даремно». Но это противоречит действительности. Получив поддержку от Горького, К. Герасименко уехал в Киев, где продолжил творческую деятельность, выпустил несколько сборников, принесших ему признание как одному из талантливейших представителей украинской поэзии. А Наталья Даниловна Осина, не без риска для себя, совершила Поступок, достойный доброй памяти. Что касается К. Герасименко, его прощание с нашей семьей оказалось последним. В 1942 году поэт погиб на фронте Отечественной войны.

Эвакуированы мы были в Узбекистан. В первое время я продолжала свое образование, училась в Андижанском техникуме пчеловодства. Профессия меня не заинтересовала, знаний получила немного, но крепко запомнились бытовые неурядицы. В общежитии пропали теплые вещи, пришлось постоянно мерзнуть. Непроходящим было и ощущение голода. Запомнились частые поездки в поле для сбора хлопка: было непривычно, трудно, но норму старались выполнять. Картина бескрайнего хлопкового поля, переходящего у самого горизонта в покрытые снегом горные хребты, представляла зрелище весьма живописное. Она и сейчас как будто стоит перед глазами.

Вторая часть пребывания в эвакуации связана с работой на хлопкоочистительном заводе в небольшом городке Шарихан. Здесь я вплотную соприкоснулась с местным узбекским населением. Конечно, наплыв массы беженцев — женщин, детей внес в его жизнь немало сложностей. Приехавших нужно было разместить, часто за счет

уплотнения местных жителей, решать проблему питания. Оно состояло из двух неизменных блюд — аталы (похлебки из муки крупного помола) и каши из джугары (крупы, напоминавшей нашу перловку), приготовленных без всяких приправ. Еды хватало всем, не голодали. Нужно было позаботиться о каком-то медицинском обслуживании. Все это ущемляло местный бюджет. Но я не помню признаков недоброжелательства или неприязни со стороны узбеков на бытовой почве.

Заводская среда, в которой я работала сменным бухгалтером в производственной бригаде, отличалась исключительной доброжелательностью. Обязанности мои заключались в учете состояния трудовой дисциплины, выполнения норм первичной обработки данных и передачи их в бухгалтерию. Рабочие ведущих профессий, мотористы, прессовщики были безусловно ответственны и аккуратны, сам производственный процесс к этому их обязывал. Но, помнится, был один откатчик (привозил спрессованный в тюки хлопок-сырец на весы), с которым сладу не было: опоздания, сон на рабочем месте. До сих пор помню его фамилию — Аюпов. Много хлопот он задавал бригадирю — Умарали Османову. Я пыталась применить методы убеждения. Будучи, по поручению комсомольской организации, редактором стенгазеты, регулярно публиковала информацию о производственных делах с критикой недостатков. Но Аюпов их не читал. С отчаяния посвятила злостному нарушителю «стихи», с яркой карикатурой:

*«Раскинулись цехи широко,
И смена бушует вдали.
Товарищ, ползешь ты далеко
От тех, кто идет впереди.
И если два дня ты сумел прогулять,
И если в работе ленив,
Товарищ, мы больше не будем молчать. —
Позоришь ты наш коллектив!»*

Материал привлек внимание бригады. Умарали перевел текст на узбекский язык. На Аюпова это произвело впечатление. Потом, встречаясь со мной, он виновато улыбался. Нарушений не прекратил, но старался делать это в несколько меньших масштабах и более скрыто.

Работали по 12 часов в сутки, без выходных. Из праздников соблюдался только один мусульманский — «большой байрам». Завод замирал, для всех объявлялся официальный выходной день. Узбеки приезжали из кишлаков и на подводах, запряженных ишаками, увозили группы эвакуированных в гости.

Нас принимал в своей многочисленной семье бригадир Умарали. Угощал чудесным узбекским пловом, ароматными дынями и други-

ми вкусностями. В повседневной жизни все были чуткими и внимательными. Помнится, когда заболела мама, члены бригады приносили какую-то еду, помогали в приобретении лекарств, а когда пришло время возвращаться на Родину, на вокзал пришла делегация во главе с бригадиром.

Тронулся поезд, и я заметила, как Умарали смахивает ладонью набежавшую слезу. Я не верю тем, кто говорит, что дружба народов — это вымысел советской пропаганды. В повседневной жизни простых людей она существовала реально. Друзья познаются в беде. А факты, которых можно привести множество, свидетельствуют о том, что в лютой беде, какой была война, рядовые представители узбекского народа проявили себя настоящими друзьями.

Война научила жить интересами не только собственными и своей семьи, но близко принимать интересы общества, страны в целом. Несмотря на то, что работали по 12 часов, без выходных, не покидало чувство, что этого мало, главное происходит там, на фронте. Трепетно слушали каждое слово сводок совинформбюро. И, как только объявлялся набор на курсы снайперов или медсестер, как бы в оправдание, направлялись туда, без какого-либо принуждения, по зову сердца.

И, наконец, апофеоз — День Победы. Встречала его уже в родном Донеце (тогда Сталино). Помню, как все горожане: и освобожденные от фашистской оккупации, и вернувшиеся из эвакуации, устремились в центр — на улицу Артема (1-ю линию). Большая часть главной улицы города лежала в руинах. На площади, прилегавшей к сохранившимся большим красивым зданиям театра оперы и балета, кинотеатра им. Т. Г. Шевченко, библиотеки им. Н. К. Крупской, происходило празднество, продолжавшееся и день, и ночь. Такого энтузиазма, искреннего эмоционального порыва, ликования от всей души, я больше не припоминаю. Всех переполняло сознание причастности к великому историческому событию: «Мы победили», «Наша победа». А впереди было продолжение торжеств, связанных с возвращением подлинных героев-фронтовиков, участников боевых действий.

В ДонНУ работаю с ноября 1956 г. и по настоящее время. Сейчас профессор кафедры истории славян, д-р ист. наук, Заслуженный профессор ДонНУ. Имею награды: медали — «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «За трудовое отличие» (1981 г.), Почесну грамоту Верховної Ради України «За особливі заслуги перед народом України» (2003 р.); знаки — За отличные успехи в работе (Министерство образования СССР), Відмінник освіти України (Міністерство освіти і науки України).

Оболоник Василий Яковлевич

*Родился 18 июля 1932 года в селе
Алтыновка Кролевецкого района Сумской области
в многодетной крестьянской семье.*

Я ПОМНЮ ВСЕХ ОДНОСЕЛЬЧАН, НЕ ВЕРНУВШИХСЯ С ВОЙНЫ

До войны закончил 2 класса средней школы с. Алтыновка.

С осени 1941 г. по осень 1943 г. село было оккупировано немцами. Во время оккупации действия немцев и полицаев (некоторых местных жителей, ставших прислужниками у немцев) сводились к тому, что людей, которые занимали до войны ответственные посты, преследовали и уничтожали.

Дети во время войны посещали школу. Обучение было до 4 класса. Учителя были свои и учились по учебникам, которые были у населения. Но в книгах были вырваны страницы, посвященные Советской Родине, где описывалась жизнь советских людей, рассказывалось о вождях.

Колхозное имущество с приходом немцем было разделено между людьми. На 10 хат приходилось — 6 коней, плуг, воз, рабочий инвентарь и земля. В поле работали в основном женщины, старики и дети. Собранный урожай немцы забирали себе. Люди же кормились со своих огородов, которые были возле хат. Коней летом пасли глубоко в лесу, чтобы их не смогли забрать немецкие и мадьярские передвижные войска.

Я хорошо помню своих односельчан, которых немцы угнали в Германию. Оккупанты сгоняли людей, затем машинами отправляли на железнодорожную станцию. Рыдающие и плачущие, они запомнились мне навсегда. Вначале угоняли молодежь в возрасте 16–18 лет, а затем и людей постарше. Тогда меня потряс случай с военнопленным. Пленных солдат в нашем селе было много. Они сидели в загонах ко-

нюшен. Немцы их не кормили. Им приносили пищу местные женщины и мы — дети. В одном из загонов был военнопленный из соседнего села. Этот солдат смог передать записку родным. На следующий день его жена пришла в Алтыновку. Когда она подходила к загону, ее увидел муж и пошел навстречу через толпу. Немец-охранник начал орать, чтобы тот не приближался к забору загона, но парню оставалось всего несколько шагов, чтобы протянуть руки жене...

Выстрел. Пуля попала в голову — он упал замертво, жена потеряла сознание.

После отступления немцев осенью 1943 года жители села снова организовали колхоз и на земле трудились все селяне и малолетние дети. Мне пришлось работать водовозом, на конных граблях, на молотилке, пахать, удобрять землю, пасти лошадей...

Все с нетерпением ждали окончания войны.

Известие об окончании войны в мае 1945 г. пришло в село, когда я был в поле, пас лошадей. Возвращаясь в село, а мама со слезами радости на глазах рассказала, что наконец-то кончилась война. И в этот же день в церкви отслужили службу по убиенным односельчанам.

После войны моя жизнь сложилась таким образом: продолжил учебу в школе до 1948 г. В 1948 г. поступил в железнодорожное училище г. Конотопа Сумской области по специальности «слесарь по ремонту паровозов». После его окончания работал на Конотопском паровозоремонтном заводе.

В 1952 г. был призван на службу в ряды Советской Армии. В армии я закончил авиационное училище. Далее служил авиационным механиком. Демобилизовался в 1956 году. После армии мне пришлось поработать на разных профессиях.

В 1960 г. по направлению заготконторы г. Кролевец снова пришлось учиться, теперь уже в торгово-кооперативном училище. После окончания училища работал инструктором заготконторы.

С 1966 года и до выхода на пенсию в 2005 г. работал плотником и лаборантом в Донецком национальном университете, по настоящее время являюсь членом профсоюза ДонНУ.

За многолетний и добросовестный труд неоднократно награждался Грамотами от руководства университета. Имею Грамоты от Министерства образования и науки Украины. Награжден медалями: «За трудовое отличие», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Паршиков Алексей Матвеевич

*Родился 28 июля 1931 года
в г. Днепродзержинске
Днепропетровской области.*

Я БЫЛ РАНЕН В ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

Перед Великой Отечественной войной семья переехала в город Дмитриев Курской области, который находится на границе с Брянской областью. В октябре 1941 года в город вступили немецкие войска.

Боев, как таковых, при наступлении немцев не было. Были бомбёжки. Запомнился такой случай: бомбили железнодорожную станцию, на которой стояло несколько цистерн спирта. Из цистерн выливается спирт и стекает в овраг, местные жители за этим наблюдают. Картина, конечно, страшная. Вместо того чтобы тушить огонь, все наблюдали. После отступления наши сделали несколько орудийных выстрелов.

При вступлении в город немецкие солдаты ехали на машинах, танках, мотоциклах с засученными руками. Если какая техника отказывала, её бросали и свозили в определённое место. За время оккупации, до марта 1943 года, в городе кроме немцев были финны, румыны, венгры (мадьяры), итальянцы, поляки.

В районе и вокруг него действовали партизаны (взрывали мосты, эшелоны). Немцы проводили карательные экспедиции, но не сами, а использовали для этой цели румын и полицаяев. Пытались использовать венгров, но их воинская часть полностью перешла к партизанам. Румыны боялись идти в лес, поэтому окружали сёла, стоящие на его опушке, сгоняли жителей, кололи их штыками, а хаты поджигали.

Я жил на последней улице, где располагалась семилетняя школа. В ней останавливались воинские части (немецкие, венгерские, румынские, финские, итальянские). В памяти осталось то, что только

венгерские солдаты (их называли мадьярами) всегда кормили детвору: утром, в обед и вечером повар наливал в ведёрочки, сделанные из литровых консервных банок, первое и второе. Если им присылали лимоны и апельсины, обязательно угощали детей.

В самом городе зверств было относительно мало. Когда немцы вошли в город, расстреляли несколько красноармейцев, находившихся в окопе. Повесили мальчишку пятнадцатилетнего. Он искал корову в лесу. Причём, вставили в рот кость и сфотографировали.

Повесили партизанскую разведчицу Веру Терешенко.

На сельхоздворе был устроен лагерь военнопленных. Дети им бросали через забор из колючей проволоки хлеб, картофель, морковь, бурак и др. Взрослые это делать боялись под угрозой расстрела. Некоторых из пленных удалось освободить. Женщины объявляли их своими мужьями или братьями.

Немцы агитировали ехать в Германию на работу. Но желающих было мало. Тогда они начали устраивать облавы. В базарный день окружали рынок и забирали людей, а затем отправляли в Германию.

В городе жил зубной техник по фамилии Гитлер, так его заставили изменить фамилию на Финкельштейн.

В начале 1943 года начались бои за город. Наши били из пушек и миномётов по городу, немцы из города отвечали тем же. Причём, техники, которая была у немцев в начале войны, уже не было. И теперь они технику, которую раньше бросали, по мере возможности, восстанавливали и отправляли на фронт.

Жители жили в погребках и подвалах.

Бои шли несколько недель. В последние сутки перед отступлением немцев была сильная метель. Они выгнали население расчищать дорогу от снега глубиной около полуметра. Ночью немцы ушли, но сбились с дороги. В снегу на протяжении нескольких километров побросали своё имущество: пушки, пулемёты, снаряды, гранаты, лыжи, обмундирование, продукты и т. д.

Взрослые собирали продукты, обмундирование, одеяла и др., а дети — лыжи, винтовки, автоматы, пистолеты, мины, снаряды, гранаты, дымовые шашки, патроны. Ну и, конечно, пытались заниматься обезвреживанием мин, снарядов, гранат. Очень много детей погибло во время этого процесса. Такое длилось около года.

Сразу после освобождения дети вместе со взрослыми (стариками, женщинами) работали в колхозе, перевозили боеприпасы. И это практически при постоянной бомбёжке. Во время одной из бомбёжек я был ранен в голову, руку, ногу и глаза.

Перед Курской битвой население города было эвакуировано километров за 20–30 от линии фронта в ближайшие деревни. После сражения на Курской дуге вернулись из эвакуации и продолжили работать.

В день Победы люди на улицах плакали и обнимались. А когда пошли поезда с демобилизованными, их встречали с цветами, кормили кто чем мог.

В 1949 г. после окончания средней школы поступил в Харьковский горный институт, который закончил в 1954 г. Был направлен на работу в город Торез (Чистяково) Донецкой области. Работал на шахтах выборщиком породы, проходчиком, электрослесарем, помощником машиниста врубовой машины, горным мастером, помощником начальника участка, начальником участка, заместителем главного инженера. Затем преподавал спецдисциплины в Торезском горном техникуме имени А. Ф. Засядько. В 1961 г. окончил с отличием двухгодичный факультет усовершенствования дипломированных инженеров Всесоюзного заочного экономического института по специальности «Автоматика и телемеханика».

С 1964 г. учился в аспирантуре, работал старшим научным сотрудником в Донецком политехническом институте.

В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию. С этого времени работаю на экономическом факультете Донецкого государственного университета (в последствии национального) старшим преподавателем, доцентом, а в настоящее время профессором кафедры международной экономики. Академик, Почетный доктор Украинской технологической академии. Отличник образования Украины, лауреат ВДНХ СССР, лауреат всесоюзного выставочного центра России.

Награждён медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Ленина», «Г. Жукова», «Захиснику Вітчизни», «За верность присяге», знаками «Шахтёрская слава» трех степеней.

Певный Сергей Александрович

*Родился 17 июня 1927 г.
в селе Марьинка Донецкой области.*

ЦЕНА ЖИЗНИ

...Начало декабря 1942 года. Идет второй год немецкой оккупации г. Сталино. После входа в город немецкие военные власти вывесили на видных местах приказы, содержащие 10–15 пунктов. Каждый из них начинался словом «запрещается», а заканчивался словом «расстрел». И это были не пустые угрозы. Немцы народ пунктуальный, у них слова не расходятся с делом. Людей хватали налево и направо при малейшем подозрении. У моего соученика нашли на чердаке старую радиолампу — мальчишку повесили, а всю семью отправили в концлагерь. Особо жестко относились к случаям нарушений, касающихся оружия и радиоприемников.

Появилась биржа труда, на которой было件язано регистрироваться все трудоспособное население. С первых же дней начали «окончательно решать еврейский вопрос». Затем начался «отлов» молодежи для отправки на работу в Германию. К голоду постепенно привыкли, как и к остальным оккупационным «прелестям» (комендантский час, патрули и т. д.).

Единственной радостью для нас в то время был пролет советского самолета или слухи о фронтовых неудачах немцев. Но самым большим и радостным событием было окружение немцев под Сталинградом. В тот период особенно сильно ощущался дефицит информации о событиях под Сталинградом.

В начале осени 1942 г. я работал учеником в частной радиомастерской. Ремонт радиоприемника, как правило, производился в присутствии заказчика-немца, что лишало всякой возможности прослушивания радиопередач. И вот однажды мне предложили самый луч-

ший советский приемник — СВД-9. К сожалению, сейчас я не помню, кто мне сделал это предложение (подозреваю, что это был сам хозяин мастерской). У кого я брал приемник, также не сохранилось в памяти. Единственное, что я помню, что это было на Скотопрогонной улице (ныне улица Университетская) в районе первого корпуса ДонНУ (филфак).

Полученную ценность — шасси и динамик СВД-9, я сложил в мешок, завязал его и, взвалив на плечи, отправился в путь. Для того, чтобы попасть домой, мне необходимо было пересечь Первую линию (ул. Артема), насыщенную людьми. Большую часть ее составляли немцы, в том числе патрули.

Для пересечения Первой линии я избрал участок наиболее пустынный — между гостиницей «Донбасс» и театром, легко вышел в район больничных корпусов (7-я линия, ныне площадь Ленина). Далее с облегчением, что самое опасное миновало, я вышел на Почтовый проспект. Однако, не успев сделать и десятка шагов, увидел, поднимающиеся из-за бугра, две каски, затем появились шеи с цепочками и, наконец, бляхи фельджандармов. Я напоролся на самый страшный патруль — патруль СД (служба безопасности). Патруль состоял из двух человек: первый — пожилой высокого роста, второй — тоже рослый, но совсем мальчишка.

Увидев приближающихся жандармов, судорожно решаю, что делать. Бросить мешок и бежать — сразу же разоблачить себя. Да и куда бежать? Налево — пустырь, направо — трехэтажные дома, до которых еще нужно добежать. Жандармам же сорвать с плеча карабин и передернуть затвор — считанные секунды. Я не успею пробежать и несколько метров, как они меня расстреляют. Остается только один выход: идти навстречу с невинным видом, не изменяя ритма движения.

Что меня поразило в патруле, так это поведение молодого жандарма. Он безумолку трещал, забегал вперед, дергал за рукав пожилого. Так вели себя только итальянские патрульные. Все время, пока сближаюсь с немцами, ощущаю на себе пристальный и цепкий взгляд пожилого жандарма, которому, как назойливая муха, мешает молодой. Прохожу медленно мимо них, не задерживаюсь, иду дальше. Неужели пронесло? И вдруг слышу сзади властный окрик «Halt!». Пешеходы, которые находились рядом со мной, шарахаются в сторону. Медленно поворачиваю голову назад. Пожилой жандарм подзывает меня согнутым пальцем. Я бреду назад, не чувствуя под собой ног. Он задает вопрос «Was ist das?», тычет пальцем в мешок и

начинает его ощупывать. Понимаю, что это очень опасно, я быстро снимаю мешок с плеча, отвечая, что на улице холодно, и я несу дрова для печки. Демонстрируя готовность показать содержимое ноши, пытаюсь трясущимися руками «развязать» мешок и еще ту же затягиваю узлы. В это время молодой жандарм, совсем не интересуясь происходящим, продолжает горячо повествовать о своих похождениях «mit Medchen» и настойчиво тянет за рукав пожилого жандарма от меня. Последнего гложет сомнение, но под натиском молодого медленно отходит от меня. Я же для подкрепления своей «невиновности» не торопился уходить, и все возился с завязками на мешке. И лишь, после того, как жандарм перестал оглядываться на меня, поднял мешок на плечо и двинулся домой.

Что бы произошло со мной, если бы я напоролся на «нормальный» патруль — он бы не ожидал, пока я развяжу мешок, а снял бы со своего бедра тесак и разрезал мешок. Или даже этот патруль, если бы пожилой жандарм на минутку заставил молодого замолчать и не мешать ему работать, он мог бы ударить носком сапога по мешку и услышал бы не глухой деревянный звук, а звонкий металлический.

Должен признать, что моя жизнь, да и не только моя, но и всей нашей семьи, была спасена болтливым шалопаем, нарушившим все уставные положения немецкой армии.

Окончил Ужгородский государственный университет (1951 г.), создал кафедру физиологии человека и животных в Донецком государственном университете, определил ее научное направление и заведовал ею в период с 1966 по 1999 гг. Работал в области гигиены и физиологии труда в должности доцента, зав. кафедрой, профессора.

Писаревская Надежда Михайловна (девичья фамилия Калениченко)

Родилась 26 марта 1926 г.

ЖИЗНЬ В ОККУПАЦИИ

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 15 лет. Я окончила 8 классов СШ №2 в г. Никополь Днепропетровской области. Отец мой Калениченко Михаил Митрофанович был директором СШ №8, мать Калениченко Мария Васильевна — учительницей этой же школы. Мой брат Калениченко Павел Михайлович 1923 г. рождения, был студентом Львовского госуниверситета. Он был зачислен в Киевский госуниверситет на механико-математический факультет, но по письму Министерства образования его перевели учиться в Львовский университет.

22 июня 1941 года, в воскресенье, вся семья, кроме брата, была дома, слушала радио. Прозвучали позывные, и мы услышали правительственное сообщение о том, что гитлеровская Германия внезапно, без объявления войны, напала на нашу Родину. Отец был невоеннообязанным по состоянию здоровья; брат, хотя и был невоеннообязанным по зрению, ушел на фронт добровольцем. Мы об этом узнали уже после освобождения г. Никополь, когда в мае 1944 получили долгожданный треугольник.

До середины августа в городе было относительно спокойно: все работали, отправляя всё для фронта, всё для победы. Но примерно в это же время, недалеко от станции Никополь, был разбомблен эшелон с заводским оборудованием и семьями сотрудников из Кривого Рога. Вопрос об эвакуации в семье встал очень остро.

15 августа 1941 г., в воскресенье, в полдень, когда в центре города было много людей, немецкие «Фокке-Вульф» налетели на город и стали бомбить его центр: мою школу №2, центральный универмаг,

другие здания, не имевшие никакого отношения к военным объектам. Все было разрушено, погибло много людей, в том числе и детей, включая моих девочек-соседей 10 и 12 лет.

Эта бомбёжка решила всё: отец попросил школьную телегу, чтобы потом переправиться паромом через Днепр, и вернуть телегу назад в школу. Так же поступили и другие учительские семьи. 4 телеги переправились через Днепр в с. Каменка. Отправив телеги через реку назад в Никополь, родители пошли на элеватор в поисках телеги для поездки дальше. Они нашли 4-х возчиков, согласившихся отвезти нас в Б. Белозёрский район, с. Садовое, которое и стало местом нашего пребывания в течение полугода. Но это было потом. А до поездки в Садовое, по предложению возчиков, мы согласились переночевать в центре с. Каменка у школы, которая в то время стала призывным пунктом. Очень скоро, в полночь, послышался рёв немецких бомбардировщиков и нас начали бомбить. Но самое страшное — от школы кто-то пускал ракеты, освещающие школу и, конечно же, наши подводы. Мы разбежались в разные стороны, а немцы продолжали бомбить школу, ведь это, как выяснилось, был призывной пункт. После окончания бомбёжки мы все собрались, чтобы продолжить нашу поездку.

Днём приехали в с. Садовое, встретил нас председатель колхоза и предложил остаться. Дескать, поможете собрать урожай овощей и фруктов, а тем временем немцев отгонят от Днепра. Он предоставил нам жильё в семьях колхозников, которые, кстати, относились к нам очень сочувственно.

Так мы проработали месяц, ежедневно слушая канонаду, доносившуюся со стороны Днепра. Всех мужчин эвакуировали дальше на восток, а мы, получив то, что заработали на трудодни, а также пшеницу и рожь по мешку, остались в селе. Но через 2 дня наши мужчины вернулись, т. к. впереди уже были немцы. Мы оказались в окружении.

Через полгода родители поехали в Никополь проверить там обстановку. Наш дом был разрушен. Они месяц его ремонтировали, а затем приехали забрать нас (меня, бабушку и других родственников). По приезде в Никополь, мы увидели на рыночной площади недалеко от нашего дома виселицу с двумя повешенными, на них висели таблички «Так будет с каждым, кто не выполнит требований немецкого командования». Это повергло нас в шок.

Жизнь в оккупации была далеко не лёгкой. Всё взрослое население ходило в близлежащие деревни менять вещи на продукты пита-

ния. В один из таких походов через Днепр, в ту же Каменку, мама моя провалилась под лёд. Её вытащили, но она не вернулась домой, а пошла в село, где её отогрели, обсушили, поменяли кое-какие вещи на зерно, и только потом она вернулась домой. Вскоре после своего возвращения мама тяжело заболела, начались сильные головные боли, её парализовало — это было воспаление головного и спинного мозга. После очень тяжелой болезни мама умерла. Это случилось уже после освобождения Никополь в июле 1944 г.

8 февраля 1944 г. нас освободили Советские войска. Какой это был праздник! Весь город от мала до велика с цветами и слезами счастья вышел встречать наших воинов — освободителей. Радость была огромная — все встречали воинов-победителей!

Через неделю возобновили свою работу школы. Мы учились 1,5 года без каникул. В августе 1945 я окончила школу с золотой медалью. Учились мы хорошо. После занятий ездили в колхозы на прополку, на уборку урожая, на сбор металлолома. Наша школа продала собранный металлолом и отправила вырученные деньги в Москву, на покупку танка. За это школа получила правительственную благодарность (см. газету «Никопольская правда» №56 от 7 мая 1994 г. к 50-летию освобождения города).

7 травня 1945 р., 22 години 30 хвилин, Москва, Нікополь, директору СШ №1 Михайлу Митрофановичу Каленіченко, копія — секретарю первинної комсомольської організації ЛКСМУ Галіні Федорівні Крижанівській, копія — голові учкому Карпенку:

Прошу передати учням і вчителям СШ №1 м. Нікополь, які збрали 2500 рублів на будівництво танка імені СШ №1 м. Нікополя, мій щирий привіт і подяку від Червоної Армії.

Й. Сталін

Во время оккупации молодёжь систематически угоняли в Германию. Чтобы не быть угнанной, мне пришлось пойти работать на железную дорогу станции Никополь. В течение 10 месяцев приходилось отмеривать 12 км в день — 6 км на станцию и 6 км назад.

В университете работала с 1950 г. по 2006 г. в должности преподавателя, заведующей секцией иностранных языков, заведующей отделением романо-германских языков, заведующей кафедрой иностранных языков, деканом факультета романо-германской филологии. Награждена медалями: «За трудовое отличие», «За доблестный труд».

Рева Надежда Никифоровна
(девичья фамилия Коваль)

*Родилась 17 декабря 1927 году
в с. Ефремовка Акимовского района
Запорожской области.*

НАЕДИНЕ С БЕДОЙ

В связи с неурожайным 1933 годом и засухой почти все мои родственники переехали в Донбасс. Там с питанием было получше. На предприятиях и заводах были организованы столовые, работающим выдавали пайки.

Мы проживали сначала в Макеевке, Моспино, а затем с 1936 г. и до 1947 г. в Велико-Анадольском техникуме.

Наша семья состояла из семи человек — пять девочек и родители. В начале войны немцы наступали настолько стремительно, что семья не смогла эвакуироваться и осталась в Велико-Анадоле.

Боевых действий у нас не было. Во время оккупации действовал сельский совет в с. Благодатное (3 км от нас). С приходом немцев, преподаватели, которые не смогли уехать, прятались. Предатели выдали члена партии, историка Иваницкого, дальнейшую судьбу которого я не знаю.

После ухода нашей армии часто бомбили железнодорожный узел Волновахи, что в 12-и километрах от нас.

Иногда с самолетов разбрасывали листовки.

После отхода советских войск, а это было осенью, люди остались наедине со своими бедами. На прилегающих полях собирали кукурузу и все, что там было, жили на самообеспечении. На станции Великий-Анадоль горел элеватор с пшеницей. Люди выбирали обгоревшую пшеницу и обеспечивали себе дальнейшее существование.

Началась жизнь «первобытных» людей. Во время оккупации немцы забирали весь скот, у кого он был.

Отправляли молодежь в Германию. Желавших было мало, прятались, где могли. Благодаря сельскому совету это проходило не очень напористо.

После освобождения Донбасса сразу восстановил работу наш техникум — учебное заведение, выпускающее специалистов лесного хозяйства. Сотрудники и студенты своими силами проводили благоустройство техникума. Не обошлось без жертв. При ремонте электросети трагически погиб Трушенко Коля.

Было тяжело с питанием. Запомнился случай, когда студент «позаймствовал» у товарища кусок хлеба, об этом узнали. Парень не вынес позора и повесился.

В первое время в техникуме не было ни тетрадей, ни чернил. Тетради заменяли старые книги, в которых между строк писали конспекты, а чернила делали из галл-дуба и гвоздей, получалась настоящая тушь.

Жизнь налаживалась, излишеств не было, но мы, молодые, были счастливы.

После окончания в 1947 году техникума выпускники разлетелись по всей Украине. По распределению хозяйства я была направлена во Львовский «Лесопроект».

Каждый специалист должен был отработать по распределению четыре года, это было очень строго.

В Западной Украине работать было очень тяжело. Деятельность наша была связана с учетом и содержанием лесного хозяйства. Русскоязычных специалистов бендеровцы предупреждали покинуть данную территорию в течение 24 часов. Жертв, к счастью, не было. Мы старались вести себя уважительно по отношению к местному населению, проводили активную общественную работу, помогали, чем могли.

В то время бендеровцы действовали жестко по отношению к русскоязычному населению — к должностным лицам, специалистам: врачам, учителям. Своими глазами видела убитых бендеровцами учителей, врачей в г. Новоярычеве. Броды — логово бендеровцев. Двоюродный брат моего мужа, который работал в органах во Львове, был расстрелян. Осталась сиротой долгожданная дочь.

В ДонНУ проработала с 1965 по 1982 г. в должности зав. лабораторией кафедры ботаники, старший научный сотрудник НИЧ.

Середин Валентин Алексеевич

*Родился 19 августа 1933 года в пос. Суземка
Суземского района Брянской области.*

В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ

Отец, Середин Алексей Данилович, в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) был одним из организаторов партизанского движения на Брянщине. В бригаде «За власть Советов» он воевал с первого дня оккупации до дня освобождения.

Старший брат, Середин Владимир Алексеевич, 1927 года рождения, будучи пионером, вступил в партизанский отряд. В июне 1943 года в одном из боев погиб.

С матерью и двумя сестрами я в период оккупации Брянской области находился в Брянских лесах с партизанскими отрядами.

В мае 1943 г. немецко-фашистское командование решило уничтожить партизан, для чего провело карательную экспедицию. Против партизан действовали части 12 пехотных и танковых дивизий и до 30 карательных частей. Общая численность группировки 150 тысяч человек. Противнику удалось окружить южную группу партизан, однако 1 июня партизанские бригады прорвали кольцо окружения и усилили свою боевую деятельность.

Во время блокады Брянских лесов немцы захватили в плен много мирных жителей. Попала в плен и моя семья. Нас поместили в тюрьму пос. Локоть. Вот как описана эта тюрьма в книге М. Ф. Ковалева «Лесной фронт». М., 1983 г. Стр. 96.

«В период массовых облав и массовых карательных операций против партизан все задержанные не вменялись в камеры. В этом случае их содержали под открытым небом, во дворе тюрьмы. В основном это были дети, женщины, старики-члены семей партизан. На прогулки арестованных, как правило, не выводили. Большая ску-

ченность в камерах, антисанитарные условия вызывали массовые заболевания. По этой причине много арестованных умирало. Содержащихся в тюрьмах избивали резиновыми дубинками, плетью, шомполами.

Для устрашения населения и заключенных практиковалось такое: выводили группу арестованных и публично вешали около тюрьмы на деревьях, расстреливали на опушке леса во рву».

Здесь наша семья пробыла больше месяца, а затем была отправлена в лагерь Нежина на кирпичный завод. Здесь нас освободила Советская Армия.

С 1952 по 1956 г. я служил в Советской Армии. После демобилизации поступил в Московский государственный университет на философский факультет, который окончил в 1961 г. С 1961 по 1964 год работал ассистентом, а затем старшим преподавателем Криворожского горнорудного института. С 1964 по 1967 год учился в аспирантуре Московского университета. После окончания аспирантуры, в ноябре 1967 г. направлен на работу в Донецкий государственный университет.

С 1971 по 1980 гг. работал в отделе науки и учебных заведений Донецкого обкома компартии Украины инструктором, а затем заместителем заведующего отделом.

С 1980 г. снова на кафедре философии Донецкого университета. С 1981 года — заведующий подготовительным отделением.

Награжден орденом «Знак Почета». Инвалид II группы Великой Отечественной войны.

Сильченко Лидия Кузьминична

*Родилась 12 августа 1930 году
в г. Ворошиловграде в семье рабочего.*

ДЕТСТВО УКРАЛА ВОЙНА

Детство помнится мне красивым, счастливым. Очень хорошо помню детский сад: майские праздники (утренники), елку (призы-игрушки) со снегурочкой и дедом Морозом; выезд летом на дачу от Ворошиловградского паровозостроительного завода.

Сентябрь 1938 года — первый класс! Первые три класса учусь в 25-й СШ г. Ворошиловграда (школа далеко от дома). Радостное известие: в 4-м классе буду учиться в новой школе, 5 минут ходьбы, ура!

Не довелось нам учиться... Детство украла война! Школа — под госпиталь! Учимся в бараках... 4-й класс успела окончить до оккупации.

Лето 1942 года, июль. Ворошиловград оккупирован... Завод ОР (отец работал кочегаром прокатного цеха) эвакуирован на Урал.

Отец призван в РККА, но по «чистой отставке» демобилизован (инвалид — одна нога на 6 см. короче другой).

На биржу труда родители не явились. Вместо этого купили тачку, куда положили швейную машинку, перину, на которой разместили моих 2-х сестер и брата (5,5 лет, 3,5 и 1,5 года), а я (11,5 лет) прошлагала 350 км, держась за повозку. Был август месяц... В основном ночами (лунными), окольными путями-дорогами, чтобы не встретить немецкий патруль, за 14 дней дошли до с. Жуково (моя родина) Алексеевского р-на Воронежской (ныне Белгородской обл.), что в 50 км от Валук. Нейтральная полоса: фронт на Дону, а в противоположной стороне — немцы «стояли» в 18 км от с. Жуково.

Иногда на мотоциклах врывались в хутор, хватали, что могли из еды и «улетали».

Моя маленькая сестра говорила: «Я мала, а как вырасту большая, буду тоже бить врага». Ей было 4 года. Говорила: «Через 3 года я буду учиться в школе так, как учишься ты!».

*А про немца, когда вспомнит,
как корову он доил,*

*как теленка взял с собою,
как курей за хвост ловил...
И тогда уж присмирет,
свои ушки навострит...
Нет, теперь уж больше зверям
По России не ходить!*

Освободили нас 18 января 1943 года. А 25 января я уже пошла в 5-й класс.

За успешную (отличную) учебу меня и Пашу (одноклассницу) перевели в 6-й класс «условно», так как по языку мы еще не изучали «глагол», а по математике — «пропорции и проценты». Самостоятельно «догнали и перегнали» шестиклассников.

7 класс НСШ — и я еду в Ворошиловград, поступаю в торговый техникум без экзаменов («отличница»).

1947 голодный год!

500 гр. хлеба на день, 1,5 кг тюльки вместо мяса на месяц, 400 гр. сахара, 1,5 кг крупы — студенческий паек.

Голод, холод, но жажда знаний переборолла все невзгоды.

1948 год — сначала продавец 2 разряда, но всего лишь через 3 месяца — товаровед Кадиевского смешторга, а вскоре — экономист по ценам Ворошиловградского ОУМТ (областного управления местной торговли). Не мое призвание торговля (с куклами играла роль учительницы).

1951 год — мечта начинает сбываться — матфак ВГПИ.

1955 — учитель математики Георгиевской СШ на Луганщине.

Но... рекомендация в аспирантуру, любопытство — «что из этого выйдет» — занесли меня в ХГУ на кафедру геометрии. Академик А. В. Погорелов (автор нынешнего учебника по геометрии) удостоил меня такой чести — быть его аспиранткой.

Итог жизни:

1) Специальность поменяла не зря!

2) Самый счастливый период в моей личной жизни (а также в судьбе) — учеба в аспирантуре, так как подобных Алексею Васильевичу Погорелову, Дмитрию Захаровичу Гордевскому, Якову Павловичу Бланку и всему их окружению «геометрической» кафедры не много встречала в своей жизни.

А о войне многое вспоминаю с ужасом (бомбежки, бой в с. Жуково, когда, вырвавшимся из окружения озверелым немецким солдатам бой дала часть РККА). Но это же не блокада Ленинграда, и не освобождение Киева, и не Сталинградская битва...

*На наших алых боевых знаменах
Святая ярко кровь отцов горит.
И память о героях Краснодона
Навеки сердце юных сохранит,
Сергей Тюленин и Любовь Шевцова —
Не меркнуть вашей славе никогда.
Идти дорогой вашей — мы готовы,
Ваш подвиг — путеводная звезда.
За то, чтоб дружба крепла и мужала
На всей земле между людьми труда,
И наливалась тяжестью металла —
Вы жизни ваши отдали тогда.
Мы знамя вашей славы боевое
Сквозь бури, испытанья пронесем.
С врагом коварным мы готовы к бою
И с верного пути мы не свернем.*

*(Я не Пушкин, не Крылов
не могу писать стихов,
а пишу 4 слова: живи,
учись и будь здорова —
девиз юности моей.)*

«Дети войны» — краткое определение категории людей, у которых война украла детство, и не только!

Сколько осиротила, у сколько забрала жизни их детей, родных; не только физически покалечила, но и поголовно всех — психически.

Специфический звук «У-у-у» немецкого бомбардировщика и вой сирены, призывающие в бомбоубежища, — наводили на меня ужас, сознание безысходности, неотвратимости, неизбежности. Часто потом в кошмарном сне я хватаю на руки годовалого Толика, зову, кричу: «Нина, Рая — бежим в убежище, или под кровать». В газете была статья, как девочка спаслась под кроватью от завала разбомбленного дома.

1942 год! В Ворошиловграде немцы разбомбили элеватор.

Люди бросились запасаться мукой, крупой... У нас четверо детей: Я старшая — 11 лет, сестры 5 и 3 года, брат 1 год. Мать хватается мешок и спешит с соседками (из корпуса) за мукой.

Отец возражает: «Ты с ума сошла, тебя убьют (бомбежка не прекрасалась), что буду с ними четыремья делать? Вернись!» Но мать не слушает! «Чем завтра кормить вас буду?» — слышим в ответ. Дет-

ское сердечко сжалось от страха: малыши не понимают, а мне страшно за маму, за себя, за детей...

Январь 1943 года. Вырвавшиеся из окружения итальянцы расселились на ночь в хуторе Жуково. Топят печь, требуют, чтобы испекли «потата» (картофель). Мама показывает, что загорится крыша, соломой крытая, — очень жарко печь разогрета; периодически мама выбегает на улицу и смотрит на трубу, нервничает: из трубы вырывается пламя... Но ждут печеную картошку — никуда не денешься, на печи (русской печи) рядом с «грубкой» замерли мы — четверо ее детей. И так до рассвета.

Слава Богу, с рассветом пьяная орава ушла из хутора.

9-е мая 1945 года... Урок конституции. В класс вбегает завуч и громко говорит: «Война окончилась!» Что тут началось! Все вскочили с мест, кричат, обнимаются, плачут, мальчики «ходят на руках» между партами, просто бегают по партам... А учительница Валентина Борисовна села на стул и громко зарыдала: она из Борисоглебска, все ее родственники погибли, осталась одна... Радость победы подавлена болью утрат.

Мы работали всю жизнь, руководствуясь принципом: «Лишь бы не было войны...»

Работала в ДонНУ старшим преподавателем кафедры высшей математики методики преподавания математики с 29 января 1965 года по 1986 год. Ветеран труда, участник войны, имею благодарности и грамоты ДонНУ.

Синельщикова Зоя Ильинична

Родилась 7 ноября 1931 года в г. Воронеже.

ЭХО ВОЙНЫ

Мы благодарны нашей памяти, которая хранит все хорошее, что было в нашей жизни, и сглаживает всё трудно пережитое, а порою заставляет даже забыть. Но моя память четко хранит годы Великой Отечественной войны, и, хотя прошло почти 65 лет после её окончания, эхо её живет во мне до мельчайших подробностей.

Я помню нарастающее беспокойство моих родителей по поводу захвата стран Европы и постоянные разговоры о том, что ждет нашу Родину. И гром грянул. Ранним утром 22 июня по радио мы услышали, что ровно в 4 часа утра немцы бомбили красавец Киев. Началась война, война без правил, без объявления. Растерянность страны была недолгой. Началась группировка сил, возможностей, принимались необходимые меры. Коснулось это каждой семьи и каждого человека. В моей семье — четверо. Первое решение принимает папа, он добровольно уходит на фронт. Он коммунист и его место там. Кроме того, он опытный машинист, будет водить эшелоны поездов к линии фронта на протяжении всей войны, сохраняя драгоценные грузы, ведя неравный бой с фашистскими бомбардировщиками. Мама домохозяйка, поступает на завод, выпускающий танки. Вместе с нею идет туда и брат, ему 13 лет (1928 года рождения). Они горды тем, что делают все для победы. Я остаюсь на хозяйстве. Мне неполных 10 лет. Моя обязанность — стоять в очередях за нормированным хлебом, мылом, керосином и т. д. не только днем, но и ночью. Готовлю немудреную пищу. Мама и брат имеют нетвердый график рабочего дня, порою их не бывает сутки и более, тогда я несу им свое приготовление.

1 сентября 1941 года я начала учиться в другой школе в третью смену. Моя прежняя школа отдана под госпиталь. Но и там нам, ученикам, нашлось место: моем полы, помогаем раненым, выполняем их просьбы — пишем под их диктовку письма родным. Я при этом глотаю слезы, где-то и мой папа, жив ли он, а может ранен? Писем нет, его все время перебрасывают на разные участки.

Каждую свободную минуту я прихожу в госпиталь. Читаю раненым книги и сейчас еще слышу голоса — «дочка, а погромче можно?» Дома шью кисеты, в школе нас учат этому, их потом отправят на фронт вместе с другими собранными вещами в посылках. Как быстро ушло детство, мы повзрослели не по годам.

Мой город Воронеж, где я жила, постоянно бомбят, уничтожая не только производственные объекты, но и весь город, его жителей. Враг подошел вплотную к нему. Река Воронеж, впадающая в реку Дон в 15 км от города, разделяет его на левую и правую часть. Немцы наступали на правую часть и вели массированный удар по мостам, соединяющим обе стороны города, которые были до предела загружены отступающими войсками и бегущим на левый берег народом. Самолеты немцев на бреющем полете расстреливали всех, взрывали мосты. Мама и брат тащили меня вплавь через реку. Вода была розовой от людской крови. Левый берег немцы взять не смогли. Наши защитники стояли насмерть, чтобы не открыть путь на Москву, и выдержали. Город был разрушен на 95 %...

Хочу сказать о сплоченности и доброте людей в этой войне. Нас, эвакуированных, принимали, размещали в своих домах сельские, делились всем, что было у них, давали работу, тепло своих сердец. Вместе мы верили, что победа за нами. Так и случилось. Сейчас я большим счастьем считаю жить в мире. Мир надо беречь, бороться за него и помнить тех, кто такой страшной ценой отстоял его. Пусть наша память хранит подвиг наших отцов, дедов — живых и павших, подаривших нам мирную жизнь.

В ДонНУ проработала с 1969 г. по 2001 год.

Слюсаревская Елена Ивановна

*Родилась в городе Сталино
(г. Донецк) 5 мая 1926 года.*

ДЛИННАЯ ДОРОГА. СТАЛИНО — БОХУМ

В 1941 г. закончила 6 классов, перешла в 7 класс и проучилась в нём ровно месяц. Немцы вошли в город 12 октября и моя учёба закончилась.

Жили мы в Ленинском районе (тогда он назывался — Сталино-Заводской), на 6-й Ларинке. Как раз напротив нашего дома (сейчас там Ленинский райисполком), около базара Соловки (он и до войны был там), со стороны станции Караванной зашли немцы в город. Сразу начались облавы, забирали трудоспособную молодёжь и отправляли в Германию.

Отец мой был шахтёр, он имел бронь и работал до последнего дня. 11 октября его отправили на фронт. Мама лежала больная после операции, а мы с сестрой (1928 г. р.) остались с мамой. Подвал стал нашим убежищем и домом. Так как я была старшая, я должна была заботиться о них. Мне на тот момент исполнилось 15 лет, а сестре — 13.

Мы с сестрой ходили пешком к железнодорожному вокзалу (ст. Караванная) — это туда и обратно 7–8 км. Там были огороды людей и совхоза Пески; собирали, что осталось — фасоль, свеклу, картошку... Везде искали еду, потому что из нас никто не работал, денег не было. 1941 г. был урожайный, люди разъехались, оставили свои огороды и мы носили понемногу домой всё то, что находили. Это пока было тёплое время года, а когда выпал снег, еду стали искать на колхозных полях. Там были и подсолнух и кукуруза. Очень долгое время жили в подвале, скрывались от немцев. Пережили мы 1941 г., начался 1942 г. Немцы осмелели, начались облавы, по домам пошли полицейские. Забирали всех подряд, кроме малолетних и стариков.

Одно из отделений полиции находилось рядом с нами. Я лично видела, как застрелили одного мужчину. Он шёл и нёс что-то на плечах в мешке, а немец просто выстрелил в него. И так его тело лежало, пока не приехал конвой и не забрал его.

По утрам по городу были расклеены листовки, а немцы ходили их срывали, но на следующий день они снова висели. Люди говорили шёпотом, что в Сталино есть партизаны или подпольщики, их ищут, но безуспешно. Мы надеялись, что скоро дождёмся наших солдат.

Пока мы с сестрой были малолетними, нас немцы не трогали, но в августе 1942 г. пришли за мной. Пришли два полицейских и сказали, чтобы завтра я была готова ехать, если убегу или буду прятаться, заберут всю семью. На следующий день меня забрали в 3-е отделение полиции. Подъехали грузовые машины и нас (около 30 человек) на этих машинах отправили к железнодорожному вокзалу. На вокзале стоял целый состав вагонов, тучи людей, всюду крики и плач. Немцы прикладами загоняли людей в вагоны с решётками на окнах; внутри в вагонах было только немного соломы на полу; после вагоны закрывали на замки. Везли долго и очень быстро, останавливали редко, выпускали по несколько человек, при этом стояли сзади с автоматами и кричали: «быстрей-быстрей». Помню, я сидела в углу и всю дорогу плакала, за слезами ничего не замечала. ЕСТЬ не давали, только пить из ведра по глотку и повторяли: «айн глоток».

Мы ехали через Западную Украину, наверное, через Белоруссию, запомнила Перемышль. Там нас выгрузили и погнали в баню. Мытьё началось с того, что нас всех по очереди и нашу одежду обработали чем-то очень вонючим. У многих некоторые вещи позабырали, у меня ничего не забрали. Ту одежду, которую постирала, одела сырой. Она на мне и высохла, пока мы лежали на нарах под открытым небом, огороженные высоким забором. Скоро подали эшелон и нас повезли дальше в Германию. Когда въехали в страну, эшелон стали чаще останавливать, на выбор раздавали пленных желающим. Надо сказать, что людей, которым была нужна рабочая сила, было очень много. В вагоне нас оставалось всё меньше и меньше.

В очередной раз поезд остановился возле какого-то моста, как оказалось у города Герне, в 15 км. от Бохума. Нас забрали всех: нужны были рабочие на завод Дорн, где производили болты, гайки и т. п.

Немец с поезда привёл нас в лагерь, обнесенный колючей проволокой. Ворота были закрыты. Немцы дежурили и днём и ночью. Поселили меня в женский барак, комната номер 5, где уже было около 20 девушек. Девушки были из Таганрога, Новомосковска,

Ростова и др. городов. Спали мы на двуярусных кроватях. На следующий день нас разбудили, стуча палкой по кровати, дали колодки и повели на работу. Мне присвоили рабочий номер 110; бирки повесили на груди и на кровати.

Меня сначала поставили работать на станке, но я из-за небольшого роста не доставала до него. Тогда дали тачку, метлу и сказали «заубермахер» — убирать. Дальше я занималась уборкой производственных помещений.

Уходили мы на работу в 6 часов утра, в 11 был перерыв на полчаса. Нас кормили, давали баланду из брюквы. Заканчивали работу в 6 часов вечера. После работы тоже кормили баландой и давали воду чуть-чуть подсоленную, немного больше пол-литра, хлеб-суррогат «ячмень-овёс». Ещё давали раз в неделю на двоих кирпичик хлеба. По праздникам кормили супом из бобов и моркови. Мы уже привыкли так питаться, никто не толстел и не худел, все были тощие и серые.

Из дома писем я не получала, потому что сама не писала — не знала, где купить конверт.

Получилось так, что один день я не работала, ушибла ногу. Надо было убрать под большой болванкой, но я не удержала ее и уронила себе на ногу. У меня было нагноение на пальце. В ту ночь была воздушная тревога, и нас заперли в подвале и стерегли в две смены. Один из охранников увидел мою ногу и сказал, что утром отведёт меня к врачу, но я не поверила. Когда пришли после отбоя в барак, он мне сказал, чтобы я шла работать, а он скоро зайдёт за мной и отведёт к врачу.

Обувь у нас была — колодки на деревянной подошве, а сверху, как тапочки. Я стала обувать, а палец опух и не лез. Немец где-то взял бинт, дал мне перевязать ногу, и я пошла к врачу. Тот вскрыл нарыв, обработал рану, забинтовал ногу и отвёл меня в барак.

Некоторое время, около 2-х месяцев, я работала на обжиге болтов — это считался «горячий» стаж; за это мне дополнительно давали раз в неделю, по средам, полбуханки хлеба и грамм 200 маргарина (немцы тоже ели этот маргарин вместо масла, бедность была). В конце 1944-го я уже работала на станке, который нарезал резьбу на болтах. Освободили нас американцы — это было 14 апреля 1945 г. Люди побежали кто куда, но наш лагерь весь вывезли в Бохум. Там были военные казармы, где находились немецкие солдаты во время войны. На тот момент они уже были свободны и нас туда поселили. Кормили очень жирной пищей. Мы ели много после голодного барачного заключения. У многих расстроились желудки.

В мае американцы передали всех заключённых советским войскам. Какое-то время наши солдаты выводили нас на работу, где мы должны были молотить зерно, захваченное у немцев и грузить в вагоны и на баржи. Я запомнила этот город на канале — Ландсберг. Там было так красиво: домики очень ухоженные, рестораны прямо на воде, но все строения стояли пустые.

Я приехала домой в декабре 1945 года. Встретила своего отца, которого не видела 4 года, но я узнала его по голосу. Я вдруг ощутила, что очень повзрослела.

В 2002 году я снова побывала в Бохуме. Нас 20 человек, которые там были во время войны, пригласили в поездку. Меня возили на то место, где был завод, на котором я работала. Его уже нет с 1992 года, ликвидировали, так как он находился в центре города Герне. Сейчас Бохум — город-побратим г. Донецка.

Работала в ДонНУ с 1990 по 2000 гг. дежурной на ВЦ.

Тимошкин Тимофей Тихонович

*Родился 25 февраля 1931 года
в селе Соловачева Ухоловского района
Рязанской области в семье крестьян.*

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Сегодня, когда после окончания Великой Отечественной войны прошло более 60 лет, мы, тогдашние мальчишки и девчонки, которым было 10–11 лет, помним эти годы, знаем им цену. Путь к миру, в котором мы живем, был долгим и трудным, он отнял свыше двадцати миллионов жизней советских людей. Четыре долгих года войны советские люди с глубокой верой и надеждой ждали Победу. Все эти годы и мал, и стар, находясь на оккупированной территории, помогали, как могли, приближать этот день, все люди верили в победу. Мы, хотя и были детьми, верили, что наступит долгожданный момент, и старались, чем могли, помочь Красной Армии быстрее разгромить врага. Мы вместе со взрослыми рыли заградительные противотанковые рвы и, хотя эта работа была тяжкая, мы, в меру своих сил, старались не отставать от взрослых, часто подменяли своих родителей, были их первыми помощниками.

Все было направлено на то, чтобы выжить в этих трудных условиях. Приходилось ходить по полям собирать мерзлую картошку, кукурузу, бурак и из них готовить пищу для своей семьи. И все это время мы не уставали ждать прихода нашей Красной Армии. Когда в сентябре 1943 года наша область была освобождена от фашистов, мы, дети, первыми встречали армейских разведчиков, давали им сведения, где остались фашисты. Это были незабываемые дни.

Помню, как в один из дней, когда уже наши разведчики появились, чтобы выяснить обстановку, в наш дом зашел весь измучен-

ный командир Красной Армии. Он бежал из лагеря и просил где-нибудь его спрятать от немцев, которые вскоре появились. Я помню, что сказал ему, чтобы быстрее бежал в кукурузное поле, т. к. туда немцы боялись заходить. Когда пришли враги, то начали на нас кричать, допрашивать, где беглец, они преследовали его. Мы сказали, что никого здесь не было. Фашисты обыскали дворы, погреба, где прятались наши семьи, но, конечно, никого не нашли. Так был спасен наш солдат. Таких примеров тогда было много.

После освобождения нашей области от немцев, мы собирали теплые вещи, рукавицы, свитера и отсылали все на фронт нашим солдатам. Одновременно работали вместе с родителями в совхозе. Тогда всем хватало работы. Каждый человек приносил пользу — все для фронта, все для победы. Механизмов в совхозе не было, приходилось урожай собирать вручную — кукурузу, подсолнух, свеклу, картофель, овощи, фрукты.

В то время мы были первыми помощниками у взрослых. И вот эта трудовая закалка тех лет положительно сказалась на всей последующей жизни.

Наше поколение, закаленное военным лихолетьем, стало примером во всем: в учебе, работе, в жизни для последующих поколений.

Мы всегда гордились тем, что стали студентами, старались хорошо учиться, а затем и работать на производстве.

Сейчас мне уже 78 лет. За плечами 54 года трудовой деятельности: 28 лет работы в комсомоле, партийных советских органах (прошел путь от инструктора райкома партии до инструктора ЦК КП Украины). В настоящее время продолжаю трудиться в учебно-спортивном комплексе ДонНУ. Председатель профбюро этого подразделения, член профкома университета. Своим примером и на лучших традициях нашего народа стараюсь воспитывать современную молодежь.

Тодорова Надежда Афанасьевна

Родилась 17 мая 1924 года

в греческом селе Стыла Старобешевского района.

ЮНОСТЬ, ОПАЛЕННАЯ ВОЙНОЙ

Отец мой — Коляда Афанасий Михайлович, украинец, уроженец Полтавской области. Мать — Коляда (в девичестве Жданова) Анна Трофимовна, русская.

В 1940 году я окончила 10 классов Стыльской средней школы. В том же году поступила в пединститут в Ростове-на-Дону.

Вскоре вышло постановление правительства об оплате за обучение, и я по материальным причинам перевелась в пединститут г. Сталино. Жила у родителей моей матери.

22 июня 1941 года... Я готовилась к последнему экзамену за I курс института. Впереди каникулы... Не состоялось... Все изменилось.

Я уехала к своим родителям в село Стыла. Всей семьей мы работали в колхозе. К осени 1941 г. мы видели наши войска, уходящие на восток. Вскоре в селе появились немцы, устанавливая, так называемый «новый порядок». В центре села поставили виселицу, на которой повесили одного из жителей. Его не снимали несколько дней (для устрашения, видимо). Население выгоняли на принудительные работы в поле. К работающим был приставлен полицейский-надзиратель. Если ему казалось, что кто-то плохо работает, подбегал и бил, грязно ругался. Так я на собственной спине познала тяжесть сапога озлобившегося «полицая».

Началась кампания по отправке на принудительные работы в Германию. Вербовали здоровую молодежь, родившуюся в 1924—1925 гг.

К этому времени я познакомилась со своим будущим мужем — Тодоровым Николаем Петровичем, который сумел сбежать из фа-

шистского плена, жил в селе Стыла у своей старшей сестры. Он предложил мне выйти за него замуж, думая таким образом спасти меня от угона в Германию. Я согласилась... и не пожалела никогда о своем решении. Он стал мне опорой, поддержкой, горячим защитником, заботливым супругом, а потом и любящим отцом наших детей. В 1989 г. его не стало.

В 1943 году, когда фашисты бежали все дальше на Запад под натиском наших войск, мы переехали в г. Сталино. Жили вместе с его матерью в их доме по улице Ходаковского в Калининском районе.

8 сентября 1943 года население высыпало на улицы, радостно приветствуя возвращение солдат нашей армии. Город был освобожден. Началось восстановление шахт и заводов. Муж мой стал работать главным бухгалтером в организации Шахтостроймонтаж. Я ждала ребенка. 1-го марта 1944 г. родилась моя старшая дочь Тамара. Я воспитывала ребенка и вела домашнее хозяйство.

9-го мая 1945 года неповторимый голос Левитана по радио: «От советского информбюро. Германия капитулировала! Война окончена!» Это, действительно, был праздник «со слезами на глазах» (мой отец пал смертью храбрых на р. Молочной). Жизнь продолжалась.

В 1946 г. родилась моя вторая дочь — Лариса. Я теперь растила двоих детей, была «домохозяйкой». Но мысль о возможности продолжить учёбу в институте не покидала меня. В 1952 г., когда подросли мои дети, я вновь сдавала вступительные экзамены в Сталинский педагогический институт. В 1956 г., благодаря поддержке моей семьи, я окончила институт с отличием. С тех пор моя трудовая жизнь проходила в этом ВУЗе, ставшим для меня родным.

С 1987 года я на пенсии. Пользуюсь льготами, установленными законодательством Украины для ветеранов-участников войны.

Усова Зинаида Васильевна

*Родилась 9 августа 1924 г. в деревне Сидозеро
Подпорожского района Ленинградской области.*

ДОЛГО БУДЕТ КАРЕЛИЯ СНИТЬСЯ...

Я из рабочей семьи. Отец — В. Л. Гришин, мать — М. П. Гришина. В тридцатые годы (когда мне было 7 лет) семья переехала жить в Карелию. Отец всю жизнь работал на железной дороге (ранее Кировская, ныне Мурманская) в службе движения, мать — домохозяйка.

До войны я окончила 8 классов средней школы №20 г. Петрозаводска.

Карелия и Северная часть Ленинградской области были оккупированы врагом. Уже в первые месяцы войны г. Петрозаводск бомбили вражеские самолеты. Нападения ждали с запада, где строились оборонительные укрепления (окопы и другие заграждения), и никак не ожидали с южной стороны. Поэтому наша семья и близкие родственники эвакуировались на родину, в деревню Пидозеро Ленинградской области, примерно в 10–15 км от реки Свирь. А поскольку враг наступал с южной стороны, то р. Свирь являлась прифронтовой зоной. Услышав взрывы снарядов, жители деревни, в том числе и эвакуированные, вынуждены были уходить в лес, где рыли землянки и первое время спасались в них. Это было, примерно, в июле-августе 1941 года. В начале сентября мы увидели огромное зарево горящего Петрозаводска (примерно 100–120 км от нашей деревни). Наступали и занимали территории не немцы, а финские воинские части. Из фронтовой зоны они вывезли все население в г. - Петрозаводск, где были определены территории для концентрационных лагерей. Причем, в концентрационных лагерях не помещались представители братских национальностей по крови: финны, карелы, вепсы и те люди, которые до войны являлись жителями

города Петрозаводска. Город был условно поделен на русскую зону (это на правом берегу реки Лососинки) и центральную часть, где могли жить финны, карелы, вепсы. Установили различия в паспортах. Братьям по крови они выдали зеленого цвета паспорта, а русским и всем остальным народам (белорусам, украинцам, евреям и т. д.) розовато-красные. Были существенные различия и в норме питания. Русскоязычное население получало 1 стакан ржаной муки в сутки. Голод был страшный. Если людям удавалось найти собаку или кошку, то считалось, что им очень повезло и можно немного попитаться. Для нас и для меня лично, голод был страшнее снарядов.

Что меня, да и всех поражало, а это поняли только после войны, что между людьми разных национальностей не было вражды. Все были проникнуты одной мечтой — ожиданием прихода нашей армии и власти, словом, мира. Ни я, ни мои близкие, друзья и родные не припомнят, чтобы были предатели, изменники, палачи. Даже в эти суровые годы была дружба, поддержка друг друга. Пережив суровую зиму 1941—1942 гг., когда можно было увидеть штабеля трупов, появились слухи о партизанах-разведчиках, которые нуждались в более или менее надежном приюте. Таким местом, по словам родителей, выбрали ул. Володарского (на «русской» стороне) и ту часть, которая близко подходила к финским казармам. То, что мне известно: выбор выпал на дом и семью моего дяди. Одним из доводов такого решения был тот факт, что у них много маленьких детей (трое) и тетя беременна. При таком стечении обстоятельств трудно поверить, что здесь могут остановиться партизаны-разведчики. Как выяснилось впоследствии, одни и те же люди останавливались у них несколько раз и успешно переходили линию фронта.

В конце 1942 г. дядя и тетя были арестованы за связь с партизанами, им грозил расстрел. Но, учитывая, что тетя беременна и были маленькие дети, им отменили расстрел и приговорили к пожизненной каторге. Когда они сидели в тюрьме, во время прогулки в общем дворике к ним подошел мужчина, в котором они опознали приходившего в их дом партизана. Он попросил у них прощения, сказал, что не выдержал пыток и назвал их имена и дом. Дядя и тетя до окончания войны находились в тюрьме, а потом дошли вместе с отступающей финской армией до Хельсинки.

Тетя в тюрьме родила дочь и назвала ее Людмилой, которая сейчас живет в г. Петрозаводске, имеет семью и двух детей. Самое ра-

нее детство Люды прошло в тюрьме и когда родителей уводили на работу, ребенка нянчила надзирательница, которая полюбила девочку и дала ей финское имя «Пуляйнен». Она умоляла родителей отдать ей ребенка, обещая хороший уход и воспитание девочки. Но родители — отец Вакулин Иван Петрович и его жена — Татьяна Михайловна не отдали ребенка. После окончания войны они вернулись в Петрозаводск еще с одной девочкой к трем, оставшимся в живых Лидии, Зое, Нине. После ареста дяди и тети их детей взяли на воспитание мои родители. Все заботы по уходу за ними, в основном, легли на мою маму, меня и, выпущенную из концлагеря, бабушку. Вдобавок, мы еще приютили троих сирот-внуков бабушки (их мама умерла в концлагере), а маленькую девочку Галю, которой было не более 1,5 лет, мои родители удочерили, и она остается сестрой до сих пор.

Говоря о жизни в оккупированном городе, следует сказать о партизанском движении, состоявшем в основном из подростков и пожилых людей. Об их деятельности в то время можно было судить по взрывам на железной дороге, пожарам и другим ЧП. Одним из них был мой будущий муж — Усов Евгений Александрович, который в одной из операций был ранен и остался инвалидом II группы ВОВ.

Самыми тяжелыми воспоминаниями о войне остаются:

1) Чувство безмерной боли, холода, когда, отыскивая близких умерших, видишь штабеля трупов, содержащихся в обычном деревянном сарае.

2) Периодические ночные облавы в поисках партизан, когда среди ночи с бешеной силой стучат одновременно в дверь, окна, врываются в дом, сбрасывают одеяла со спящих детей. После такой облавы не можешь прийти в себя несколько дней (озноб, не способен думать).

3) Голод, он побеждает даже страх. Рвутся снаряды, бомбят, а ты думаешь о куске хлеба. Притупляется страх за свою жизнь.

После освобождения города Петрозаводска в 1943 г. я работала в Управлении Кировской железной дороги, в административно-хозяйственном секторе и училась на подготовительном отделении Карело-Финского университета.

В 1945 году была зачислена на биологический факультет КФГУ, который окончила в 1950 г. и получила диплом с отличием. В 1954 году защитила кандидатскую, а в 1965 — докторскую диссертацию.

В 1967 г. утверждена в ученом звании профессора по кафедре зоологии Донецкого университета. В 2001 году присвоено звание заслуженного профессора Донецкого национального университета.

Мною опубликовано более 200 научных работ, из них 6 монографий, подготовлено 22 кандидата наук. С 1965 по 1972 гг. руководила биологическим факультетом, была первым деканом.

За плодотворную работу награждена орденом «Знак Почета» (1967 г.), медалями «За доблестный труд» 1970, 1980. Внесена в книгу «Трудовой Славы Донбасса» — 1973 г. Внесена в справочник «Жінки України» 2001 г.

В ДонНУ работаю с 1965 г. — по настоящее время.

Федотова Ольга Ксенофоновна (в девичестве Тесленко)

Родилась 30 марта 1930 г. в г. Таганроге Ростовской области.

МЫ — СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

22 июня 1941 г. мы всей семьей отправились в ТЮЗ на спектакль «Снежная королева».

Выйдя из театра, полные радостных ощущений от победы добра над злом, мы узнали, что началась война. Мама горько заплакала. А мы еще не понимали, что это такое «Война»!

Отец участвовал в гражданской войне. Так как у него в руке после войны остался осколок, его не взяли на фронт, но призывали на работу в НКВД и послали в Сибирь, в г. Томск. Отказаться было нельзя.

Работа в НКВД для него была страшной мукой. Мы не раз слышали, как он плакал по ночам. Потом, когда мы повзрослели, рассказывал о расстрелах людей без суда и следствия.

В послевоенные годы отец был счастлив возвратиться к профессии инженера.

Отец в июле 1941 г. выслал семье вызов. Люди, видя, как мы с вещами добирались до вокзала, говорили: «Что испугались? Драпаете!» Никто не верил, что война будет затяжной и такой страшной.

Уже в Ростове наш поезд разбомбили и до Томска добирались в товарных вагонах целый месяц. Мы, дети, радовались, что уже не будет бомбежек, которые часто испытывали в Таганроге. Когда мы с бабушкой и «чемоданом с ценностями» (большой энциклопедией в нескольких томах) прятались в «щели» (окопы), мама после объявления тревоги убегала в горком комсомола, где работала заведующей отделом печати. Слушая рёв самолетов и взрывы бомб, мы с ужасом представляли тоненькую фигурку мамы, которая бежала на работу под разрывами бомб и боялась за нас.

Когда мы добрались до Томска, полуголодные, завшивленные, то из продуктов осталось на доньшке банки немного топленого масла. Мама сказала отцу: «Дети голодные». Когда в доме нашлись два пряника (это вся еда, т. к. отец питался в столовой и днём и ночью пропадал на работе), я поняла, что детство закончилось.

Детям дали пропуска в столовую, куда мы с сестрой один раз в день ходили в любую погоду. Помню, зимой отправились в путь, закутались в байковые одеяла, но придя, долго не могли отогреть руки. У меня до сих пор непереносимость холода кончиками пальцев.

В школе не было электричества. Освещал класс сальник из ваты, смоченный маслом. Не работало отопление, сидели на уроках в пальто. Писали между строчек старых книг. Но учиться хотели. Когда в шестом классе я заболела тяжелой формой дифтерита, врачи сказали о совершенно ослабленном моем организме и предложили вообще отказаться от учёбы. Но мама сумела победить в борьбе за жизнь ребёнка и, проучившись ещё один год в шестом классе, я продолжала учёбу и окончила школу без троек, а потом и институт с единственной четверкой в зачётке.

В памяти остался радостный праздник 1 мая 1941 г., который в Таганроге праздновали как День дружбы народов СССР. Люди были одеты в национальные костюмы, играли гармони, пелись песни. Мы, дети, чувствовали счастье от того, что мы — советские люди. И долго нам верилось, что Страна Советов будет самым могущественным и счастливым государством на планете.

Помню, как по литературе при прохождении темы «Т. Г. Шевченко», я, русская, из русскоязычной семьи, попросила разрешения прочитать «Заповіт» на украинском языке. Когда прочитала, ко мне потянулись ребята.

В День Победы 9 мая 1945 г. мы с цветами встречали солдат на площади г. Томска, смотрели салют Победы и поздравляли друг друга с великим событием.

В ДонНУ проработала с 1968 г. по 2004 г. старшим преподавателем кафедры английской филологии и кафедры иностранных языков. Награждена медалью «Ветеран труда».

Цванг Аркадий Рувинович

Родился в 1928 г. в г. Балта Одесской области.

ПРЕРВАННОЕ ДЕТСТВО

Считается, что, если в семье дед или прадед были преподавателями, то наследники идут по проторенному пути. Так это или случайно, но в нашей семье я последовал этим путем, хотя вначале мне и в мыслях не приходила такая идея.

Я был «дитем» пятилеток и воспитывался на идеях перестройки мира, а хотел быть летчиком, пограничником, следопытом, каким был мой отец (погиб в 1935 г., будучи молодым криминалистом-дактилоскопистом в ГПУ г. Балта).

После смерти отца нас осталось 4 брата и сестра. Матери было очень сложно вырастить такую ораву. К счастью, все выросли достойными тружениками.

Шел 1941 год. Над миром нависла угроза мировой войны...

Честно говоря, я и мои друзья, которых у меня было великое множество, не боялись грядущего: нас вдохновляли героические фильмы, где мы всегда побеждали врагов, и песни-песни: «Если завтра война», «Три танкиста», «Истребители» и т. п. Мы свято верили в победу, которая все-таки пришла в войне с фашизмом. Но какой ценой?!

Тринадцать лет, много это или мало? Теперь, думая об этом, я с горечью вспоминаю первый год войны, ибо все оказалось слишком трагичным.

Помню, как сейчас, заканчивалась учеба в школе, а мне 13 и я перехожу в шестой класс.

Мы предвкушали игру в «тимуровцев», детские военные игры и лето со всеми его прелестями.

Вспоминаю, как мы всей школой поехали в село помогать убирать урожай и вдруг нас всех отправили домой. Дома нас ожидала

трагическая весть о начале войны. Голос Левитана по радио, голос Молотова... Улицы опустели; матери и жены провожали самых дорогих и близких воевать... И тут слово «война» начало обретать совсем другую окраску; люди плакали, а другие, как говорится, «стиснув зубы», сурово и очень сосредоточенно пытались найти успокаивающие слова, что, дескать, все будет хорошо.

Двое моих братьев немедленно начали готовиться в военкомат, а третий брат Семен вызвался идти добровольцем, и его взяли. На завтра мы впервые увидели фашистские самолеты и первые страшные взрывы бомб. Все это оказалось совсем не то и не так, как нам представлялось. Это был ужас и смерть. Никакие слова утешения или успокоения не действовали, нужно было адаптироваться к этому...

Легко сказать привыкнем, но страшно было наяву, в реальности.

Началась эвакуация. Мы в тракторной колонне МТС двинулись на восток. Через двое суток нашу колонну разбомбили и расстреляли, мы разбежались, как «зайцы», зарывались в землю...

Испытания на прочность проходили по мере удаления от линии фронта.

В моей памяти осталось много воспоминаний, но врезалось в сознание то, что есть такие понятия, как дисциплина, точность, спокойствие и уверенность в себе и своих товарищах. И это пришло ко мне, когда мы втроем — мама, сестренка и я попали в отряд пограничников, которые взяли нас к себе. Здесь не было надуманной храбрости, эти «золотые» парни спокойно и умело делали свое дело. Они, отступая, воевали, всегда были подтянуты, выбриты, аккуратны. Они находили нужные для нас слова, шутили и умело воевали. Они взрывали мосты, закладывали мины, не паниковали, а вечерами пели песни у костра.

Дисциплина была удивительной, и уверенность от них передавалась нам...

Затем нас усадили на открытую платформу поезда, дали в дорогу хлеба и других продуктов, и поехали мы на восток. Ни бомбежки, ни пулеметные обстрелы нас уже так не пугали. Как ни странно, но эта уверенность поселилась во мне надолго, и это во многом помогло мне жить в дальнейшем.

В 1941 году я эвакуировался в г. Чарджоу в Туркмении.

В 13 лет стал работать и жить в тылу. Если быть кратким в воспоминаниях, то это заключалось в расточке «стаканов» будущих мин. Одновременно я обучался фотографии. Там я получил специальность фотографа.

Голод и другие лишения закалили меня и моих товарищей. Мы выросли не по возрасту..

По призыву правительства Украины в эвакуации мы попали в реэвакуацию, т. е. по мере продвижения нашей Армии освобождались территории, а мы в специальных «теплушках» спецпоездов двигались следом. Так я попал в свою родную Одещину в 1944 году. Меня сразу же взяли в истребительный батальон, где под руководством комендатуры города с оружием в руках сражались с остатками банд, ловили полицаев, скрывающихся немецких солдат и офицеров, ловили дезертиров, наводили порядок в своем городе, который был сильно разрушен.

Мне было приказано фотографировать рвы и овраги, заполненные расстрелянными гражданами города. Я участвовал в паспортизации. Фотографировал сотни и тысячи людей, уходивших в бой. Многие просили сделать фотографии на память родным и близким.

Спустя год открылась школа, и я, работая, учился. По окончании школы я оставил работу и поехал в Москву учиться. Мечтал стать кинооператором, но, увы, судьба распорядилась иначе. В Москве я окончил МФЭИ.

После окончания института меня направили в Донецк на работу в облфинотдел. Это совпало со временем сокращения штатов... И обком комсомола меня направил на работу во Дворец пионеров преподавать фото- и кинодело. Восемь лет я проработал в этом направлении и небезуспешно. Мои ученики дважды становились победителями Республиканских конкурсов.

В 1962 году меня пригласил к себе заведующий облоно Г. Е. Евтухов. Он предложил перейти в Донецкий пединститут. Так с сентября 1962 г. я стал преподавать в пединституте, который в 1964 г. стал филиалом Харьковского университета, а в 1965 г. — Донецким государственным университетом.

42 года я проработал старшим преподавателем и руководителем кинофотолаборатории ДонГУ. Тысячи моих учеников, работающих в разных странах и в различных сферах народного хозяйства, моя главная жизненная награда.

Награды: золотая медаль Лауреата Всеукраинского фотоконкурса за занятое I место, посвященного 50-летию СССР (1967 г.), серебряная медаль за участие во Всероссийском фотоконкурсе.

Цыганенко Галина Павловна

*Родилась 7 сентября 1919 г. в п. Терны
Недригайловского района Сумской области
в семье крестьянина.*

МОИ «УНИВЕРСИТЕТЫ»

Отец мой Цыганенко Павел Иванович был призван в Красную Армию и погиб в боях с белогвардейцами в 1920 году.

Великая Отечественная война застала меня на 2-м курсе филологического факультета Харьковского университета. Мы, все студентки филологического факультета, прошли медподготовку и были медсестрами запаса. Кстати сказать, в финскую кампанию во внеучебное время, я (все мы) работала в госпитале, ухаживала за ранеными солдатами.

В июне 1941 г. я в составе группы студенток была мобилизована на рытье окопов под Харьковом (район тракторного завода). Там нас застали немцы.

Из голодного и обстреливаемого Харькова отправилась на родину — в Сумскую область пешком, обходя опасные места. Местные жители помогали, указывали направление, пускали на ночлег и чем могли кормили.

Не все удалось обойти, пришлось видеть, выставленных немцами на показ, расстрелянных партизан (в Ахтырке): три мужчины и женщина.

Нигде не работала, помогала по хозяйству у приютивших меня родственников. Научилась обрабатывать огород, доить корову, косить траву, даже молотить в два цепа.

В августе 1943 г. Сумская область была освобождена от фашистских захватчиков.

Как только фронт прошел через с. Камышанку, мы, молодежь села и родители учеников, буквально бросились восстанавливать шко-

лу — одноэтажное здание, превращенное немцами в конюшню. Подвозили к ней песок, глину, чистили, мыли, штукатурили, белили, красили.

С какой радостью, старанием и напряжением сил мы это делали — словами и не передать.

В сентябре школа приняла учащихся.

Мне достался 2-й класс. Дети — прелесть: послушные, доверчивые, любознательные. Но, естественно, не все. Надо было изощряться в педагогических действиях. Ярким примером в моей памяти остался такой случай. Один мальчик постоянно опаздывал, не выполнял домашних заданий, на уроках был пассивен. Я была уверена, что учитель, особенно младших классов, должен работать в гармонии с родителями. Решила пойти к его матери (отец на фронте). Собиралась, конечно, жаловаться на мальчика, а вышло иначе.

Вот передо мною его мама: нестарая, но неухоженная женщина, худая, уставшая, плохо одетая, с напряженным недобрым взглядом, чем-то удрученная.

Произношу: — Хочу поговорить с Вами о вашем Пете.

Она неприязненно, даже сердито (мол, не приставайте ко мне!): — Не звертайте на нього уваги. Він під Христом (когда его крестили) упісався. З нього діла всерівно не буде.

У меня в голове: — О Боже, какая рутина! Говорю ей: — Ну, что Вы! Я как раз пришла сказать Вам, какой он у Вас хороший: рослый, красивый, сильный. Он же Вам во всем помогает. Умный: вчера в классе решали задачи, он поднимал руку. У нее глаза светлеют. Она улыбается и плачет. Сквозь слёзы: — Спасибі, спасибі.

— Из него, — говорю, — будет прекрасный мужчина, но сейчас ему надо помочь. — Як? Скажіть тільки. — Думаю, что это будет под силу Вам: не нагружайте его дома ничем, пока он не сделает уроки. И, если можно, не заставляйте его по утрам отгонять корову в стадо. — Добре, добре! Спасибі Вам.

В конце сентября — бумага из района. Сообщают, что в с. Ольшана (3 км от Камышанки) начинает работать десятилетка. И меня, окончившую два курса филологического факультета Харьковского университета, берут для работы в 8–10-х классах.

В этой школе я работала до конца учебного года, и эпизодов воспоминаний побольше. Например: в районо решили, что прежде чем зачислить в учителя, проверить грамотность претендентов (хорошая мысль!). Определили день, время и место проведения проверки по русскому и по украинскому языкам.

Уселись в классе. У меня, как филолога, слева и справа нефилологи в расчете на помощь. Вдруг вошедший представитель района говорит:

— От диктантов освобождается Галина Павловна Цыганенко: ее документы оформлены безукоризненно. Галина Павловна, Вы свободны.

Заседание педсовета. Распределение учебной нагрузки.

Я готовилась вести уроки по русскому языку и литературе в 8–10-х классах. А здесь говорят: — У нас нет учителя и по украинскому языку и литературе. Придется взять эти уроки тоже Вам, ведь Вы филолог. Взяла. Подошли к иностранным языкам.

— Вы, какой иностранный язык изучали?

— Французский, и только два года.

— Но это уже что-то значит. И, конечно, это лучше, чем вообще ничего не давать школьникам.

Поручили. Совместно с учащимися пришлось идти от урока к уроку и, определенно, не без пользы и успехов. Кстати сказать, уже будучи в ДонГУ, я руководила научной темой по сопоставлению русского и французского языков. Моя аспирантка Н. Е. Каика успешно защитила кандидатскую диссертацию и написала «Словарь русско-французских фразеологических эквивалентов», издан в 2005 г. (546 с.).

Можете себе представить мою учебную нагрузку того времени и ее ежедневное выполнение при трехкилометровом пути на работу и с работы. А ведь в дополнение к ней было много внеурочной работы. Дополнительные занятия с отстающими, кружок выразительно-го чтения, подготовка литературного вечера: доклад, чтение стихов, прозы; инсценировки по произведениям писателей.

Особой гордостью были у нас стенгазеты. Выпускали их каждые два месяца. Старались делать интересными и практически важными. Помещали в них отрывки из писем фронтовиков. Сообщали о полезных делах учащихся. Большой интерес вызывал «Лингвистический уголок» с его разделами:

1) «Пиши и говори правильно», в него включали так называемые «дежурные слова», например:

русские:	украинские:
хозяин	хазяїн
ловят	ловлять
беги, бегите	біжи, біжіть

2) «Игривое (ненастоящее, шутовское, двусмысленное) толкование слов», например:

качалка — «няня» (качает ребенка)
свинные отбивные — «отбитые у свиней»
баранка — «овца», «самка барана».

Школьными стенгазетами и литературным вечером интересовались не только дети, но и их родители. Связь с родителями была постоянной и гармоничной.

Нельзя не сказать также о том, что мы, учителя, жили в то время в условиях сложнейшего быта. Зарплату свою отдавали на военные нужды. В результате существовали названные по нашему району «Недригайловский танк», «Недригайловский истребитель».

Довольствовались же мы тем, что имели с огорода и домашнего хозяйства. Многие работы в этой области для меня были сносными. Но буквально удручала необходимость толочь просо, чтобы получить пшено. Сам по себе процесс физически не трудный, но длительный и нудный.

Работать в сельской школе в 1943–1944 учебном году было очень трудно, но не в меньшей мере и интересно.

И поныне не могу понять, как я всё успевала делать. Вот, что значит молодость и хорошее душевное состояние. Мы были безмерно рады свободе, успехам Красной Армии на фронте и просто возможности трудиться, т. е. быть истинно человеком.

Награды:

1. Юбилейная медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» — 1970 г.
2. Нагрудный знак «Высшая школа СССР. За отличные успехи в работе». 1937 г.
3. Звание «Заслуженный профессор Донецкого национального университета». — 2001 г.

Работаю в ДонНУ с 1946 г. по настоящее время.

В 1946 г. — старший преподаватель кафедры русского языка Донецкого госпединститута.

В 1955 г. — защитила кандидатскую диссертацию.

В 1963 г. — утверждена в звании доцента.

В 1967 г. — декан филологического факультета.

В 1969 г. — доцент, зав. кафедрой русского языка.

С 1979 г. — профессор кафедры русского языка.

С 1980 г. — доктор наук.

С 1981 г. — декан филологического факультета.

С 1984 г. — зав. кафедрой русского языка, в настоящее время профессор кафедры русского языка.

Шпаковская Галина Андреевна

Родилась 11 июня 1926 г.

в деревне Глоданки Витебская области.

ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ

Во время войны жила в родной деревне в Белоруссии. Немцы оккупировали территорию в первых числах июля 1941 г.

Родина и свобода! Эти возвышенные слова были на устах каждого человека. Смерть фашистам! И уже в августе, сентябре создавались и начали действовать первые партизанские группы, отряды, которые потом объединились в бригады и соединения. Действовали подпольные организации.

На территории, где действовали партизаны, немцы появлялись редко, периодически совершали налеты, грабили население, запасались продуктами. Был такой случай. Подъехали три грузовика с солдатами и остановились посреди деревни. Оккупанты высыпали из машины и устроили «охоту» на кур и других животных. Лазали по сараям, собирали яйца, гонялись за птицей по огородам. Вокруг одного грузовика ходил шофер с винтовкой. На лужайке, может быть в полусотне метров, играли маленькие дети. Немец посмотрел по сторонам, прицелился и грянул выстрел...

Как стайка испуганных птиц разбежались в разные стороны дети. На месте осталась лежать четырехлетняя Нина. Прибежала обезумевшая от горя мать. Схватила истекающую кровью дочь. Кричала, просила о помощи. Спасите! Подошел немец, закричал и прикладом ударил мать в грудь. Она упала вместе с безжизненным телом дочери.

Партизаны действовали все решительнее, а немцы все более зверели. В декабре 1942 г. партизан предупредили, что немцы готовят очередной «рейд» по партизанским местам. Мы заранее покинули

деревню, и ушли в лес. В доме Дегтяревых был больной дедушка. Последнее время уже не поднимался. Был мороз, увести его было невозможно. Надеялись, все обойдется, а когда возвратились после налета немцев, то обнаружили, что деревня вся сожжена. Дедушку Мишу вынесли на улицу, облили керосином и подожгли. Вот такие зверства творили немцы и полицаи.

Весна 1943 года выдалась трудной. Немцы вели наступление против партизан по всей территории. Готовились к отступлению и «расчищали» себе путь. Часть отряда «Матросова» попала в окружение. Бой был жестокий. Прорваться всем не удалось. Были убитые. Когда мы ночью пошли на место, где проходил бой, нам удалось найти 12 партизан. Это было ужасное зрелище. На груди были вырезаны звезды, выколоты глаза, отрезаны у кого рука, у кого нога. Ночью мы их похоронили. Страшно вспомнить и поверить, но это было и об этом нельзя забывать. Так пусть же это никогда не повторится! Сколько силы, мужества требовалось, чтобы выстоять, выдюжить, не сломиться от такой ноши!

Имею юбилейные медали «Ветеран труда», «60 лет освобождения Украины» и др.

Работала учителем с 1949 по 1981 г. В ДонНУ работала с 1981 по 1999 г. в должности дежурной корпусов, профилактория. Общий стаж — 51 год.

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

ВОСПОМИНАНИЯ
ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

Авдеева Лариса Ивановна

Родилась 21 февраля 1937 года. Доцент экономического факультета.

МОИ «ПОМНЮ»

Мы с мамой жили в г. Макеевке, я там и родилась. Мои воспоминания начинаются с того, что нас, детей, собрали в погреб (а может это была просто яма во дворе), а по небу летели красные шары. Это было интересно, и мы норовили высунуться, чтобы посмотреть, что это такое. Помню, как мимо пробежал человек весь в огне и пламени, стало очень страшно. Дальше не помню.

Очень часто звучало в разговоре взрослых слово «менять». Горожане меняли все, кто, что имел ценного, на что-то съедобное у сельских жителей. Один такой эпизод я запомнила. Это было зимой, ночью. Мы шли вдоль леса, несколько женщин с детскими санками, а на них поклажа. Я шла рядом с санками, ведь на них была швейная машина. Вдруг нас освещает

(как режет) луч прожектора. Бежим, плачем — дальше не помню.

В селах просились на ночлег. Мама предлагала услуги портнихи. Что пошить, или перешить, всегда требовалось. В тепле я, наверное, сразу засыпала, ведь мне тогда было чуть больше пяти лет. Спустя много лет я с восхищением вспоминала, что пускали на ночлег в свои жилища совсем чужих, с неизвестными помыслами людей, кормили, чем могли, делились. Как сильно мы изменились с тех пор.

Помню, мы с братом в нашем городском парке (он тогда был очень большим) собирали хворост для печки. Макеевка уже была оккупирована. И вдруг наткнулись на зенитку с немцами. Естественно, замерли и обмерли. Но пожилой немец (так мне тогда казалось) позвал меня и протянул котелок с фасолевым супом. Я, то ли с испуга, то ли с голода, начала его пить, а он приговаривал: «Пей Маруся, пей!» Ох, какой это был вкусный суп! У меня уже живот раздулся, я хотела остаток дать брату, но немец сказал строго: «Найн!» Брат был старше меня на пять лет. Всякий раз, вспоминая этот эпи-

зод, я думаю о том, что войну начинают эгоисты-нелюди, а погибают в ней нормальные люди, у которых, как и у этого пожилого немца, остались дома дети, а я ему напомнила о них.

Помню тревожные разговоры взрослых о том, что на площади повесили «наших». Люди на улице жили дружно. Нас, детей, оберегали, прятали, но взрывы, расстрелы детей случались все чаще.

Вспоминаю большую черную «тарелку-радио». Оно молчало, но метроном постоянно «отстукивал» время, это почему-то тревожило, держало в напряжении.

Потом из этой «тарелки» слушала передачи для детей. Нам читали сказки. Сказки учили трудолюбию, занятию рукоделием, а еще запомнила сказку, как сын падишаха, которого украли, дал о себе знать. Он соткал ковер и в узор зашифровал свое послание, которое смогли прочесть его близкие. Эту сказку я воспринимала осознанно, ведь помнила, как моя мама, умея шить, могла прокормить нас. Отсюда занятие рукоделием.

Город освободили, но война продолжалась. Трудности продолжались. Мама работала в швейной мастерской, где шила шинели и другие военные заказы. После работы мама выполняла заказы местных модниц.

Мы все много трудились. Малолетние дети, оставаясь дома одни, выполняли посильную работу. Мы же, старшие, убирали, стирали, как могли, чисто и не очень, с мылом и без, но одежда должна была пахнуть свежим. В огороде сажали свеклу, картошку. Помню восхитительный вкус сахарной свеклы, скибочки которой мы поджаривали прямо на горячих плитах.

Из «звонких» радостей, помню новый год, когда после освобождения города пошла в школу. В первом классе у нас были разновозрастные дети, от шести до девяти лет. Собрались все, кто дожил до дня открытия школы в освобожденном городе. На наш первый Новый год в освобожденном городе ученикам первых классов дали в подарок от Деда Мороза булочку из белой муки и мандаринку в яркой бумажной обертке. С булочкой все понятно было, а что делать с этим ярким шариком в кулачке, я не знала. А какая елка была — самая лучшая в моей жизни до сих пор. Это были самые яркие, радостные события из того времени.

Потом было ликование — кончилась война. Это описать невозможно. Ликовал даже воздух. Он был так наэлектризован радостью, что, наверное, и лампочки, смогли бы светиться, если бы были подключены.

Потом начались рабочие будни. Возвращались с войны в орденах и медалях бывшие герои-солдаты, которые трудились на благо Родины, совершали трудовые подвиги.

Беловолов Юрий Григорьевич

Родился 24 июля 1934 года.

Профессор исторического факультета.

В ЭВАКУАЦИИ НА МОЛДАВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Я родился в шахтерском поселке Румянцево близ г. Горловка 24 июля 1934 года в семье горного инженера. Довоенный период был наполнен важными для нашей семьи событиями — в 1937 году мой отец Беловолов Григорий Григорьевич был арестован по ложному обвинению и осужден как «враг народа». В годы заключения отца основная тяжесть по обеспечению его продуктами питания легла на плечи моей матери Александры Павловны.

Для передачи отцу продуктов матери приходилось выстаивать по две недели в очереди у Артемовской тюрьмы в слякоть и холод. В результате простудных заболеваний она лишилась слуха и до конца жизни оставалась инвалидом первой группы по слуху.

В 1940 году отец был оправдан по суду и до начала Великой Отечественной войны работал в качестве главного инженера на шахте имени Ворошилова в тресте «Дзержинскуголь» Сталинской области.

О начале войны в Донбассе известный ученый-историк Донецкого государственного университета Н. Ф. Хорошайлов в своей книге «Суровые годы войны» отмечал: «8 октября 1941 года немецкие войска взяли Мариуполь. С 15 октября началась эвакуация из восточной части Донбасса, а 20 октября столица Донбасса — город Сталино — оказался в руках противника».

Как специалист угольной промышленности отец был направлен в Кузнецкий угольный бассейн, где и проработал до конца войны. В своей монографии о ратном и трудовом подвиге славного рабочего отряда шахтерского края Н. Ф. Хорошайлов писал: «В Кузбасс и

Караганду было направлено 25 тысяч шахтеров. В конце 1941 года и в начале 1942 в Карагандинский угольный бассейн из Донбасса приехала значительная группа хозяйственных и инженерно-технических работников, опытных специалистов, прибыли эшелоны с оборудованием, врубными и подъемными машинами, электровозами и другими агрегатами»¹.

Оставшись на оккупированной территории, мы с матерью выехали на ее родину в хутор Гурты Горловского района, где в условиях оккупации мать работала в сельском хозяйстве на уборке урожая 1942 года. Мать подвергалась преследованиям и оскорблениям со стороны немецкого прислужника, бывшего кулака, старосты села. Последний, зная, что мой отец был коммунистом, заставлял мать выполнять тяжелую физическую работу — вязать снопы во время уборки и погрузочные работы. В ответ на просьбы матери перевести ее на более легкий труд он кричал: «Роби, твій чоловік партійний». Неоднократно мать вызывалась на допросы в комендатуру.

Политика оккупантов и их прислужников была сосредоточена на выявлении и уничтожении евреев, членов партии и их семей, советских и комсомольских активистов. Арестованных и членов их семей сбрасывали в ствол одной из выработанных шахт Горловки. Опасаясь за свою жизнь и сына, мать принимает решение — примкнуть к группе семей молдаван, жителей большого украино-молдавского села Байрак, что близ Горловки, принявших решение добровольно выехать в Молдавию на историческую родину, хотя сами «беженцы», если их так можно было назвать, и их предки, родились и выросли в Донбассе и не поддерживали никаких связей с молдаванами Бессарабии. Беженцами, скорее, были мы с матерью, и, может, еще несколько семей, члены или родственники которых были коммунистами.

Немецкие власти в оккупированной Сталинской области дали разрешение на выезд 50 семей из Донбасса. Взяв в дорогу самое необходимое, с детьми и стариками, группа в количестве примерно 150 человек, в четырех пульмановских вагонах-товарняках, спустя две недели, прибыли в Молдавию в распоряжение румынских властей.

Беженцы были размещены на окраине села Карманово, на территории бывшей пограничной заставы на левом берегу Днестра, где до войны проходила румыно-советская граница. Нам с матерью досталась крошечная комната — карцер, выполнявшая роль гауптвахты для пограничников — нарушителей дисциплины, с высоким потолком и

¹ Хорошайлов Н.Ф. Суровые годы войны: Политиздат, К., 1977. — с. 33.

единственным зарешеченным окном. В условиях суровой зимы 1942—1943 гг. средства для жизни беженцам приходилось добывать самостоятельно путем обращения к жителям села Карманово. Румынские власти вопросы питания, отопления возложили на самих переселенцев, поэтому мужская половина периодически переправлялась на правый лесистый берег Днестра за дровами для отопления.

К весне 1943 г. по решению румынских властей семьи переселенцев были перевезены в город Григориополь для постоянного проживания. Нас с матерью поселили к хозяйке благоустроенного дома, русской по национальности.

Дети школьного возраста были определены в организованные властями школы, в которых существовала палочная дисциплина. Моей первой учительницей была жена претора (мэра) города Григориополя, обладавшая деспотичным характером. За малейшее нарушение дисциплины она приказывала положить руки на парту и несколько раз ударяла лозинкой по пальцам нарушителя.

Румынские власти потребовали, чтобы все дети беженцев от двух до двенадцати лет приняли крещение. Три румынских священника в присутствии немецкого офицера провели обряд крещения в одной из церквей города, рассматривая беженцев в качестве потерпевших от советской власти. В этом ключе власти приняли решение вручить каждой семье корову. Таким образом, мы с матерью стали владельцами частной собственности. Однако в условиях войны каждая семья вынуждена была обеспечивать себя самым необходимым, искать работу и т. д.

Правительство Румынии, как достойный союзник нацистской Германии, проводило политику геноцида в отношении неарийского населения — евреев и цыган. В период оккупации по городу неоднократно под конвоем румынских солдат проходили большие группы цыган. На вопросы жителей о конечном пункте их депортации конвоиры называли Черное море и характерным жестом указывали на небо.

Мое школьное образование, начавшись в сентябре 1943 г., продолжилось до осенней распутицы и до того времени, когда резиновые боты моей мамы, в которых я ходил в школу, окончательно развалились. Со школой пришлось расстаться. Осень и зима 1943—1944 гг. прошли в заботах о корове, которая была единственным источником нашего существования. Естественно, мы, как и все переселенцы, находились в полном неведении о событиях на фронтах.

После разгрома немцев под Сталинградом и Курском, форсирования Днепра, освобождения Киева и Донбасса ситуация на фрон-

тах к весне 1944 года окончательно склонилась в пользу Советского Союза. Указывая в своих мемуарах на перелом в войне в ходе названных выше событий, Герой Советского Союза, генерал-майор С. А. Антонов писал: «В ходе ожесточенных боев в апреле 1944 года соединения Советской Армии сломали сопротивление гитлеровцев и к середине месяца вышли к Днестру на участке Гура — Быкулуй — Парканы. Войска 3-го Украинского фронта освободили Тирасполь. Началась борьба за освобождение Молдавии. Выходом на Днестр и захватом плацдармов завершилось наступление 3-го Украинского фронта весной 1944 г. Войска 2-го Украинского фронта 26 марта вышли на государственную границу СССР. Таким образом, эти два фронта заняли выгодное стратегическое положение для развития дальнейшего наступления в Молдавии и Румынии»¹.

По свидетельству очевидцев и моей матери, отступавшие немецкие и румынские войска направлялись через центр Григориополя к реке, где была сооружена переправа через Днестр. Вместе с собой гитлеровцы увели, практически под конвоем, немецких колонистов из селения Гликсталь, испокон веков живших в Бессарабии еще со времен Екатерины II. С повозками, груженными домашним скарбом, запряженными конями-тяжеловесами немецкой породы, женщины, старики и дети переправлялись через Днестр, подвергаясь атакам советских самолетов с воздуха. Бомбометание и пулеметные очереди заканчивались иногда тем, что в воде оказывались люди вместе с повозками, скарбом и лошадьми.

Отступившие немецкие войска окопались на правом, лесистом берегу Днестра, заняли заранее подготовленные позиции: доты, дзоты, густую сеть окопов. Вдоль высокого левого берега Днестра были установлены артиллерийские батареи крупного калибра советских войск. Таким образом, между окопавшимися немцами на правом, поросшем густым лесом, берегу и советскими войсками на левом в течение двух месяцев шла ожесточенная минометно-артиллерийская дуэль.

Советские артиллеристы круглосуточно обстреливали немецкие позиции по разведанным целям. С правого берега на город обрушивались тысячи немецких мин, уносившие жизни жителей, солдат и командиров Советской Армии. Ежедневно несколько мин попадали во двор нашего дома. Двери, за которыми находилась корова, оказались изрешеченными осколками, но провидение хранило нашу корову.

Немецкие самолеты в 1944 году уже не имели господства в воздухе, поэтому население города, в том числе и мы, все реже пользова-

¹ Антонов В.С. Путь к Берлину. — М.: Наука, 1975. — С. 125-131.

лись подвалами и убежищами. Осколок одной из разорвавшихся во дворе немецких мин, пронизав оконную раму и прошив фетровую шапочку на голове моей матери, уткнулся в стенку печи. Если бы траектория осколка оказалась на 3–4 сантиметра ниже, я бы остался сиротой в чужой стороне.

Вместе с отступившими из города и всего левобережья Днестра немецкими войсками была изгнана румынская администрация и восстановлена советская гражданская и военная администрации. Главы семей переселенцев призывного возраста были мобилизованы в Советскую Армию и приняли участие в боях за освобождение Европы. Среди них были Брадуловы, отец Михаил и его сын Николай. После окончания войны Николай остался в Молдавии, получил образование юриста и в 60–70-е годы работал заместителем, а затем Генеральным прокурором Молдавской Советской Социалистической Республики.

Кроме немецких мин, с вражеских позиций обрушивался на город шквал ружейных и пулеметных очередей, а в ночное время небо освещали рои трассирующих пуль. Наша попытка с матерью ночью навестить больную соседку, которая жила на соседней улице, могла закончиться трагически, и нам пришлось возвратиться домой.

По решению администрации города, после двух месяцев нахождения в районе боев, семьи переселенцев из Донбасса были эвакуированы в тыл, за 25 километров от передовой в поселок Гликсталь, жители которого были насильно депортированы в Германию с отступающими немецкими войсками.

Семьи беженцев были расселены в опустевших домах немецких колонистов. Другие дома были использованы под госпиталь для раненых. Я и мои сверстники, 10–12-летние мальчишки, воочию знакомились с последствиями войны. О том, что идет война, напоминали окровавленные бинты на телах раненых бойцов, которых привозили грузовики с передовой.

Где-то шли тяжелые бои. Моим главным занятием летом являлась забота о корове. Я выгонял ее на пастбище в окрестностях поселка, разводил в старом окопе костер и бросал в него оставшиеся боевые патроны и пулеметные ленты, их было предостаточно после недавно прошедших боев. Заняв безопасное место и отогнав корову подальше, я испытывал удовольствие, слушая выстрелы рвущихся в окопе патронов.

Однако вскоре с коровой пришлось расстаться: в условиях военного времени негоже было держаться за частную собственность в

«образе» коровы. По согласию матери наша корова пополнила мясной рацион раненых военного госпиталя.

Конец лета 1944 года был ознаменован военными успехами Советской Армии, победами над немецко-румынскими войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, добившихся побед в ходе Ясско-Кишиневской операции 23–30 августа. Об этом писал Герой Советского Союза, генерал-майор В. С. Антонов в своих воспоминаниях «Путь к Берлину»: «Наступление двух фронтов завершилось. Немецко-фашистская группировка «Южная Украина» была разгромлена. Из войны на стороне фашистской Германии была выведена Румыния...Разгром группы армий «Южная Украина» привел к коренному изменению стратегической обстановки на Балканах в пользу Советской Армии. Завершив освобождение Советской Молдавии, войска нашего фронта очистили от гитлеровских захватчиков восточные районы Румынии, и вышли к 5 сентября на румыно-болгарскую границу»¹.

В конце августа 1944 года семьи переселенцев возвратились в город Григориополь. Одни поселились в частных домах, другие заняли пустовавшие дома и квартиры. Я с мамой и семьей Марии Кольчик — с сыном и дочерью моего возраста Валеи и Толей — заняли пустовавший дом в еврейском квартале города. В сентябре я стал учеником 1 класса Григориопольской русской средней школы. Зима 1944–1945 года была голодной и холодной. Наши матери работали на ремонте жилья, обеспечивая себе и детям терпимое существование. Задача обеспечения дома топливом легла на меня и Анатолия. В разрушенных соседних домах мы разбирали потолочные перекрытия, извлекали деревянные балки, очищали их от глины и использовали для отопления дома.

Близилась весна 1945 года, а с нею и победа над Германией, породившей фашизм и несчастья сотен миллионов людей во всем мире.

В день Победы мы проснулись от стука наших соседей в окно и двери. Нам радостно сообщили о том, что пришла долгожданная победа. Когда мы, стар и млад, прибежали в центр города, площадь перед городским советом была запружена людьми, которые поздравляли друг друга с победой.

Весной 1945 года я закончил первый класс. У меня до сих пор хранится листок из школьной тетради: «Ведомость успеваемости ученика первого класса Григориопольской русской средней школы Беловолова Юрия за 1944–1945 год» со всеми пятерками от русского (письменного и устного) языка до арифметики, каллиграфии,

¹ Антонов В.С. Путь к Берлину. — М., Наука, 1975. — С. 171-172.

рисования, пения, поведения и о переводе во второй класс. Для десятилетнего ученика такие оценки не были большой заслугой. Я ведь уже был переростком. Три года учебы забрала война.

Освобождение Донбасса в 1943 году и Молдавии в 1944 году помогло нам наладить переписку с родственниками матери и с отцом, который возвратился из Кузбасса в Донбасс и работал в прежней должности главного инженера на шахте имени Ворошилова в Дзержинске. В 1945 году мы с матерью возвратились в Донбасс в поселок Кирова, где уже работал отец.

Беспалов Николай Егорович

Родился 21 мая 1939 года в поселке Ахтуба Владимировского района Астраханской области. Профессор, заведующий кафедрой истории славян исторического факультета

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Я из рабочей семьи. Отец, Беспалов Егор Михайлович, всю жизнь работал на железной дороге (Приволжская) путевым обходчиком. Мать, Беспалова Марфа Петровна, была домохозяйкой, хранительницей домашнего очага. Семья состояла из девяти человек — семи мальчиков и родителей. Я был самым младшим в семье.

Трудными оказались годы моего детства. Через два года началась Великая Отечественная война. Фашизм отнял у меня и моих сверстников детство. Хотя станция, где жила наша семья, не была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками, однако ее постоянно бомбили вражеские самолеты, так как через нее потоком шли эшелоны с военной техникой и бойцами Красной Армии к Сталинграду.

В моей памяти осталось немного воспоминаний о военном времени, но глубоко врезались в сознание бомбежки, страшные взрывы бомб, истошный вой пикирующих фашистских «юнкеров», едкий дым пожарищ. Многого забылось, но эти ужасные картины забыть нельзя. Они постоянно всплывают в моей памяти. Жители нашего поселка увидели реальную войну, реальную кровь и смерть.

Вспоминаются проводы на фронт, которые продолжались в течение всей войны. Расставание со своими отцами и родственниками, плач матерей — все это было большим потрясением для нас, детей. На войну ушли и два моих старших брата.

Тем, кто остался в тылу, было не легче, чем на фронте. Особо хочу сказать о рабочих-железнодорожниках, к которым относился и мой отец. Они работали днем и ночью, в жару и под холодным осенним дождем, под бомбами и снарядами, потому что регулярные налеты фашистской авиации на идущие поезда разрушали железнодорожное полотно, и его срочно надо было восстанавливать. Я горжусь железнодорожниками, в том числе и своим отцом, которые мужественно переносили все трудности, работали самоотверженно, недосыпая и недоедая. Они отдавали все силы, чтобы помочь фронту.

В конце войны было разрешено фронтовикам присылать посылки домой. Хорошо помню, как и нам пришла от моего старшего брата Ивана посылка, в которой было пшено. Мама наварила каши, и нам казалось, что вкуснее этой каши ничего нет на свете.

Следующий эпизод, который всплывает в моей памяти — это возвращение фронтовиков домой. В первую очередь возвращались тяжелораненые и инвалиды. Однако вернулись далеко не все. Война многих осиротила, искалечила не только физически, но и психически. Многие в детстве потеряли отца или мать, а некоторые и вовсе остались сиротами. Вспоминаются безутешные матери, потерявшие своих сыновей. В семье нашего соседа ушли на фронт четыре сына и все погибли.

Вспоминаются жены фронтовиков, получившие похоронки и оставшиеся одни, с кучей ребятишек, их отчаянный плач и крик. С тех пор я не могу переносить женские слезы. Сразу всплывают в памяти жуткие картины военной поры, и мне становится не по себе.

В памяти остались вернувшиеся с фронта солдаты без руки, без ноги, слепые на один глаз, а некоторые и на оба глаза. С тяжелыми ранениями вернулись с фронта и мои братья: один почти глухим, другой — с обмороженными ногами, которые приносили ему страдания всю оставшуюся жизнь.

Послевоенные годы были крайне тяжелыми для нашей большой семьи. Продолжала действовать карточная система снабжения продуктами питания и промышленными товарами. Она могла обеспечить лишь наиболее низкий, полуголодный прожиточный уровень. Я хорошо помню черный, как уголь, сырой хлеб, который можно было получить по карточке, выстояв длинную очередь. Хлеб резался только в том случае, если нож предварительно опускался в ведро с водой.

Ситуация усложнилась засухой 1946 года. Поэтому первые три послевоенных года были самыми тяжелыми для нас. Прокормить

многодетную семью на одну небольшую зарплату путевого обходчика было просто невозможно. Наша семья вынуждена была переехать на железнодорожный пункт «26 километр», где легче было выжить: здесь можно было вести подсобное хозяйство (огород, бахча, корова, овцы, куры). Хотя налоги в то время были очень большими, но все же кое-что оставалось и семье после их уплаты. И еще следует сказать, что в самые голодные годы нас во многом спасли суслики, которых в астраханских степях водилось превеликое множество. Мы их ловили, мясо варили и ели, шкурки за деньги сдавали заготовительным организациям (спрос на пушнину тогда был достаточно большим). Суслики помогли нам решить еще одну проблему. В первые послевоенные годы не было мыла. Поэтому мама, используя сусликов как сырье, и покупая дополнительно необходимые составляющие, сама варила мыло.

В течение нескольких лет наша семья вынуждена была жить в вырытой землянке. Зимой, когда были сильные морозы, в землянку в поисках тепла, иногда заползали змеи. Однажды среди бела дня, посреди комнаты я увидел большую змею. Хорошо, что отец был дома. На мой зов он пришел и быстро расправился с непрошенной гостьей. Затем мне долго снились змеи, якобы стремившиеся укусить меня за ногу, и я вскрикивал по ночам.

Содержание послевоенного детства было крайне обедненным. Игрушек мне, как и многим моим сверстникам, никто никогда не дарил. Играли мы тем, что находили на улице: палки, деревянные чурки, камни. Еще любили мы лазать среди груд искореженной военной техники, сгоревших машин, разбитых вагонов, цистерн, которыми была завалена территория по обе стороны железной дороги на десятки километров. Наша железная дорога в годы войны была одной из основных магистралей, по которой доставлялась военная техника к Сталинграду. Естественно, не вся техника доходила до места назначения из-за налетов фашистской авиации. И после войны прошло немало лет, пока эти горы разбитой техники и изуродованного металла были разобраны.

Говоря о содержании детства, следует сказать, что на железнодорожном пункте, где мы жили, не было ни радио, ни электричества, ни библиотеки, не было абсолютно никакого очага культуры. Зато всем членам семьи от мала до велика находилась работа: один сын помогал отцу косить сено, другой — пасти коров, третий — ухаживать за бахчей и огородом. Кому-то приходилось ловить сусликов или ходить по колхозным полям и собирать пшеничные колоски,

которые остались после уборки. Наша мама вертелась, буквально, как белка в колесе. Помимо большой работы, связанной с домашним хозяйством и приготовлением пищи для большой семьи, ей необходимо было шить брюки, пиджаки, косоворотки (рубашка со стоячим воротником, застегивающимся сбоку), а также стирать огромный ворох белья и одежды. Отец также не знал ни сна, ни отдыха. После основной работы на железной дороге занимался домашним хозяйством: косил и перевозил сено на телеге, в которую приходилось впрягать корову, стоговал его, что-нибудь ремонтировал, плел лапти (ходить нам было не в чем), ухаживал за живностью. Одним словом, все силы взрослых и детей направлялись на то, чтобы не умереть с голоду, выжить. И благодаря четкой организации, вовлечению в трудовую деятельность всех детей, наша семья выжила, никто не умер в голодные 1946–1947 годы.

Из других тяжелых последствий войны, которые произвели огромное воздействие на мое детское сознание, — это почти полное отсутствие мужчин в деревнях и селах, на фермах и отделениях колхозов, которые окружали наш железнодорожный пункт. Остались почти одни женщины-вдовы и девушки. Мы тогда быстро выросли, многое сами понимали, да и слышали разговоры взрослых о том, что большинству девчат не суждено выйти замуж, так как их женихи полегли на фронтах войны. Это была трагедия целого поколения. Мне было больно и обидно за них. Я еще больше возненавидел войну и фашизм, ее породивший.

Постепенно жизнь налаживалась. Государство построило для железнодорожников добротные деревянные дома, и наша семья с большой радостью справила новоселье, покинув землянку.

В 1947 г. была отменена карточная система на продукты питания. После этого каждой весной проводилось снижение государственных розничных цен на промышленные и продовольственные товары. Эти меры не только улучшали наше материальное положение, но и вселяли оптимизм, веру в лучшее будущее.

Родители стремились привить детям не только трудолюбие, но и дать образование. Но трудность состояла в том, что ближайшая школа находилась в 25 км от дома. Приходилось жить в интернате, созданном в поселке Ахтуба в основном для детей железнодорожников, которые жили на небольших станциях, разъездах и отдельных пунктах. Домой мы ездили только на выходные дни.

Следует отметить, что в то время государство заботилось о том, чтобы все дети учились в школе. Представители районного отдела

народного образования специально объезжали все даже самые отдаленные пункты и деревни, выявляли детей, которые не ходили в школу, и принимали меры по их охвату школьным образованием. Многодетным семьям представлялись различные льготы. Так, например, из нашей семьи в интернате обычно находилось не менее трех детей. Однако родители оплачивали полностью проживание и питание только одного ребенка, второго — 50 %, а третий и последующие дети находились на государственном обеспечении.

Об интернате у меня сохранились самые теплые воспоминания. Дети там были трудолюбивые, любознательные, отзывчивые. С ними приятно было учиться и проводить свободное время. В интернате были хорошие воспитатели: строгие, но заботливые и доброжелательные. Они много рассказывали нам, знакомили с интересной литературой, пробуждали интерес к знаниям. Воспитывали нас на живых примерах Великой Отечественной войны патриотами советской страны, формировали образ волевого строителя будущего, бескорыстного, честного, преданного высоким идеалам, презирающего мелкое мещанское благополучие. У многих школьников уже тогда появилось желание стать летчиком или полярником, знаменитым врачом или выдающимся ученым и прославить страну своими достижениями или геройскими поступками. Это действительно была страна мечтателей, страна героев. Почти каждый школьник тогда имел благородную мечту и верил в ее осуществление. Воспитатели приводили нам сотни примеров того, как дети из рабочих и крестьян достигали выдающихся успехов, становились известными людьми не только в нашей стране, но и во всем мире. Мы гордились своей страной.

Билоброва Алла Ивановна

Родилась 11 июня 1941 года.

Декан международного факультета

В ТОТ ДЕНЬ БУЙНО ЦВЕЛА СИРЕНЬ...

Июнь 1941 года разделил жизнь наших людей на «до» и «после». До июня 1941 года мои родители жили в г. Самборе Дрогобычской области, совсем рядом с украинско-польской границей. Отец был военно-служащим. Жизнь была налажена и, по словам родителей, вполне обеспеченная. В семье росла 10 летняя дочь Мария. Я родилась 11 июня 1941 года, а 21 июня было выписано свидетельство о рождении.

Уже на следующий день после налета немецкой авиации нас посадили в поезд, отходящий на восток. Отец в это время был в командировке и только благодаря его сослуживцам, мы были спасены, потому что впоследствии дом, в котором жили мои родители, был разрушен.

В поезде находилось много людей, бежавших на восток: раненные в одном белье, освободившиеся из-под завалов, обезумевшие от боли и ужаса происходящего. Движение поезда постоянно прерывалось налетами авиации. Не было пищи, воды и необходимых принадлежностей.

Через 2 недели нам с трудом удалось прибыть на станцию Ромодан на Полтавщине. В 7 километрах от станции жили родители отца. Это расстояние мама, со мной на руках, и сестра прошли в полуобморочном состоянии. Нас потом спасали всем селом, настолько мы были истощены. Так рассказывали мне мама и сестра, спустя много лет.

Первые мои впечатления детского сознания связаны с пустой хатой, в которой всегда холодно. Зимой маленькие окна закрыты снаружи половой, а через оставшиеся верхние стекла видны бескрай-

ние заснеженные поля. Печь топилась один раз в сутки соломой, тепла хватало ненадолго. Спасала немного теплая лежанка. Теплой одежды и обуви не было, но очень хотелось узнать, как там на улице. Часто, в отсутствие родных, я босиком оббегала вокруг хаты, набиралась впечатлений и возвращалась назад. Потом были разборки, поскольку следы босых ног четко отпечатывались на снегу. Мама и сестра были постоянно заняты работой, а я им помогала, как могла: пасла гусей, отбеливала на солнце полотно, сотканное мамой. Из этого полотна потом шили белье, вышивали скатерти и рушники. Света в деревне не было. Вечерами зажигали керосиновые лампы, и при таком свете ткали, шили, читали. На чтение собирались соседи. Читала, как правило, моя сестра. Помню, как плакали все женщины, когда слушали «Наймичку» Т. Г. Шевченко. Его сборник передавали по селу из рук в руки.

Помню голодную весну, очевидно, 1947 года. Мы на огороде перекапывали землю, собирали перемерзлые остатки картофеля, из него пекли блины с отвратительным запахом, которые приходилось есть.

Детское сознание также высвечивает случаи получения похоронков. Обычно к дому, в который приносила почтальон похоронку, собирались все люди. Они молча стояли длительное время на дворе у ограды.

Потом начали возвращаться с войны немногочисленные селяне. В нашей семье из 4 братьев отца — один пропал без вести, второй умер после многочисленных ранений, третий был угнан в Германию на работы, четвертый вернулся инвалидом.

Как только по селу разносилась весть о возвращении солдата, к его дому бежали люди, принося с собой все, что могли. Во дворе ставили столы и угощались до вечера. А мы, дети, висели на заборах, наблюдая, как плакали и радовались одновременно в семьях вернувшихся солдат.

Мой отец вернулся в мае 1946 года. Его часть после победы один год находилась в западной Украине. В тот день я с соседкой подружкой находилась на своем посту — на пастбище. Кто-то из сельчан сказал, чтобы я бежала домой, вернулся Иван. В тот день буйно цвела сирень, и я с букетом сирени мчалась туда, где собрались все родственники. Это была первая встреча с отцом с момента моего рождения. Так распорядилась война.

Всю последующую жизнь между нами существовала необъяснимая духовная связь. Мы понимали друг друга с полуслова, с одного взгляда.

Трудности послевоенных лет сказывались не только на нашем быте, но и на учебе. У нас, первоклашек, не было ни тетрадей, ни дневников, ни книг. Не было одежды и обуви, ходили в школу, в чем могли. Будучи школьниками младших классов, мы занимались общественно полезным трудом — весной собирали вредителей на свекольных полях, а в конце лета собирали колоски на хлебных полях, помогали родителям в уборке урожая. Руки и ноги были постоянно изодраны сухими стеблями соломы.

Но, что примечательно, тогда все дети были совершенно в одинаковых условиях, никто ничем не выделялся. А какую радость мы получали от познания нового! Помню, в деревне был такой энтузиаст, который сделал детекторный приемник и позволял нам слушать в наушниках непонятный шум. Один раз в месяц в деревенский клуб привозили передвижное кино.

Вот в таких условиях жили мы до начала 50-х годов, а уже со второй половины 50-х жизнь немного улучшилась.

С 1955 года я ходила в железнодорожную школу за 7 км от дома. Порядок в школе был отменный. Все дисциплины читались специалистами своего дела. Кроме обязательных занятий, работали различные кружки — нам читали автодело, учили вождению автомобиля. Директором школы был Павел Андреевич Бакуменко, он же преподаватель истории, впоследствии — заведовал кафедрой в Киевском пединституте. Многие учителя были фронтовиками. Какие это были великолепные люди — мои школьные учителя и преподаватели вуза, в котором я училась в Харькове с 1960 по 1965 год!

Донецкий национальный университет стал единственным местом моей работы. Вот уже 45 лет я работаю здесь, 25 лет из них — на руководящей должности, в прекрасном коллективе.

Да, у моего поколения было тяжелое детство, но наши родители и учителя воспитывали нас своими примерами трудолюбия, честности, порядочности, сострадания и мудрости.

Боронина Надежда Николаевна

*Родилась 12 мая 1937 года. Работник управления
административной и хозяйственной работы.*

МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Был 1941 год. Страна жила мирной жизнью. Взрослые работали, дети ходили в школу или садик. Еще ничто не предвещало грозного времени, когда на страну нападут фашисты и превратят наше детство в кошмар.

Мне исполнилось четыре года. Наша семья жила в украинском городе Красном Луче. Город был небольшой. Мама работала на одной из шахт машинисткой, а папа учился в горном институте в г. Днепропетровске. Как мне помнится, я ходила в детский сад, мне там очень нравилось.

Девочкой я была веселой, любила петь, танцевать, рассказывать стихи, которые мы учили в детском саду. Детство мое было светлым и безмятежным. Огорчал только нас, детей, соседский петух.

Это был петух моей подружки. Он почему-то не любил детей. Целыми днями он сидел на заборе, высматривая нас, и стоило только появиться около забора или пройти мимо, — как он тут же слетал с него и клевал в самую макушку. Петуха мы боялись больше любой собаки. Это, наверное, было единственным моим огорчением.

И вот началась война... Папа ушел на фронт, а мы с мамой остались в оккупированном городе. Закончилось мое безмятежное веселое детство. Мне помнится, что город бомбили ежедневно. Мы с подружкой во время бомбежки прятались у нее во дворе в кустах сирени.

Маме выдали хлебные карточки. Однажды, в очередной день бомбежки, я их потеряла. Мама очень огорчилась и поехала менять вещи на продукты. Привезла она только жмых. К тому времени я нашла

карточки — они лежали в кустах сирени. Мы с подружкой их случайно нашли, когда прятались от очередной бомбежки. Моей радости не было предела. Мы с мамой были спасены.

В доме подружки поселился немецкий офицер и в коридоре постоянно находился часовой. Он часто засыпал на посту, так как было лето и стояла жара. Часовой сидел напротив двери, которая была постоянно открыта. Петух к тому времени перестал преследовать нас и начал охотиться на немецкого часового. Он терпеливо сидел в засаде, наблюдая за часовым, и только тот, засыпая ронял голову на ружье, — петух неслышно подбежал к нему, взлетал и клевал часового в голову, а затем моментально убегал и прятался. Часовой резко вскакивал, громко ругался по-немецки, но не смел, как я думаю, покинуть свое место на посту, чтобы искать петуха. За всем этим мы наблюдали, сидя в кустах сирени, и очень веселились. Это было, пожалуй, единственное время, когда нам во время оккупации было весело. Мы ценили действия петуха и, хотя сами голодали, подкармливали его.

Мы, дети, тоже пытались, по мере своих возможностей, вредить врагу. Как-то мы пошли на пустырь пасти коз. Редко у кого они в то время еще были. У нас козы не было, я пошла просто так, за компанию. По пути мы увидели, что по дороге движется колонна машин с немцами.

Из рассказов взрослых мы знали, что, если перейти кому-нибудь дорогу, то его постигнет несчастье. Мы начали перебегать дорогу перед машинами. Колонна остановилась, немец что-то закричал, раздались выстрелы. Мы забыли про коз и бросились бежать во весь дух, кто куда. Теперь я понимаю, что немцы стреляли в воздух, иначе бы я не писала сейчас свои воспоминания о моем, можно сказать, взрослом детстве. Я прибежала домой и спряталась под кровать, мне казалось, что там было безопаснее. Мама, каким-то образом, узнала о наших проделках и наказала меня ремнем очень сильно. Я была возмущена тем, что мама не оценила моего подвига, моей мести врагам, и закопала ремень в палисаднике. Мама так и не смогла найти ремень. С тех пор меня больше не наказывали. Вскоре наша жизнь резко изменилась.

Судя по погоде, это было в сентябре 1941 года. Немцы оккупировали наш город. Мама была коммунисткой, они каким-то образом узнали об этом. Маму арестовали, а заодно прихватили и меня. Нас посадили в тюрьму. В тюрьме находилось порядка десяти женщин. Камера была большой, нары располагались в два ряда, но мы

все разместились внизу. Из камеры никого не выпускали. Кормили нас один раз в день, давали маленький кусочек черного хлеба и кружку кипятка. Мне тоже давали такой паек. Каким образом к зиме у меня появились теплые вещи, я не помню. Меня стали выпускать на прогулки по территории тюрьмы. Женщины говорили, что об этом просили начальство кухонные работники. Помню, что во время моих прогулок работники кухни подкармливали меня и даже передавали хлеб в камеру. Хлеб прятали под пальтишко, но так продолжалось недолго. Немцы узнали об этом и перестали выпускать меня из камеры.

Иногда в камеру заходил немец, называл фамилию и уводил женщину, больше она не возвращалась. Говорили, что их допрашивают, а потом расстреливают. Мама все боялась, когда вызовут ее, что тогда будет с Надей. Так мы просидели в тюрьме, как кажется по моим нынешним представлениям, до мая 1942 года. В мае нас почему-то выпустили. Петуха к тому времени уже не было. Подружка рассказала, что немец все-таки поймал своего «мучителя» и свернул ему шею. Они и с людьми-то так поступали, а уж с птицей и подавно.

На свободе мы были недолго, в июне маму арестовали снова. Пришел полицейский и повел нас в тюрьму на допрос, т. е. он увел на допрос маму, а она вынуждена была взять меня с собой. Мы с мамой сделали попытку скрыться в развалинах здания, мимо которого проходили, но полицейский стал стрелять в нашем направлении. И мы смирились. Думаю, мама просто боялась за мою жизнь. Привели нас в тюрьму за высоким забором из досок. Помню немца, на нем была фуражка с высокой тульей. Мне и сейчас становится не по себе, когда я вижу высокую тулью. Он задавал маме вопросы, мама отвечала. Но какие были вопросы, и что отвечала мама, я уже не помню. Еще в комнате сидела машинистка в белой шали с длинными кистями и печатала на машинке. Потом немец что-то сказал, вошел мужчина, поднял меня на руки и стал выносить из комнаты. Я громко кричала и отбивалась, как могла — ведь меня разлучали с мамой, но он держал меня крепко. Вынес за ворота и спросил, есть ли у нас родственники в городе. Я сказала, что нет, и тогда он посоветовал мне бежать в детский сад. Дело в том, что во время оккупации работали детсады и был детдом.

Я прибежала в свой детсад. Рассказала воспитательнице, что произошло. Она взяла меня на ночь к себе, а на второй день определила в детдом. В детдоме я была самая маленькая, но меня никто не обижал. Кормили нас отрубями, запаренными кипятком. Сначала я

ничего не ела и все время плакала. Воспитательница, как могла, утешала меня. Ведь это не просто так — в пять лет остаться сиротой. Иногда, очень редко, нам давали маленький кусочек хлеба. Я не ела этот хлеб, а берегла, чтобы отнести его маме в тюрьму. И что самое ценное, голодные дети ни разу не съели мой хлеб. Они знали, почему я собираю эти кусочки хлеба. Однажды старшие дети взяли меня с собой погулять за пределы детдома. Мы нашли на одном из городских мусорников гнилые дыни. Как мы пировали! Наелись досыта этих дынь, но самое удивительное, — ни у кого после такого «пира» не было проблем с животом. Воспитательницы, естественно, ничего об этом не знали. И я хорошо понимала, что не могла проболтаться и выдать своих товарищей. Скажу, что в детдоме среди нас, обездоленных детей, была настоящая дружба. Только в детдоме могли понять, помочь, в меру своих детских возможностей, и оберегать, потому что ты нуждался в этом.

И вот я отправилась на свидание с мамой в тюрьму. В заборе была дырка от выпавшего сучка. Я прокричала в эту дырку какой-то женщине на территории тюрьмы, чтобы позвали мою маму, Татьяну Семеновну. Часовой на вышке меня видел, но никак не прореагировал на мое присутствие.

Через некоторое время с той стороны забора подошла мама. Она спросила, где я живу, я ответила, что в детдоме. Мама сказала, что это очень хорошо, и еще, она надеется, что меня никто не обижает. Я спросила, как передать ей хлеб, который я принесла, но она категорически отказалась его принимать, сказала, что в этой тюрьме их кормят хорошо. Мне трудно было в это поверить, ведь я-то помнила, как кормят в тюрьме. Убедить маму взять хлеб я никак не могла. Что стало с этим хлебом — не помню. Разговор шел, конечно, через маленькую дырку в заборе. Это был последний раз, когда я видела маму в живых. Когда через неделю я пришла снова и попросила позвать маму, мне ответили, что маму перевели в другую тюрьму в г. - Макеевку.

В 1943 г. при освобождении Донбасса, немцы поспешно всех узников этой женской тюрьмы посадили в машины, отвезли на шахту и живьем сбросили в шурф, а затем опустили на них вагонетку. Так рассказывали местные жители моей тете. Отец мой погиб на фронте. Меня после войны разыскала мамина сестра и забрала из детдома. Помню, что когда в 1945 году объявили об окончании войны, я так надеялась, что мама скоро вернется. Тогда тетя скрывала от меня, что мама погибла.

И еще одно памятное событие. Когда мы шли в школу в первый класс, пленные немцы брали воду из колодца. Один немец почему-то именно меня спросил, иду ли я в первый класс, и я ответила утвердительно. Тогда он достал, вырезанный из газеты, гимн Советского Союза, подарил его мне и пожелал отличной учебы.

Трудное было у нас детство во время войны, но в памяти моей остались светлые воспоминания о детдоме, о воспитателях, которые заботились о нас, утешали и помогали нам, как могли, а иногда приносили нам что-нибудь из еды, о моих товарищах, которые сами обездоленные, опекали меня, не давали мне печалиться о маме, потому что я тогда в этом очень нуждалась.

Я знаю, эти дети выросли настоящими людьми, способными сострадать и сопереживать ближним, ведь это самые ценные человеческие качества.

Прошла целая жизнь... Теперь я говорю всем им спасибо, ведь без их участия и помощи я могла бы и не выжить в то время. Детдом многому меня научил в эти детские годы, научил ценить дружбу.

Я хочу пожелать будущим поколениям не знать слово «война», и, чтобы на всей земле спокойно спали дети.

Будзинский Феодосий Васильевич

Родился 18 июля 1936 года.

Доцент учетно-финансового факультета

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Был теплый осенний день. Сентябрь разукрасил листья деревьев багрянцем и теперь шаловливо разбрасывал у школьного порога лепестки нежных флоксов. Я невольно залюбовался группкой детей, которые кормили голубей. Те громко ворковали, доверчиво взбирались детям на плечи, усаживались на ладони и угощались. А дети радостно смеялись и были похожи на этих беззаботных, свободных птиц.

«Какие счастливые ребята», — подумал я. И вдруг сердце защемило, наполнилось печалью и тревогой. Мне вспомнилось другое детство, совсем невеселое, тяжелое, военное. Память о нем постоянно живет во мне и отзывается в сердце непреходящей болью.

Мне было всего лет пять, когда через наше село на Полесье проходили немцы. Они наступали на Киев. Их было очень много. Казалось, не будет конца этим железным каскам и тяжелым сапогам. Как огромные серые крысы они врываются в наши дома, по-хозяйски выгоняли всех нас на улицу, гогоча, зычно выкрикивая что-то. Я, совсем еще малыш, понял, что это злые люди. От бессилия закричал и вскинул свой детский кулак, как-будто хотел уничтожить их.... До сих пор не пойму, как смогла защитить меня мама от озверевшего фашиста.

И начались тяжелые дни, да что дни — длинные годы войны и послевоенной разрухи. Немцы бесчинствовали, убивали и издевались над людьми. Когда они ушли, стало легче, хотя пришла другая беда — голод. Полесская земля была пустой и холодной, потому что обрабатывать землю было нечем, коней отправили на фронт. Женщины и

дети постарше сами впряглись в плуг. Да и бросить в истосковавшуюся по зерну землю было нечего. Мы, голодные и больные, терпеливо стояли у околицы, чтобы дожидаться подводы, в которой привозили из района скудную похлебку и полужасохшие 100 граммов хлеба.

А наша красавица — земля, как-будто ждала, что это лихолетье скоро пройдет. И снова зацветут поля и луга, до самого горизонта прорастет благодатное зерно, улыбнется тонкий молодой месяц над лесом, разольется деревенская синь над золотистым жнивьем.

В это свято верили и мы, хотя по-прежнему жили очень бедно, носили одну пару сапог на троих, читали при лучине, тяжело работали в поле. Но, главное, мы были свободны, по-детски счастливы, находили нехитрые детские забавы и развлечения в минуты отдыха.

В тяжелых испытаниях прошла и молодость. Мы, дети войны, рано становились взрослыми и мужали вместе со страной. Ее победы были и нашими успехами, ее трудности становились нашими. Каждый возведенный дом, новый завод, поднятый ввысь самолет, запущенная электростанция, заработавшая турбина — все это прошло через наше сердце, наши руки и разум. Везде пригодилась наша закалка, мужество, не по годам серьезность и мудрость. Именно наше поколение дало миру замечательных ученых, известных создателей, талантливых писателей и артистов, знаменитых педагогов. И если сложить все километры, исхоженные моими сверстниками в научных лабораториях, на строительных площадках, в глубинах земли, в школьных и университетских аудиториях, то получится дорога длиною в жизнь. И на этой дороге каждый из нас был и остается, прежде всего, человеком, независимо от того, каких производственных или научных высот мы достигли.

Проходят годы, уходят в далекое прошлое и становятся историей страшные военные годы. И как бы ни переписывали сегодня эту историю, она останется в нашем сердце и нашей памяти как подлинная история страны и целого народа, а память — как исток, как русло, как многоводная река.

Я уверен, что от истоков до устья не иссякнет народная память о тех, кто сохранил нам жизнь. И пусть во всех православных храмах в День Победы поют торжественные гимны: «Вечная память всем вождям и воинам, за Веру и Отечество на поле брани живот свой положившим».

Мы склоняем свои седые головы в благодарность тем, кто сражался за нас и за вот этих счастливых детей, при взгляде на которых становится на сердце тепло и радостно.

Бут Александр Никитович

Родился 22 июня 1940 года.

Профессор исторического факультета.

ВСПОМИНАЯ БОСОНОГОЕ ПОВОЕННОЕ ДЕТСТВО

На встречах сверстников разговор часто идет о внуках, о самой счастливой поре их жизни — детстве.

В данных же воспоминаниях речь пойдет о моем детстве — босоногом, повоенном.

О войне немало написано, в том числе воспоминаний.

Мой отец, Никита Самойлович, с 1929 г. завербовался из Полтавщины вместе с семьёй в Донбасс, работал на железнодорожной станции Дебальцево-сортировочная токарем вагонного депо. На второй день войны ушёл добровольцем и находился в действующей армии до Победы над нацистской Германией.

Отец мне не без гордости рассказывал, что он, как железнодорожник, имел право брони, то есть не призываться в действующую армию до особого распоряжения, но он по личному заявлению стал добровольцем.

Мама, Александра Ивановна, старший брат Николай двенадцати лет и я (мне исполнился один годик) остались на станции. По мнению отца, война должна быть краткосрочной и победоносной, но быстрой и победоносной войны не получилось. Уже в конце лета немецкие войска дошли до родного Дебальцева, захватив наш рабочий посёлок Октябрьский. За посёлком было пшеничное поле. Урожай 1941 года оказался хорошим. Поле было не убраным, на нём вместе с колосьями была разбитая техника Красной Армии и захватчиков. По полю проходила заградительная линия, обозначенная полосами колючей проволоки.

Как оказалось, наши семейные запасы быстро закончились, помощи ожидать было не откуда и не от кого. Державе было не до

нас. Поле начиналось через улицу, в нескольких десятках метров от посёлка.

Оккупационное военное командование в прифронтовой полосе, где оказался и посёлок Октябрьский, среди прочих мер поручило охрану поля местным полицаям.

По воспоминаниям мамы и старшего брата, в помощники полицая был записан Владимир Юшкевич, 16-ти или 17-ти лет.

После очередной бомбёжки советскими лётчиками нашего посёлка летом 1943 г., именно он обратил внимание, что бомбовым ударом был в нашем дворе разбит сарай, где находился погреб, в котором мама пряталась с нами во время налётов авиации, обстрелов артиллерии. В сарае также хранился уголь и дрова для отопления нашей хаты.

Сарай был разбит, а взрывной волной перенесло уголь на крышу лаза в погреб. Это означало, что мы оказались в подземной ловушке. Мало того, что я оказался очень серьёзно травмированным (только в 1990-х годах перестал стыдиться медкомиссий и оформил инвалидность), мы целый день не знали, как выбраться из погреба. И вот в этой ситуации нашим спасателем оказался помощник полицая Владимир. Он заметил, что случилось в результате налёта, освободил нас от завала и таким образом спас нас. Без него мы не смогли бы выбраться никогда.

После освобождения Дебальцево через несколько месяцев начались расследования сотрудниками НКВД относительно тех, кто оставался на временно оккупированной территории. Володя вместе с соседом, руководителем полицейского пункта, был осужден на 10 лет советских лагерей. Возвратился Володя еле живым, но сразу стал помогать в посёлке восстанавливать хаты. Он оказался хорошим печником (никогда не «курила» печь), но вскоре умер от болезни. Что же касается его бывшего «старшего», тот пришёл здоровым, розовощёким. Видя всё это, проходя мимо него, мой старший брат не мог удержаться, чтобы не назвать его полицейской шкуррой.

Я к тому времени уже был студентом и во время каникул отец просил переговорить с Николаем, чтобы он не трогал его, бывшего полицая. Вот тогда мой брат и рассказал, как в первые месяцы оккупации этот полицай собственноручно отбирал у них, пацанов, сумочки с колосками пшеницы, когда они выползали из-под колючей проволоки, установленной немцами для ограды пшеничного поля. Брат рассказывал, как он приходил домой и плакал, так как нечего было кушать маме и мне, самому младшему в семье.

С освобождением Донбасса мама решила отвезти нас на родину, на Полтавщину. Там она работала в колхозе, где выращивали сахарную свеклу. Она рассказывала, как до декабрьских снежных дней, в суровые морозные дни, дотемна они обрезали ботву на, вырванной вручную, сахарной свекле. Согревались надеждой на возвращение мужей с войны, согревались песнями (она всегда была запевалой). Там она и потеряла здоровье, застудила почки и очень рано ушла из жизни.

По окончании войны, возвратился отец на радость всем. Мы снова вернулись в родное Дебальцево. Он опять пошёл работать на железнодорожный узел, был одним из лучших токарей, а позже мастером вагоноколёсных мастерских станции Дебальцево-сортировочная. Вспоминается голодная пора 1946–1947гг. Продуктов питания нехватало, поэтому для приготовления супов, салатов мама использовала различные травы.

День полочки отца был самым большим праздником. Я с нетерпением ожидал его прихода с работы. С полотенцем и гребешком ждал пока он умоется, а потом мы садились за стол и начинали «пиршество». Самым большим лакомством были конфеты «подушечки» карамель присыпанная какао. В обычные же дни в прикуску с сахаром пили отвары из веточек вишни. Другие деревья — слива, яблоня, груша не использовались, так как каждый их ствол облагался повышенным налогом. Сахар был в кусках сизоватого цвета. Меня отец научил, как расколоть такой кусок, не разбивая его в мелочь и не попав по пальцу. А какой он был сладкий! Куда там сегодняшнему сахару.

На всю жизнь запомнилось начало 1950-х годов. Снежные наметы во время раннего весеннего суховея засыпало землей с ближайшего колхозного поля и они долго таяли. Один из них оставался до начала мая. И тогда мы решили его раскопать, то увидели белый снег! Я, Володя Макашутин и его младшая сестра размешали снег с молоком и сахаром и получили настоящее мороженое. Вот таким неповторимым оказалось для нас босоногих 9мая 1950 года! Наверное, не случайно я с таким удовольствием угощаю внучку Марину хорошим, вкусным мороженым.

Семья наша выжила еще и за счет домашних животных. Я помог брату пасти козу. Когда же он закончил семилетку и поступил в техникум, я почувствовал самостоятельность. С такими же соседскими пацанами научился курить (ещё до школы), выжигал напалм из разбитых танков (и немецких, и советских), которых осталось на

поле до двух десятков. По очереди, которую строго соблюдали, ходили собирать «бычки» на железнодорожную колею Дебальцево-Ворошиловград (ныне Луганск). Их выбрасывали взрослые курцы в окна проходящих двух пассажирских поездов. Речь идёт о 2–3-х «бычках» и то, если повезёт. Нас же, пацанов, было 8, ясное дело, хватало не всем. Было, что, не собрав ни единого окурка, вся «братва» крутили «ножку» из газеты, наполненную кленовым листом. Ух, как ядовито было, до слёз!

Так было и в период учёбы в начальной школе № 67. Курить я бросил только будучи студентом третьего курса истфака Харьковского госуниверситета. Однажды на занятиях по общевоинскому профилю на танкодроме Танкового высшего военного училища я так замёрз, что грелся куревом. Накурился до «жёлтой струйки», до серьёзного отравления. С тех пор, находясь в разных ситуациях, никогда даже в мыслях не было желания закурить.

Вот такие немногие факты подтверждают, что дети войны пережили не простые испытания, преодолели трудности повоенного времени, нашли своё место в жизни. Сегодня остались в живых считанные одноклассники. Я с большим удовольствием посещаю родные места, обязательно собираемся вместе в последнюю субботу июня. Большим событием еще оставшихся в живых детей войны — моих «одноклассников» стало празднование осенью 2010 года 100-летия железнодорожной семилетней школы №65 и 75-летия средней школы №62, которую я закончил с золотой медалью. Эти встречи незабываемые, но самое главное — это возможность услышать запах малой Родины, насладиться стрекотанием сверчков в длинные летние вечера, вспомнить босоное детство повоенной поры.

Вашунь Зоя Михайловна

*Родилась 7 мая 1937 года.
Старший научный сотрудник
физического факультета.*

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Родилась я 7 мая 1937 года в г. Сталино. Проживали близко от аэродрома, и война для меня началась с бомбёжек аэродрома. Зрелище страшное: небо всё чёрное от дыма, земля горит. Было море огня и непрерывные оглушительные взрывы. Так продолжалось более трёх суток. Бомбы падали и на наши дома. Нас выселили. Мы сняли квартиру вблизи железнодорожного вокзала (сейчас остановка трамвая Куинджи). Родители перевезли вещи. Осталась последняя ходка. Уложили шифоньер на тачку, на шифоньер усадили меня и поехали. Вот тут-то я и увидела первых немцев. Нас остановили, забрали шифоньер (сказали для офицера) и тачку. Дальше мы пошли пешком. Потеря сказалась ощутимой. Тогда ездили по деревням, меняли вещи, посуду на продукты.

Только мы устроились на новом месте, начали подходить немецкие войска и расселяться «по хатам». Нам подселили офицера с денщиком. Они заняли большую комнату, а мы, 4 человека (родители, я и брат-подросток), ютились в маленькой кухне. Офицер был очень важный, надутый, как индюк, ни с кем не разговаривал. Папа и брат старались не попадаться ему на глаза. Солдат вёл себя иначе. Когда был уверен, что офицер придет поздно, включал приёмник, звал маму: «Матка, матка, Москва» и давал послушать. Так мы знали, что делается на фронте. Мужчины тайком собирались и обсуждали события. Родители старались изо всех сил, чтобы достать какие-то продукты. На базаре буханка хлеба стоила 150 рублей. Крупа прода-

валась на стаканы. Мы, дети, выживали, как могли: ели зелёные «калачики», паслён, цветы акации... Спасали свекла и кукуруза. Свеклу варили, запекали в духовке. Однажды из промёрзшей картошки сделали крахмал и сварили кисель из свеклы. Кисель был очень красивый, но есть его было невозможно из-за запаха. Кукурузу жарили прямо на печке. Получались вкусные «баранцы».

Шёл 1943-й год. В мае месяце мама родила дочку. Этот маленький ребёнок почти всё время находился в погребе, в дом его заносить было нельзя. Очень редко, когда в доме не было немцев, выносили девочку на улицу. Лето приближалось к концу. Немцы засуетились, стали злые, нервные. Наши войска приближались. Уже слышна была канонада. Мужчины прятались. Мы вырыли яму в огороде, накрыли досками, сверху положили лист железа и засыпали землёй и травой. Там прятались папа с братом. Кушать им приносили только ночью. Вскоре немцы начали уезжать, точнее — «драпать». У нас была очень длинная улица, и в конце её находился их штаб (бывшая школа). Немцы почти все уехали, кое-кто собирал последние бумаги в штабе.

Был очень тёплый, ясный день и вдруг послышалась стрельба из автоматов. Это убегали последние немцы. Ехали они на мотоцикле. Один вёл мотоцикл, а другой сидел сзади и беспрерывно строчил из автомата. Просто так. Несколько человек ранил.

Наступило затишье. Вдалеке были слышны отголоски боёв. Как-то рано утром раздался стук в окно и крик: «Наши, наши, идём встречать!». Быстро собрались, выскочили на улицу. Со стороны железнодорожного вокзала ехали наши танки. Все кричали «ура», плакали. Танки остановились, открылись люки и показались танкисты. А на горизонте, за спинами наших бойцов, всходило солнышко. Все обнимались, танкисты брали детей на руки, усаживали на танки. Было всеобщее ликование. Немцев быстро выгнали из города. Но они ещё «огрызались». Делали налёты, бомбили и сопротивлялись. Даже мы, дети, научились различать по звуку наши самолёты от немецких. Люди стали больше общаться, дети спокойно играть.

Как-то я отпросилась пойти поиграть к подружке на этой же улице. Встретившись, мы решили пойти к нашей общей крёстной матери. Вдруг начался налёт немецкой авиации. Все спрятались по подвалам. Бомбили где-то совсем близко. Когда всё утихло, и мы вышли на улицу, то узнали, что бомба упала во дворе дома моей подруги. Дом разбомбило. Мы все побежали туда, и я увидела, что мои мама с папой в слезах ищут меня среди обломков. У подружки из

семьи в 5 человек остался в живых только трёхлетний братик, который залез под кровать.

Месяц воинская часть стояла в городе. Всех юношей призвали в армию. Их наскоро обучали стрелять. Когда наши пошли в наступление, в первом же бою многие из них погибли. Брата ранило в руку и ногу. Он лечился в госпитале, который находился в здании школы на нашей же улице. Мы, дети-дошкольники, бегали в госпиталь и для раненых пели песни, читали стихи, танцевали.

Вскоре восстановили Путиловский завод (почтовый ящик). Родители пошли работать. Нам дали «квартиру». Это была отремонтированная комната в разбитом доме с цементными полами.

В город из освобождавшихся областей Украины приезжали на работу люди. Работы хватало: стройки, восстановление дорог, шахт. Для работы на шахтах брали даже женщин.

Жизнь налаживалась. Открывались школы, которые отапливались углём. Не было тетрадей, учебников, в наших чернильницах-непроливайках замерзали чернила, но мы учились. Было очень тяжело и голодно. За хлебом, да и вообще за продуктами, выстраивались огромные очереди. Восход солнца я часто встречала в очереди за хлебом. Но жизнь и молодость брали своё. Несмотря ни на что, жизнь была интересной, и мы были счастливы.

Вовенко Виктор Федорович

Родился 11 октября 1943 года.

Старший преподаватель филологического факультета.

СЛАДКИЕ БАКЛАЖАНЫ

Вот уже много лет подряд в третью субботу июня сразу после полудня во дворе первой красноармейской школы (ныне это гимназия) собирается наш выпуск — десятиклассники 60-го. Радостный шум, объятия и поцелуи, цветы нашим давно уже поседевшим девочкам, бесконечные расспросы: «Ну, как ты?», «А Володьке звонили, он придет?», «Тебя, Лида, муж уже не ревнует?». А ещё — немой вопрос у каждого в глазах — все ли живы? Потому что из шестидесяти семи (в двух классах) некогда молодых и красивых, устремлённых в будущее счастливых выпускников, сейчас, полвека спустя, осталось немногим больше половины. Остальных унесли в мир иной болезни, которыми нас, детей войны, щедро наградила судьба.

Совсем недавно мы проводили в последний путь Лёшку Чижа, ещё раньше простились с Павликом Топало и Толей Киричком, Валею Герман и Виталием Дулиновым... Их имена, как и имена других школьных друзей и незабвенных учителей наших, звучат ежегодно во время встречи. Как на солдатской поверке, мы проводим переключку одноклассников и наставников своих, с которыми породнились ещё в детстве и — на всю жизнь. Когда учились в школе, у многих не было отцов, а то и обоих родителей, их воспитывали престарелые дедушки и бабушки. Многие из тех отцов, которым посчастливилось уцелеть в огне войны, домой пришли инвалидами и недолго протянули после неё. Но были инвалиды войны и среди детворы. Хотя тогда, в школь-

ные годы, ребята старались скрывать свои увечья, чтобы избежать лишних вопросов, а то и насмешек ровесников.

Не только одноклассники, но и соседи, друзья долго не могли понять, почему внешне здоровый, физически крепкий и симпатичный Толя Федоренко не служил в армии, кто-то даже считал, что родители «откупили» его. Лишь самые близкие знали: ещё в 1943-м, когда он был совсем крохой, осколок фашистской бомбы, которыми удирающие оккупанты буквально засыпали наш город и окрестные сёла, отрубил ему пальцы на ноге. Годы спустя Анатолий Николаевич получил травму в шахте, и снова пострадала та же нога! Только после этого врачи «заметили» и первую, ещё военную рану, признали его инвалидом войны.

Вспоминаю других своих школьных друзей, ставших жертвами военного лихолетья уже в мирное время. Один подорвался, пытаясь разобрать мину или снаряд, найденный в поле или лесопосадке, у другого прямо в руках под партой взорвался запал от гранаты, кто-то получил сильные ожоги, когда ковырялся в сигнальной ракете, а она неожиданно вспыхнула... Случалось, хоронили сразу нескольких отчаянных пацанов — их разнесло в клочья неизвестным «взрывоопасным предметом», брошенным каким-то сорвиголовой в костёр. А уж сколько догнали и уложили навсегда шальные трассирующие пули, красиво разлетающиеся из костра, — одному Богу известно.

В Красноармейске, который пережил два освобождения — в феврале и в сентябре 1943-го — и, по свидетельству очевидцев, своими страшными руинами напоминал маленький Сталинград, боеприпасы, брошенная техника были везде — на улицах и во дворах, на полевых аэродромах, на западной и северной окраинах города, в посадках и прудах, в колодцах. Так, за углом соседнего с нашим домом стояла, накренившись на одно колесо, подбитая противотанковая пушка, на улице им. Фрунзе долгие годы пугал прохожих страшный своей ржавой чернотой сожжённый немецкий танк, а у трансформаторной будки по переулку Карла Маркса замерла наша изуродованная взрывом «тридцатьчетверка»... Конечно же, детвора «обследовала» их и растащила всё, что можно было снять и унести, и не только оттуда. Земля тогда была щедро нашпигована разным смертоносным «добром». Горы патронов и ржавого стрелкового оружия, неразорвавшиеся гранаты и мины мы находили в развалинах домов, в кюветах возле железной дороги и, к ужасу родителей, приносили их домой. Даже через двадцать лет после войны, когда на улице Первомайской на месте разбитой школы строили новую ОШ №5, стро-

ители и, помогавшие им старшеклассники других школ, почти ежедневно приносили в штаб стройки не только рваные осколки и пробитые каски, чёрные солдатские медальоны, но и вполне пригодные, а потому опасные боеприпасы. Ну, а у нас тогда нередко случались и более страшные находки: иногда под тонким слоем грязного песка и щебня вдруг оказывались полуразложившиеся трупы красноармейцев, погибших в феврале 1943-го и наспех похороненных здесь же, на поле боя. Позже, в пятидесятые, их свезли на городское кладбище в братскую могилу, теперь там воздвигнут мемориал.

Пожалуй, мне бы тоже не пришлось писать эти строки, если бы не счастливый случай.

...После войны в полях, на месте аэродромов, горожанам выделяли огороды. Получил несколько соток и мой отец, работавший на динасовом заводе. Не помню уже, весной или осенью это было, но в тот день на огород родители взяли и меня. Пока отец с матерью занимались делом, я обследовал окрестности и, конечно же, нашёл то, что искал — небольшую, но тяжёлую красную железяку с хвостиком — миномётную мину. Взял её в руки, начал рассматривать. Случайно оглянувшись, отец увидел эту картину и закричал:

— Держи, сынок, не бросай!

В несколько прыжков он преодолел расстояние ко мне, схватил мину и что есть мочи швырнул её за бруствер, в капонир, оставшийся после войны. Грохнул взрыв, над головой просвистели осколки, полетели комья сухой земли. А вместе с ними мимо меня в очередной раз просвистела и пролетела смерть. В очередной потому, что она могла найти меня и раньше, когда фашисты ещё хозяйничали на нашей земле и когда, отступая, уничтожали и сжигали всех и вся, беспощадно бомбили уже оставленный город. Наконец, я мог бы вообще не родиться потому, что в самом начале войны мою маму пытались угнать в Германию, но ей с двумя подругами удалось чудом сбежать из невольничьего эшелона. Голыми руками они оторвали несколько досок пола старого вагона и, когда ночью на повороте поезд сбавил скорость, одна за другой стали выпадать на шпалы между лязгающих колёс. Из двенадцати пытавшихся бежать женщин и девушек в живых остались только трое, остальные погибли сразу же. Маме, с поломанными рёбрами и рукой, удалось добраться до ближайшего села в Днепропетровской области, где добрые люди приютили и вывели её.

Война, накрывшая чёрным крылом страну, не пощадила и наш город, наши семьи. Все мужчины воевали — кто на фронте, кто в

ополчении, уцелевшие во время оккупации сыновья пошли сражаться после освобождения Донбасса. В первые, самые страшные месяцы, пропал без вести мой самый старший дядя, мамин брат Николай Тимофеевич Шевченко, его брат Василий Тимофеевич, рядовой пехотинец, прошел всю войну, Победу встретил в Германии. Их отец, а мой дед Тимофей Павлович, бывший германцев ещё в первую мировую и участник гражданской, был уже стариком, оставался в оккупации. Погиб он летом 1942-го от своей, советской бомбы: её сбросили с большой высоты на немецкий штаб, но промазали — штаб уцелел, а деда и его соседа не стало.

Воинами были и все мужчины в отцовском роду, кроме дяди Егора, он потерял глаз и руку в годы гражданской войны. А другой дядя, Митрофан Семенович, ушел воевать в июне 1941-го, отступал и наступал, был тяжело ранен и оказался в плену, чудом выбрался из Харьковского котла, снова, как и отец, Фёдор Семёнович, воевал. Двоюродный брат мой Николай Рыбалко, вывезенный подростком на принудительные работы в Австрию, бежал оттуда, попал в Югославию, партизанил в горах и домой вернулся с двумя медалями, полученными из рук маршала Иосифа Броз Тито.

В Германии закончил боевой путь ещё один брат Григорий Шевченко, впоследствии известный в Красноармейске руководитель железнодорожников.

Деда по отцовской линии Семёна Фомича Вовенко, участника обороны Порт-Артура в русско-японскую войну, кавалера двух Георгиевских крестов и двух медалей «За храбрость», расстреляли фашисты 20 февраля 1943-го после того, как снова захватили город. Вместе с ним мученическую смерть приняли сын-инвалид Егор и пятнадцатилетний внук Дмитрий, многие мужчины-соседи. Тогда на улицах разбитого заснеженного города не только стояли сожжённые орудия, танки и автомашины, но и лежали горы трупов, а вокруг на десятки метров расплылись страшные замерзшие кровавые лужи. Когда стрельба утихла, женщины перевезли на санках окоченевшие тела домой, за неимением гроба приспособили вместо него большой платяной шкаф и, переложив покойников домоткаными дорожками, похоронили их на старом кладбище, кое-как выдолбив в мёрзлой земле могилу. Помню, как через несколько лет после войны отец с дядей Митрофаном Семёновичем и соседом Николаем Феодосьевичем Достатним перезахоронили погибших родных на другое, так называемое новое кладбище. Туда, к братской могиле невинно убиенных мирных граждан (всего в Красноармейске, по данным го-

сударственной комиссии по расследованию злодеяний фашистов, оккупанты уничтожили более 5200 человек), мы, дети войны, вместе с нашими детьми, а теперь уже и внуками, приходим ежегодно, чтобы поклониться их светлой памяти.

В кровавом феврале 1943-го таких могил, одиночных и братских, в моём родном Красноармейске появилось много — в садах и огородах, на улицах, во дворах школ. Несомненно, эти события не могли не наложить отпечаток на нас, военную и послевоенную детвору. Мы рано, не по годам, выросли, принимали на себя порой совсем не детские обязанности старших, часто заменяли родителей своим младшим братьям и сестрам. Тем более, что бабушек почти у всех не было, а мои Оксана Васильевна Шевченко и Александра Ивановна Вовенко ненадолго пережили своих мужей, обе умерли вскоре после войны.

Большинство семей на нашей улице имени Парижской Коммуны были многодетными. Больше всего ребятшек — семеро — у Прудниковых, причем старшие уже начинали работать, когда на свет появился самый младший. У нас в доме четверо — я и три сестренки, у Ковалевых тоже, у цыган Юрченко — трое. А у моей одноклассницы Раи Бовкун, кроме неё, было ещё восемь братьев и сестёр. Но жили мы — украинцы, русские, азербайджанцы, цыгане и другие национальности — удивительно дружно, а если спорили между собой, то споры эти редко переходили в серьезные разборки, а тем более в драки. Родителям же, занятым добыванием хлеба насущного для своих многочисленных чад, воспитывать их было просто некогда.

А время тогда, надо сказать, стояло голодное, и не только потому, что в первые послевоенные годы на страну обрушилась засуха. Почти все сады в нашем небольшом городке в годы войны вырубил на дрова, на улицах остались только старые толстые акации и клены. Правда, в палисадниках быстро возрождались кусты сирени, да кое-где уцелели вишни. Детвора мгновенно обносила ягоды, едва они начинали розоветь, и хозяева вынуждены были мириться с этим — заборов тоже не было. На небольших клочках земли во дворах выращивали картофель, лучок-чесночок, немного фасоли, посадили и фруктовые деревья, первый урожай с которых мы попробовали только в пятидесятые — абрикосы, яблоки, груши и сливы были, как нам тогда казалось, необыкновенного, неземного вкуса.

Целыми днями детвора была предоставлена сама себе — и те, кто не ходил еще в школу, и старшие. Главное занятие для всех — найти что-нибудь поесть, ведь полупустой желудок урчал постоянно. И мы

находили: у себя на улице заросли спорыша, жевали так называемые калачики, в лесопосадке обносили цветы желтой акации, а осенью, раздирая в кровь руки, — плоды шиповника и белой маслины. Далеко за городом, в степи, многие пацаны вели настоящие раскопки. Причем, искали не только брошенное оружие и боеприпасы, но и небольшие земляные орешки, напоминавшие по вкусу сладковатый картофель. А еще охотились на воробьев и сусликов, зверьков любопытных, осторожных и весьма хитрых.

Сейчас, когда вспоминаю это, становится и стыдно, и жалко этих безобидных птичек и зверюшек. Но тогда, в пору голодного детства, этих чувств мы просто не испытывали. Вооружившись рогатками, а каждый из нас имел их по две-три, мы отправлялись за железную дорогу, там кое-где сохранились старые, еще довоенные лесопосадки. Птиц было много, но в прицел попадали в основном воробьи, к осени обычно они набирали вес (хотя какой там вес!), не были такими синими и тощими, как весной и в начале лета. Особенно метким стрелком был мой двоюродный брат Володя Шевченко, поэтому без добычи мы никогда не оставались. Здесь же, в посадке, разводили небольшой костерок, потрошили несчастных, жарили на прутиках и тотчас поедали, а домой приходили замурзанными и с грязными руками. Родители, конечно же, знали, чем мы промышляли, поругивали, не раз обещали выпороть, но, слишком занятые, и не могли проследить за детьми.

Куда безобиднее была рыбалка в местных прудах, расположенных каскадом один за другим. Небольшими бреднями, сделанными из старых гардин, мы ловили пескарей и прочую мелочь, которая годилась разве что на корм для кошек. А еще бесстрашно под водой совали руки в норы и доставали оттуда крупных и не очень темнозеленых усатых раков (тогда в пруды еще не попадали отходы из городской канализации, вода в них была чистой, там купались и взрослые, и дети).

К осени подрастали, становились упитанными и суслики, не такие шустрые, как весной и летом. Мы знали, что из-под земли их выманить не так просто, если даже умело копируешь свист, да и выходов из норок было множество. Поэтому ребятня, как правило, шла в степь с ведрами и кружками. Там, на бывшем полевом аэродроме, оставалось много капониров с углублениями для самолетов, после дождей в них долго стояла вода. И вот мы, выследив, куда скрылся зверек покрупнее, окружали его и начинали лить воду сразу в несколько норок. А одну не трогали, вокруг нее усаживались

двое или даже трое ловцов, самых шустрых и смелых. И, когда вскоре из-под земли показывалась мокрая, грязная, испуганная мордочка суслика, они должны были схватить его и быстро бросить в мешок. Суслик отчаянно сопротивлялся, кусался и царапался, поэтому на руках у нас постоянно были следы его маленьких, но острых зубов и когтей.

Однако овчинка, как говорят, стоила выделки. Нет, мы не ели сусликов, так было только в голодном 1947-м. Их шкурки сдавали в потребкооперацию. Там за них платили, кажется, по 10 копеек за штуку. Дело в том, что тогда эти грызуны расплодились в огромном количестве и представляли серьезную угрозу и без того скудному урожаю зерновых, поэтому правительство и пошло на эту вынужденную меру. Повсеместно пионеры и школьники привлекались на борьбу с вредителями полей, об этом постоянно говорили по радио, писали газеты, а на обложках ученических тетрадей были нарисованы их мордашки с призывом уничтожить грызунов. Случалось, что за день наша группа вылавливала тридцать-сорок, а то и более полусотни сусликов, зарабатывая, таким образом, по рублю на брата. С какой же гордостью вечером, уставшие и голодные, перепачканные глиной, с исцарапанными руками, мы отдавали родителям эти честно заработанные деньги!

В конце 40-х карточки на хлеб уже отменили, но его по-прежнему не хватало, в магазинах за ним выстраивались огромные очереди. Поскольку я был самым старшим из детей, родители возложили на меня трудную и почётную обязанность добытчика хлеба. Трудную потому, что вставать надо было рано, летом — часа в четыре-пять, чтобы, зажав десятку в руке, пробежать несколько километров до центра города, где у хлебного магазина уже шумела толпа. Деревянная будка, установленная на запряженной лошадкой телеге, появлялась около семи. Домохозяйки, инвалиды, детвора, глотая слюнки от ароматного запаха, терпеливо ожидали, пока пожилой усатый возница-грузчик, накинув белую куртку, носил в магазин широкие ящики с хлебом, вслух пересчитывая в каждой буханки. Затем продавщица расписывалась на какой-то бумажке и торжественно открывала окошко в хлебном отделе — теперь главной становилась она. Притихшая было очередь, начинала галдеть, придвигаясь ближе к магазину. Выстояв ещё час-полтора, довольный, с двумя мягкими кирпичиками я возвращался домой, на ходу жевал аппетитную корочку. Так повторялось изо дня в день. А однажды пришёл без хлеба, без денег и в слезах. И вот почему.

На нашей улице, недалеко от Прудниковых, у бабки Чернышовой летом обычно жил её внук Володька, был он лет на семь старше. Вообще-то он жил в другом месте, в поселке им. Шевченко, далеко от нас, и учился там же. Но его мать, как говорили взрослые, приняла примака, а единственного сына, чтобы не путался под ногами, на всё лето сплавляла старухе. Понятно, та не могла уследить за ним, он рос чересчур самостоятельным и, как говорили соседи, на редкость шкодливым. То чужого пса изобьёт, то в голубятню залезет, во дворе что-то стащит. В общем, редкий день проходил без того, чтобы старая Чернышиха не выслушивала соседские вполне обоснованные жалобы, а то и ругань, настойчивые требования к Клавке забрать своего отпрыска. Но Клавка работала где-то на руднике в магазине, у матери не появлялась неделями, если и приходила, то вечерком, украдкой, и снова исчезала. А Володька на день два утихал, а затем снова принимался за своё.

Обычно за хлебом мы шли втроём-вчетвером, так было веселее, да и время быстрее летело. А в тот злополучный день я почему-то оказался сам, уже возле магазина увидел Володьку, тот стоял в очереди далеко впереди.

— Иди сюда, — позвал меня Володька, но бабки зашипели, мол, куда ещё одного тянешь. — Ладно, согласился он, — давай деньги и жди, я и тебе возьму.

Не подозревая подвоха, я обрадованно протянул ему червонец, а сам поплёлся в конец очереди, присел на камешек, которых туда натащили с ближайших развалин. Наконец, приехала долгожданная подвода, усатый дед начал носить лотки. Изредка я поглядывал на Володьку, он стоял, сосредоточенно глядя на закрытое окошко. Потом, когда очередь пришла в движение, люди, как обычно, смешались, зашумели. Поднялся и я, подхожу к окошку, а Володьки нигде нет. Ещё раз прошёлся — нет его, исчез, словно сквозь землю провалился. Да куда же он мог подеваться?

Дождавшись, когда хлеб закончится и продавщица захлопнет окошко, я понуро побрёл домой. Сначала ещё теплилась надежда, что мы разминутся и он с хлебом уже где-то дома. Потом она исчезла, я осознал, что меня просто обманули. Шёл, а слёзы сами капались из глаз. Как же так, думал, я поверил ему, дал деньги, а он.... Что теперь скажу маме, сестрам, которые ждут хлеб?

По дороге зашёл к бабке Чернышевой. Ни её, ни Володьки дома не оказалось. Не появился он ни на следующий день, ни через неделю — сбежал. Бабка же, когда мама рассказала ей об этом случае,

в очередной раз запричитала и снова всё перевела на непутёвую Клавку, которая плохо воспитывает сына.

Ну, а в тот день нашей семье пришлось обходиться без хлеба.

Спустя несколько лет нас, городских ребятишек, начали приглашать в плодопитомник «Красноармейский» для сбора урожая. Оттуда на улицу приходила взрослая тетя-бригадир, собирала детвору и родителей и предлагала нам поработать на ягоднике — собирать урожай малины, смородины и крыжовника, обещая расплачиваться с каждым в тот же день. Мы охотно шли, причем, все, мальчишки и девчонки, уже спозаранку, бодро прошагав пять километров, были на плантации. Получали там плетеные корзинки, накрывали головы кепочками и косынками и — вперед. Правда, малины было мало, черной смородины — тоже, в основном нас ждали огромные старые кусты крыжовника с острыми шипами и небольшими ягодами. Не знаю, то ли нормы были небольшими, то ли мы слишком хорошо работали, но практически всегда их выполняли, успевая при этом поесть вкуснятины и еще немного домой прихватить младшим сестренкам и братишкам. Тетеньки смотрели на это сквозь пальцы. Как и обещала, в конце дня бригадир расплачивалась с нами новенькими хрустящими рублями, тройками и даже пятерками — кто сколько заработал. А вскоре старшим стали доверять снимать с деревьев плоды абрикоса, а младшим — рвать нежные зеленые листочки шелковицы для тутового шелкопряда, разведением которого тоже занимались в плодопитомнике.

Впрочем, вкуснятиной, хотя и очень редко, баловали нас и родители, причем кормили всех без разбора, и своих, и соседских. То мама, раздобыв муки, испечет сладких пирожков с фасолью, многочисленная орава сразу же поедала их еще горячими, то отец с поллучки принесет большой кулек слипшихся «подушечек» с яблочным повидлом... Но больше всего мы любили даже не сладости, а соленные и моченые овощи, которыми славилась семья Прудниковых. Тетя Нюра была большой мастерицей их готовить, причем не в бутлях, а в деревянных кадках — огурцы и помидоры, капусту и верх блаженства — синие баклажаны. Разрезанные пополам и начиненные морковкой с чесночком и петрушкой, они одним своим видом вызывали такой аппетит, что нам казалось — ничего вкуснее и слаще на свете нет. А тетя Нюра, поливая подсолнечным маслом, все подкладывала их на тарелку и приговаривала:

— Ешьте, ребятки, не спешите, я еще дам, а вот и картошечка сварилась, кушайте на здоровье!

Много лет прошло с той поры, давно нет наших многострадальных родителей, увы, ушли в мир иной и многие мои друзья, на улице имени Парижской Коммуны сменилось уже не одно поколение. Но каждый раз, когда я приезжаю в родной Красноармейск и прохожу по улице моего детства, благодарно вспоминаю всех их, переживших страшную войну, выстоявших после нее и поднявших нас на ноги, воспитавших в уважении к труду и людям, патриотами своей Отчизны.

Все мои ровесники и школьные друзья нашли достойное место в жизни, никто не пустил её по ветру, не прожигал зря. Многие избрали профессии родителей — стали строителями и горняками, автомобилистами и педагогами, журналистами и медиками, военными и милиционерами, кто-то трудился в сельском хозяйстве, кто-то разведывал недра, водил поезда и шил одежду для детей. Разница лишь в том, что отцы и матери в большинстве своем не имели даже среднего образования, а мы, их дети, бесплатно получили высшее и среднее специальное, некоторые имеют даже по два диплома. Двое стали профессорами медицины, а один из них — академик, в своё время возглавлявший Минздрав независимой Украины. И почти все проявили себя активными общественниками.

После той страшной войны прошло уже много десятилетий, у нас взрослые внуки, у многих подрастают правнуки. Но и сейчас мы, дети войны, верны той давней дружбе, и сейчас готовы подставить плечо, бескорыстно поддержать в трудную минуту. И не только друга, но и каждого, кто в этом нуждается. Такими нас воспитали общество и некогда необъятная страна, которую мы так бездарно потеряли.

Дмитришина Галина Андреевна

Родилась 6 февраля 1935 года.

Доцент факультета иностранных языков

ЭТО ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ...

Родилась в городе Сальск Ростовской области.

В июне 1941 года мне было шесть с половиной лет. Осенью предстояло идти в школу, но 22 июня 1941 года началась война, которая перевернула жизнь как всей страны, так и нашей семьи.

Я родилась в семье военнослужащего. Отец мой, Дмитришин Андрей Дмитриевич, из Сальска был переведен в г. Ростов-на-Дону, затем в г. Шахты Ростовской области. Специфика его работы обусловила наше проживание и в г. Ростове, и в г. Шахты.

С первых дней войны отец был в действующей армии, в 62-ом кавалерийском полку 5 кавкорпуса Южного фронта.

Мои воспоминания о первых днях войны связаны с рытьем окопов, куда я ходила вместе с мамой, так как оставлять меня было не с кем. В письмах с фронта отец писал, чтобы мама ни в коем случае не оставалась на оккупированной территории. Для тех, кто уезжал, организовывались составы товарных вагонов. В одном из них эвакуировались и мы с мамой. На станции Матвеев Курган Ростовской области наш состав разбомбили. Пикирующие самолеты, падающие бомбы и страшный факел горящего элеватора на всю жизнь остались в моей памяти. После бомбежки оставшихся в живых собрали и сообщили, что состав нас будет ожидать на соседней станции. Необходимо было определенное время, чтобы добраться туда самостоятельно.

Когда восстановили движение по железной дороге, нам с мамой повезло — позволили сесть на открытую платформу, на которой мы

и добрались до места сбора, где нас ожидал состав. Осенняя холодная ночь, проведенная на платформе, под брезентом, стала причиной воспаления легких, и в г. Саратов мама привезла меня с высокой температурой. Периодически я теряла сознание.

В ноябре 1941 года немецкие войска захватили г. Ростов. Эта первая оккупация была недолгой. 28 ноября советские части выбили фашистов из города. В этих боях за освобождение Ростова принимал участие и мой отец. При преследовании немецких захватчиков, в бою, в районе Матвеева Кургана, 2 декабря 1941 года он был тяжело ранен. Осколок не удалили, он «прижился» и отец носил его всю жизнь. На излечении он был в госпитале г. Саратова. Об этом нам написала родная сестра мамы. Когда мама нашла этот госпиталь, выяснилось, что отец накануне 14 февраля 1942 года выписался и выехал в г. Ростов в надежде повидать нас. Меня подлечили, и мы немедленно выехали домой.

Но радость возвращения была недолгой. Немецкие войска снова наступали. Нам предстояла вторая эвакуация. Путь был долгим и тяжелым. По Северному Кавказу, при частых бомбежках, мы доехали до Махачкалы, где эвакуированных погрузили на два морских транспорта, чтобы переправить через Каспийское море в Красноводск. Один из этих транспортов был разбомблен. Нам, к счастью, удалось пересечь море. В Красноводске погрузились в «теплушки» (товарные вагоны) и отправились в г. Сарканд Алма-Атинской области. Там я пошла в школу во второй класс, потому что отец научил меня читать, писать, считать еще до войны. Учителя после собеседования сказали, что мне нечего «бездельничать» в 1-ом классе.

Город Ростов-на-Дону был второй раз оккупирован с июля 1942 года по февраль 1943 года. Отец, после излечения, вернулся в свою часть и принимал участие в битвах Сталинградского фронта, а затем в боях за освобождение Белоруссии, Польши, Пруссии, где и находился до конца войны.

Мы с мамой вернулись в г. Шахты. Для нас, как и для всех, самым главным было тогда выжить в то тяжелое время. Мама работала, я продолжала учиться. Здесь мы и встретили День Победы. Но отец, будучи командиром танковой роты, был уволен в запас и вернулся только в августе 1946 года.

С октября 1946 года он служил в органах МВД на оперативной работе. Поэтому судьба нас забросила сначала на станцию Кавказская (г. Кропоткин), затем на границу с Румынией, а с 1950 года — в г. Черновцы.

Среди боевых наград отца есть орден боевого Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, семь медалей.

Я — ветеран труда, имею благодарности и грамоты ДонНУ.

Дети войны... Трудно нам было, но мы выжили и живы, потому что миллионы советских людей жертвовали своей жизнью ради нашего спасения.

Поэтому я позволю себе напомнить о другом. В г. Ростове-на-Дону на перекрестке улиц Семашко, круто спускающейся к Дону, и Ульяновской на стене углового двухэтажного домика, почти на пол-этажа вросшего в землю, есть мемориальная доска со следующим текстом:

«Во дворе этого дома 24 июля 1942 года были зверски расстреляны фашистами юные патриоты-пионеры Коля Кизим, Игорь Нейгоф, Витя Проценко, Коля Сидоренко, Ваня Зятин за укрытие раненых советских воинов».

Пусть память об этих детях будет вечной! Они из «породы» орлят и таких было немало. Они навсегда останутся примером стойкости и символом верности Отчизне!

Єнальєва Людмила Яківна

Народилася 7 листопада 1937 року.

Доцент хімічного факультету.

НЕ ЗАБУТИ МИНУЛЕ

Коли розпочалась Велика Вітчизняна війна, батько мій служив у Червоній Армії, а ми з мамою жили в місті Дніпропетровську, де мешкали усі наші родичі, у селищі Діївці-1. А поряд з нашим було ще селище Діївка-2. За часів козацтва на цьому місці розташовувались перший та другий козацькі полки полковника Дієва. Звідси і назва селищ. Так говорять історики-досліджувачі. Зараз там височать житлові масиви Комунар, Червоний Камінь. Вулиця, де стояв наш дім, в якому проживали батьки мого тата — дідусь Федот та бабуся Ганна, ми з мамою, — знаходилась близько біля Дніпра. В нашому районі було розташовано багато різних підприємств.

Так склалося, що ми не встигли евакуюватись, тому опинились в окупації. На той час мені було майже чотири роки, я була малою, але в пам'яті збереглись спогади, які ніколи не забуваються.

Перші спогади пов'язані з бомбардуванням. Було дуже страшно. Особливо вночі, коли мама будить, поспіхом одягає, бере вузлик і біжить зі мною через двір, щоб сховатись у льосі. А чорне небо освітлюється перехресно прожекторами; стоїть страшенний гуркіт, рев і то з одного боку, то з іншого чути вибухи. У дідуся був дуже глибокий льох, туди набивалось багато сусідів. Діти плакали, дорослі намагались їх заспокоїти і молились. Коли все стихало, дідусь вибирався наверх, потихеньку обходив подвір'я, виглядав на вулицю, а потім повертався і говорив: «Ідіть, дітки, поки що все стихло». І ми всі вибирались на подвір'я, раділи, що зали-

шились живі. Але тиша теж була страшною і продовжувалась недовго...

На нашій вулиці перші німці з'явилися на мотоциклах. Гуркіт моторів, незнайома мова. Мотоциклісти зупинялись, забігали з автоматами у двори, іноді стріляли. Люди всі поховались, вулиця неначе вимерла. Потім по дорозі проїхали танки, гармати, колонами йшли солдати, цокаючи чобітьми по бруківці.

Німці квартирувались по хатах, часто виганяючи хазяїв, не дивлячись, що там були малі діти, старі люди. Сім'ї або тіснились у маленькій кімнатці, або переселялись до літньої кухні, у хлів. Окупанти встановлювали свої порядки: за найменшу провину — розстріл.

В місті почались облави, людей відправляли до Німеччини. На щастя, маму, татову молодшу сестру і мене дідусь багато разів встигав сховати. В місті працювала підпільна організація і декілька разів уночі нас попереджували про облаву. На жаль, людину, яка це робила, вислідили і розстріляли. Одного разу ми теж потрапили під облаву: мама зі мною, татова шістнадцятирічна сестра і мамина старша сестра з двома дітьми. Зібрали нас всіх в одному місці, людей було дуже багато. Вистроїли в колону і погнали в напрямку селища Шляховка під конвоєм. Конвоїри на конях гарцюють вздовж колони. Діти плачуть, дорослі ідуть мовчки, а обличчя у них почорнілі. В одному місці дорога йшла повз поле, на якому стояли скирти зрубанної кукурудзи. Так вийшло, що на цю мить конвоїрів біля нас не було: одні були позаду колони, інші проїхали вперед. Люди з колони кинулись до скирт і старались сховатись в них. Ми теж побігли і встигли сховатись. Коли це помітили конвоїри, вони почали стріляти по скиртах, протикати їх штиками. Наша скирта мабуть була заговорена, бо ми всі лишилися живі, а зліва і справа було чути стогін, крики, плач. Надвечір, коли вже колона пройшла і була далеко, ми спустились до яру і сховались там у норі, з якої до війни люди брали глину, щоб мазати у хатах стіни. Там ми прожили майже тиждень. Надворі стояла пізня осінь, ранком з'являлись вже заморозки і було дуже холодно, але розпалити вогнище, аби зігрітись, ми боялись, щоб не видати себе. Харчувались сирою кукурудзою з початків. Одного ранку мамина сестра тітонька Килина, вибравшись з норі, побачила на краю яру чоловіка і очам своїм не повірила — це був мій дідусь. Яка то була радість! Пізніше бабуся Ганна розповідала, що коли німці нас забрали, дідусь не знаходив собі місця, а потім сказав їй: «Збере, що є в нас із харчів, я піду шукати дітей». На бабусині відмови відповів: «Прийде син з фронту, спитає, де моя жінка, донька, сест-

ра?, що я йому відповім?». Зібрався і пішов. Дідусь розповідав: «Іду стежкою через поле, кручею, а стежка роздвоюється. Постою, помолюсь Богу, куди ноги ступають, тою стежкою і іду». Так він нас знайшов. Додому повертатись не можна було, і вирішив нас дідусь сховати у свого товариша в селі. Йшли довго. Та, коли прийшли, побачили страшно: хати розорені, людей немає. Зайшли в уцілілу хату, там все перевернуто, подушки розірвані, кругом пір'я, посуд перебитий, все переламане, але ми дуже втомились і вирішили тут перепочити. Мама хотіла зняти з мене валянки, але мої ніжки так розпухли, що валянки зовсім не знімались. Після недовгого перепочинку дідусь нас знову повів. Вирішили сховатись у маминої мами, бабусі Секлети. Вулиця, на якій вона жила, розташована далеко від нашої вулиці і простягалась аж до залізничної станції Діївка. Вона і зараз існує під тою ж назвою. Коли ми прийшли, то у бабусі в льосі вже знаходились кілька жінок, теж ховались від німців. Прожили ми тут декілька днів, та нас вислідили. На подвір'ї з'явилися солдати, почали виганяти усіх з льоха. Хто вийшов першим, встиг втекти, а ми вийшли останніми. Солдатів було двоє. Мама як закричить і показує на горище хати та хліва: «Партизани, партизани там». Німці кинулись туди, а ми через вулицю перебігли і городами втекли. Позаду чули постріли, думали, що бабусю вже в живих не побачимо. Коли бігли додому, по дорозі напроти школи на старій акації побачили повішеного партизана. Я не бачила його обличчя, але на все життя запам'ятались його сині ноги з понівеченими пальцями і обірвані штани... Багато років після визволення міста на цій акації висіла табличка, а біля неї завжди росли квіти.

Дніпропетровськ був визволений від німецьких окупантів у жовтні 1943 року. Були страшні бої. Дуже важко далась переправа через Дніпро. Коли з'явилися перші червоноармійці, люди вибігали назустріч, виносили їжу в кого, що було, пригощали солдатів, запитували про своїх рідних: «Дітки, ви мого синочка Васю не бачили?», «Чоловіка мого, Яшу, не бачили, чи він живий?». А солдати розуміли їх хвилювання і відповідали: «Ми їх бачили, вони живі, вони біжать там, позаду», а самі запитували, чи є тут де німці і йшли далі. Вони вселяли у людей надію про близьких, що вони живі. Це були такі радісні хвилини.

Татусева старша сестра зі своєю сім'єю жила по другу сторону Дніпра. За весь час окупації ми нічого про них не знали. Після звільнення дідусь вирішив навідатись до них. А дорога одна: на човні через Дніпро, а далі пішки. То дідусь розповідав, що коли на човні

перепливав річку, то нікуди було опускати весла, — стільки пливло по річці тіл загиблих солдат. І плавні були устелені тілами убитих... Дорогу ціну заплатив радянський народ за визволення своєї Батьківщини.

Тато мій воював на Чорному морі, він морський десантник. Севастополь, Керч, Новоросійськ, з якого його пораненого відправили до шпиталю у Тбілісі. Після демобілізації він ще довго лікувався у шпиталі. Мав поранення у руку, ноги, на одне око зовсім не бачив. Мамин брат, мій хрещений батько, брав участь у Сталінградській битві, а потім воював у загоні Ковпака. Повернувся інвалідом. Взагалі, у нас була велика родина і всі чоловіки воювали, але живими повернулись не всі.

До школи я пішла у 1945 році. У першому класі нас було 46 учнів. Вчителька наша Олена Андріївна тільки-но закінчила одинадцятий клас нашої ж школи. Бракувало вчителів, тому при школі відкрили одинадцятий клас, де готували вчителів початкових класів. Під час переклички в класі нам задавали питання: «Батько є?», і більша частина класу відповідала: «Не прийшов з війни, загинув на фронті». З якою заздрістю діти дивились на тих, у кого батько живий і поряд, поранений, покалічений, але ж живий. Дітям, у яких не було батьків, надавали допомогу.

У 1946—1947 роках був страшний голод. Ми бачили, як на вулицях падали і вмирили люди від голоду. Ходили пухлі... Поряд з нашою школою було розташоване кладовище (тепер його немає), і ми кожного дня спостерігали з вікон школи великі захоронення людей.

Зима була дуже холодна. Багато дітей до школи не ходили, бо не було у що вдягтись. Коли я зараз показую дітям-школярам, молоді фотокартку нашого першого «В» класу середньої жіночої школи № 88 м. Дніпропетровська, деякі посміхаються і запитують: «А чому вони так одягнені, що це у них за взуття?» Але ж ми — діти війни. Наше дитинство — це роки війни, юність — це роки відбудови. Разом з батьками ми раділи кожній малесенькій збудованій хатинці, кожному відбудованому будинку, кожному заводському цеху, що знову став до роботи. Наша школа розташована на кінцевій зупинці трамвайного маршруту № 3, і коли в п'ятидесяті роки цей маршрут відновили, яке то було свято. А на території завершення цього маршруту дуже довго ще залишались сліди від окопів.

Ми, діти, допомагали дорослим, як могли. Збирали металобрухт, якого кругом було дуже багато, вибирали з розвалин цеглу, ходили з дорослими на берег Дніпра саджати дерева, де потім виріс ліс

замість вирубаного і скошеного снарядами у війну. Ми не стояли осторонь. В шкільні роки у піонерському таборі я познайомилась з дівчинкою, яка була в евакуації і під час війни у шість років разом з мамою працювала телефоністкою.

Так ми жили. Я написала частину того, що врізалось у дитячу пам'ять і пройшло зі мною через все життя.

Від всього серця я бажаю, щоб теперішнє і майбутні покоління людей не знали тих страхів і страждань, які випали на долю дітей війни і старшого покоління, людей, що боронили свою Батьківщину від ворога у бою, працювали на перемогу у тилу, які зазнали концтаборів, які залишились на займаній території, але теж, як могли, чинили опір ворогові. Знати правду про ті роки і не забувати минуле — це обов'язок кожного покоління.

Жигулина Нонна Станиславовна

Родилась 30 декабря 1933 года.

Заведующая учебной лабораторией химического факультета.

ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

Когда началась война, мне было 7,5 лет. 1-го сентября 1941 года я пошла в 1-й класс в г. Макеевка. Мама работала на шахте «17/17 bis», старший брат ушел на фронт в первый день войны, средний — через неделю, в добровольный комсомольско-коммунистический батальон, поэтому мама отправила меня в Макеевку к своей сестре. Никто не думал, что немцы дойдут до нас. Все ждали, что их вот-вот остановят, но все чаще раздавалась воздушная тревога и учительница уводила нас в бомбоубежище.

Вечерами я видела, как плакала тетя. Она все говорила, что, наверное, нам придется эвакуироваться (дядя был начальником УВД г. Макеевки, в чине подполковника в первый день войны тоже ушел на фронт).

Мама не согласилась, чтобы я уехала с тетей в эвакуацию. Ночью пешком она пришла за мной из г. Сталино. Эвакуироваться тетя опоздала, и мы собирались все уйти к нам.

Весь день шел дождь. На закате он перестал. Мы с мамой вышли в город, где увидели страшную картину — магазины все были открыты, витрины разбиты, люди несли что-то в мешках, ящиках, а одна женщина из магазина «Шляпы» вышла с коромыслом и двумя ведрами, которые были плотно набиты шляпами. К одному ведру подошел мужчина и вытащил сразу все шляпы. Мы стояли рядом, и он мне отдал три шляпы. Мама говорила, чтобы я их вернула женщине, но я ответила, что это дядя дал мне. На тротуаре валялись в грязи расчески, гребешки, маленькие зеркальца. Все это было так жутко видеть, что мы ушли домой.

Я сидела все время у окна и видела, как пробегал наш солдатик в серой шинельке, или проезжала подвода с несколькими солдатами. Вечером в город вошли немцы. Они шли строем, хорошо одетые и обу-тые. Мне казалось, что все они были одного роста, и их было так много.

Потом к тете во двор заволокли пушку, а на двери написали, сколько человек — немцев — будет квартировать у нее. Один день мы прожили в квартире с двумя немцами, а наутро мы с мамой ушли домой. Через несколько дней к нам пришла тетя, затем мамина двою-родная сестра с сыном. Вот так мы и жили все вместе.

Наш дом находился недалеко от ремесленного училища, в кото-ром расположились итальянские солдаты. Мы бегали туда отгонять кошек, т. к. говорили, что итальянцы их едят.

Часто ночью летали наши бомбардировщики. Они хотели бом-бить это место. Однажды бомбы упали на два жилых дома, там по-гибли две сестры. Взрослые говорили, что летчики хотели бомбить итальянцев, но немного ошиблись. Мы, дети, очень хотели, чтобы итальянцев разбомбили, ведь они помогли немцам. Потом мы ус-лышали такую песенку, вернее, куплет:

*Здравствуй, сваха — Волноваха,
Здравствуй, кум — Донбасс.
Разбомбили Волноваху,
Разбомбим и вас.*

Мы все пели эту песенку, хотя не знали, кто ее сочинил: то ли немцы, то ли наши. Мы не думали, что могут убить нас, мы хотели, чтобы больше убивали немцев.

Однажды, играя в одном дворе, мы увидели во флигеле двух муж-чин. Они были пухлые и что-то нам показывали на рот. Мы поняли, что они просят кушать. Из дома мы принесли, кто что мог, кто ку-сок хлеба, кто лепешку. Так мы кормили их три дня, а на четвертый день их там не увидели. Говорили, что полицаи выдали их немцам, так как это были евреи.

Как-то мимо нашего двора вели пленных. Было лето. Со сторо-ны дороги у нас рос картофель. Когда пленные прошли, мама по-шла в огород, и вдруг там ее кто-то тихо окликнул. Это был один из пленных, молодой парень, которому удалось убежать и спрятаться у нас в огороде. Мама его перевела в сарай, потом передела в одежду моих братьев, а на следующий день он ушел. Он сказал, что если останется жив, то обязательно придет к нам, но мы его так и не дож-дались. На память о себе он оставил фото.

Помню, как зимой немцы ходили по домам. Они собирали, вернее, отбирали, теплые вещи. Все старались спрятать зимнюю одежду подальше. Вскоре мы узнали о разгроме немцев под Сталинградом. Мы видели, как шли немцы, закутанные в платки и тянули санки, вид у них был ужасный. Наши родители радовались, а глядя на них, мы радовались тоже.

Конечно же, нельзя все описать, как мы жили до нашего освобождения, т. е. до 8 сентября 1943 года, но правдивые факты из жизни моего военного детства не вспомнить невозможно.

Рутченковский пивзавод при отступлении наши не успели взорвать, он работал и во время оккупации. Когда наши солдаты освободили Рутченково (а наш дом и сейчас стоит у дороги, которая ведет на шахту Абакумова), женщины несли им пиво в ведрах на коромысле, угощали их, а солдаты черпали пиво котелками, пили. Мы, детвора, подбегали к солдатам, обнимали их и кричали: «У-р-а!».

Потом мы ожидали письма с фронта. Первое письмо после освобождения мы получили от моего старшего брата. Он писал, что уже капитан. Потом стало известно, что мой средний брат пропал без вести, а сын мамино брата сгорел в танке под Курском. Дядя, тетин муж, полковник, командир полка, был тяжело ранен и умер, похоронен в Новгород-Волынском.

Осенью мы пошли в школу. Жили дружно, делились последним кусочком хлеба, узнавали о подвигах наших солдат и офицеров, о партизанах. Старший брат с фронта нам писал интересные письма. Однажды мы услышали во дворе его голос, выскочили, а там — стоит Коля. Ему дали отпуск за выполнение особого задания. Сколько же было радости!

Как же мы все ждали Победу! Знали, что она придет. И вот 9-ое Мая. Что творилось на улицах! Люди выносили столы, накрывали их тем, что у кого было. Мы думали, что эти столы будут стоять всегда. Гордостью за свою Родину наполнялись наши сердца.

Будь проклята война, которая забирает у матерей сыновей, у детей отцов, у сестер братьев. Пусть все это останется, как страшный сон, который никогда не забудется и будет волновать время от времени сердца сегодняшних седовласых «детей войны».

Котенко Нина Григорьевна

Родилась 10 января 1938 года.

Заведующая учебной лабораторией химического факультета

ЖИЗНЬ В ОККУПАЦИИ

К началу Великой Отечественной войны мне исполнилось 4,5 года. Отец до войны работал в г. Харькове на заводе «Свет Шахтера». После эвакуации завода отец вместе с дедушкой ушел на фронт, а маму привез к бабушке в богатое и красивое село Караван, что в 60 км от Харькова. Мы никуда не уезжали, т. к. мама ждала ребенка. В июле 1942 года появилась моя сестричка. Мы жили при новой власти в течение года. Кормились продуктами, выращенными на своих огородах. Староста в селе был человеком терпимым, чего нельзя сказать о полициях. В нашем доме оставались жить только мама, бабушка и двое детей. Новая власть нас не тревожила, разве что курей воровали со двора. Во время бомбежки прятались в погребе.

Когда г. Харьков освободили первый раз, наши родители с соседями собрались в эвакуацию: колхозные подводы, в которые впряжены были наши коровы (4 семьи — 11 детей и 7 взрослых, в т. ч. один старик), везли наш скарб и детей. По пути следования кормились молоком и тем, что оставалось от урожая на колхозных полях: помидорами, огурцами, кукурузой, а также плодами богатых колхозных садов. Доехав до Днепра, нас опять догнал фронт. Мы остановились в вишневом саду в деревне с таким же названием Вишняки. При помощи жителей села выкопали землянку и в ней мы жили все это время до окончания войны. Ели в основном молоко, благо на полях хватало корма для наших кормилиц. И спасибо жителям села Вишняки, которые поддержали нас в то трудное время.

Об окончании войны мы узнали от местных жителей. Сразу же засобирались домой. На тех же подводах, в которые были впряжены наши кормилицы, отправились в дорогу. По дороге достать или найти еду помогали дети, которым было от 10 до 14 лет. Они бегали по бахче, заходили в заброшенные сады, бегали от хаты к хате, прося кусочек хлеба, меняли оставшуюся одежду на еду.

Запомнился случай в селе, название не помню. В доме за столом сидел старик, рядом стоял военный, наверное, в отпуске был, на кухонном столе женщина постарше лепила пироги, а молодая ей помогала. На нашу тихую просьбу: «Дайте кусочек хлеба, мы едем домой из эвакуации», — они всполошились — пироги еще не испечены. Военный ответил словами, которые я, малышка, запомнила на всю жизнь: «В чем проблема, положи в тарелку начинку и дай детям» (начинка — картошка с печенкой). Это был настоящий праздник в нашем обозе за 2 года войны. Я до сих пор вспоминаю этот дом и того военного.

Через сутки мы добрались до своего села. Все наши запасы были разворованы, хотя все было закопано в землю. Изба наша уцелела, а еду нам давал лес — орехи, яблоки, груши. Начали восстанавливать колхоз. Маму кормили в столовой раз в день, нас с сестрой кормили в школе, а 100 грамм хлеба мы приносили бабушке. Так и пережили голод, который никто не вспоминает. Главное — была Победа, которую мы встречали на площади в центре села с огромной радостью и сплошным плачем. В село с войны вернулись единицы и те — калеки.

Сотни имен наших односельчан высечены на мраморной плите сельского памятника «Воину освободителю», среди которых и имя моего отца — Грубника Григория Петровича.

Когда я бываю в своем родном селе, то первым делом иду к этому святому памятнику, чтобы возложить цветы и поклониться светлой памяти моего отца и тех, кто не вернулся с той страшной войны.

Кудрявцева Людмила Николаевна

Родилась 11 марта 1934 года

Доцент экономико-правового факультета.

ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО

Мое «взрослое детство», детство семилетней москвички, началось с несостоявшегося 22 июня 1941 года отъезда в гости к дальним родственникам на Полтавщину. Запомнились растерянные либо посуровевшие лица взрослых, собиравшихся у уличных раструбов радиорепродукторов, слушавших сообщение Молотова о нападении Германии на нашу страну, о том, что немецкие самолеты на рассвете бомбили наши города. Ощущение опасности и тревоги, заклеивание бумажными крестами оконных стекол, светомаскировка окон, новое слово «военкомат» и проводы мужчин разных возрастов с вещмешками. Слухи о воздушных налетах и бомбежках, ускоренное строительство в подвальных помещениях домов-бомбоубежищ с последующими ночевками в них, или на станциях метрополитена, объявления тревоги и отбоя по круглосуточно включенным репродукторам.

В августе семьи военнослужащих, ушедших на фронт, эшелонами стали вывозить из Москвы. В одном из таких эшелонов, составленных из товарных вагонов-теплушек, ехали в эвакуацию и мы с мамой. Последнее, что запомнилось — удаляющаяся в сумерках скульптура Мухиной «Рабочий и колхозница», возвышающаяся на сельскохозяйственной выставке (позже — ВДНХ). Мы долго выглядывали из двери вагона, провожая ее глазами, полными слез. Так закончилось для меня счастливое довоенное время с праздниками в детском саду, со спектаклями в кукольном театре Образцова, с «Синей птицей» во МХАТе, с купаньями в Серебряном бору.

Ехали долго и трудно. Эшелон подолгу стоял на полустанках, пропуская военные эшелоны на запад и санитарные поезда, следовавшие в тыл, на восток. По звуку мы научились различать немецкие самолеты, летевшие то на задания, то возвращавшиеся, отбомбившись. Проезжали мимо разбитых вагонов таких же поездов, как наш.

За Волгой впервые с изумлением увидели освещенные вечерние и ночные города: «надо же, без светомаскировки»!

Жизнь в сибирской эвакуации началась для нас с размещения прибывших эшелонам сначала в школе, потом по частным квартирам в непривычных одноэтажных домах, с разбитыми перед ними палисадниками и с огороженными заборами дворами, за которыми располагались огороды хозяев этих домов.

С 1 сентября началась учеба в школе. Меня, семилетнюю, все-таки приняли в первый класс, поскольку я уже довольно бегло читала. До нового, 1942 г. пришлось учиться в семи разных школах, поскольку в новых, расположенных в центре города школах, размещались госпитали. Наш класс переводили все в более и более отдаленные школы. Когда началась зима, я добиралась до своей школы ко второму уроку, так как замерзнув, заходила обогреться в те школы, что располагались по пути.

Видя, как сейчас школьников провожают и встречают из школы родители и бабушки, я вспоминаю, что работавшие мамы как-то не беспокоились, найдем ли мы, эвакуированные дети, в незнакомом городе дорогу до школы (обратно мы возвращались всем классом с учительницей).

Отношение к нам, эвакуированным, было хорошее. Ни в школе, ни в очередях за водой у водоразборных уличных колонках, ни в уютных очередях в магазинах, где «отоваривали» продовольственные карточки, мы не ощущали себя чужаками, беженцами, хотя с нашим прибытием местному населению явно лучше не стало. В детстве, конечно, все воспринимается легче. Конечно, одежда, не рассчитанная на сибирские морозы, постоянное чувство полуголода (просить поесть у мамы нельзя, ведь иначе голодной останется она) радости не доставляли, но ведь всем приезжим было не легче. Тяжело воспринималось ощущение чужой беды, когда в семье одноклассников приходили похоронки, слезы после посещения госпитальных палат с концертами школьной самодеятельности, где особым успехом у раненых пользовалось исполнение именно детских стихов А. Барто, Е. Благиной, С. Маршак, С. Михалкова. Стихи надо

читать бодро, передавая юмор детского восприятия житейских ситуаций. Раненые улыбаются, смеются, а у малолетних исполнителей сердца сжимаются от вида этих доброжелательных зрителей.

И все же, в памяти о Сибири, кроме высоченных снежных сугробов, морозных, но безветренных зим, остались бурные весенние потоки от тающего снега, бегущие по улице и смывающие мусор, который всю зиму жители выносили на проезжую часть улиц. Потоки такие мощные, что перебираться на другую сторону улицы — просто опасно. Помнится и пионерлагерь для эвакуированных детей над широкой Обью, изумительные закаты и лесные костры, у которых, кроме песен военных лет, москвичи пели песни о Москве, ростовчане — «Ростов-город, Ростов-Дон», киевляне и полтавчане — украинские песни, а одесситы — про одессита Мишку. Ожидание писем от отца с фронта...

Низкий поклон и благодарность на всю жизнь вам, сибиряки, за то, что мы не ощущали себя чужаками-беженцами.

В июне 1944 года мы с мамой опять эшелонам возвращались в Москву. Первая радость и радостные слезы, когда ранним утром в вагонном окошке я увидела ту же скульптуру «Рабочий и колхозница». Значит, дома. Мне уже десять лет. Я хожу по узнаваемым родным улицам, переулкам, бульварам, езжу на метро. Ощущение тихой радости. Одно из воспоминаний: после прохода военнопленных немцев по Москве, на улицы, вслед за их колоннами, впервые выехали поливальные машины, и снова радость узнавания порядков довоенной Москвы.

Другое воспоминание связано с ежевечерними салютами в честь освобождения наших городов и дневные вопли мальчишек во дворе — «салют поехал на четырех машинах!» Это из ближней воинской части мимо нашего двора проезжают артиллеристы, чтобы измученные войной люди ощутили радость близкой Победы.

И что еще осталось в памяти на всю жизнь: с окончанием войны несколько лет жили с уверенностью в то, что все плохое закончилось вместе с войной, дальше будет только лучше и радостней.

Любимов Эдуард Борисович

Родился 1 мая 1931 года.

Инженер управления информатизации.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГЛАЗАМИ МАЛЬЧИШКИ

Я, Любимов Эдуард Борисович, родился 1 мая 1931 года в городе Баку Азербайджанской Советской Социалистической Республики. В 1939 году поступил в школу № 1, занятия в которой начались 1 сентября. В декабре этого же года с бабушкой и мамой переехал во Львов, к месту работы отца.

Война для меня началась 21 июня 1941 года, когда отец, придя вечером домой, предложил бабушке собрать самое необходимое и быть готовым к отъезду. Мама в то время лечилась в Грузии. Накануне мы, мальчишки, выходили на улицу Гвардейскую, как она тогда называлась, и видели, как в сторону Стрыйского шоссе бронетехника двигалась к границе.

Мы жили на улице Гербурта, 9 (старое название). К рассвету 22 июня 1941 года мы были готовы к отъезду. Собран узел с одеждой и сумка с едой. Я пошёл к своему другу, жившему недалеко от нашего дома, обсудить сложившуюся ситуацию. Вдруг мы услышали надрывный рев моторов и, подняв головы, стали свидетелями неравного воздушного боя, который вели два наших самолета против десяти чужих. О том, что идет бой, мы поняли по треску пулеметных очередей. Один наш ястребок вспыхнул и, дымя, круто пошёл к земле. Раздался мощный взрыв — и огромные клубы дыма и пыли поднялись в районе Главпочтамта. Я бросился домой, поскользнулся на брусчатке, упал и с разбитым лицом, весь в крови, прибежал домой, где искала меня, не находя себе места, бабушка. Хорошо помню ее полные ужаса глаза, дрожащие руки, смывающие кровь с моего лица

и одежды. Мы спустились в подвал. Бомбёжка продолжалась, страшный вой падающих бомб сковывал сознание, парализовывал волю. Хотелось совсем исчезнуть. Потом я узнал, что это были специальные бомбы, влияющие на психику человека. Через какое-то время к дому подъехала машина, ГАЗ-АА, полуторка, как её тогда называли. Военный погрузил на борт вещи, меня и бабушку, и мы поехали.

Хорошо помню улицу Коперника, по которой мы ехали, грохот от взрывов бомб в расположении воинских частей. По дороге забрали ещё несколько семей и прибыли на станцию Подзамче. Главный вокзал был разбит. Быстро выгрузились перед вагонами. Паровоза не было. Площадка возле вагонов заполнялась людьми, в основном, женщинами с детьми. В этой суматохе сначала никто не услышал дробь пулеметных очередей, и мы с удивлением смотрели на падающих вокруг людей. В наступившей вдруг тишине стала различима чёткая и громкая скороговорка тяжелого пулемета, продолжавшего свою кровавую жатву. Откуда-то появился отец. Камнем разбил окно вагона, туда забросил меня, потом бабушку с узлом, и так же быстро исчез. Стрельба прекратилась, слышались глухие взрывы бомб, вокруг раздавались стоны и плач. Бабушка уложила меня на пол, прикрыв узлом и собой. Стояли долго. Я не понимал того, что произошло. Когда мы, наконец, поехали, а вагонная суэта прекратилась, внимание всех было обращено к женщине, у которой во время обстрела погибли дети. Вскоре, на одной из многочисленных остановок ее выгрузили — она потеряла рассудок.

Серьезных налетов на наш эшелон не было. Прицепленные впереди и сзади платформы, с зенитными пулеметами, отгоняли «стервятников». На одной из остановок, где-то под Киевом, бабушка попросила морской патруль пересадить нас на рядом стоявший пассажирский поезд, следовавший в Москву, что они совершенно беспрятственно сделали.

Помню короткий напряженный разговор с начальником поезда, и мы оказались в вагоне, где нам сочувственно уступили место. Несколько раз поезд, маневрируя, избегал бомбежек и вскоре прибыл в Москву.

Вопреки утверждениям лжеисториков типа Волкогорова, Резуна и др., столица встретила нас сурово и организованно, паники не было. Заклеенные окна крест на крест бумажными лентами, серьезные лица москвичей, четкий порядок на вокзале, — все свидетельствовало о серьезности положения, в котором мы оказались. Неожиданно к нам подошли двое парней и девушка, комсомольский патруль, как они представились, стали расспрашивать нас, куда мы

едем и что нам нужно. После короткого разговора с бабушкой они исчезли и появились через некоторое время с едой и водой. Потом взяли наши вещи и повели нас на перрон, где стоял поезд, отправлявшийся в Баку. Усадили в поезд, выдали паек, как они называли еду, и тепло попрощались с нами. Мы никому ничего не платили, да и платить-то было нечем.

Эта атмосфера единства, сопереживания и сочувствия была неотъемлемой частью человеческих отношений между теми, кто пережил это суровое испытание войной.

Поезд вышел из Москвы по расписанию, но в дороге было очень много незапланированных остановок в связи с пропуском воинских эшелонов на фронт и санитарных поездов с фронта.

В Баку мы поселились у тётушки в той же квартире, из которой уехали. Дядя и тётя днём и ночью работали, и я их почти не видел. Продолжал учёбу в той же школе, из которой уехал во Львов. В классе я оказался единственным беженцем и постоянно ощущал сочувствие и заботу абсолютно всех. Меня так и прозвали — «беженец».

В школе и дома главной темой разговоров была война. Радиоприёмники мы сдали по требованию властей, и все новости узнавали из репродукторов, причем, интерес к ним был всеобщий и неподдельный. А из репродуктора голосом Левитана приходили новости одна хуже другой. Наша любимая Красная Армия отступала на всех фронтах, неся тяжелые потери. Город стал жить прифронтовой жизнью; утроили выпуск продукции все предприятия и учреждения, особенно нефтедобывающие и перерабатывающие заводы. Войска потребляли огромное количество нефтепродуктов. В школе все ученики свободное время отдавали делу защиты Отечества и это не громкая фраза. Октябрята, пионеры, комсомольцы не жалели своего времени для выполнения любого, даже самого маленького задания взрослых, и искренне ждали и надеялись, что скоро придет справедливая и желанная Победа.

Незабываемым для меня был день приема в пионеры. На главной площади Баку собрались принимаемые в пионеры со всех школ города. Пионерскую клятву зачитывал начальник Бакинского гарнизона генерал-майор Бескровный. Мы, октябрята, повторяя каждую фразу клятвы, ощущали всю сложность положения, в котором находилась страна и, вместе с тем, проникались чувством огромного горя, постигшем всех людей нашей страны.

Задачи пионерских организаций совпадали с военной задачей — защита города и его жителей от жестокого и сильного врага. На всю

жизнь запомнилась передовица газеты «ПРАВДА», называлась она «Т А Н Я», с фотографией девушки с петлей на шее и отрезанной грудью.

Это теперь подонки говорят, что все это ложь, а тогда ни у кого не было и тени сомнений в том, что несет народам СССР фашизм. Мы, дети, в пионерской форме патрулировали улицы и площади, приморский бульвар и старую крепость — центральные районы города и были счастливы, когда патрули-курсанты Высшего военноморского училища отдавали нам честь в ответ на наш пионерский салют. Тогда мы, дети и взрослые, были в одном строю защитников Отечества.

Пионерские будни вместе с учебой в школе были единым процессом, в котором все было подчинено единой целью — выдержать, выстоять, победить. Первым серьезным делом для нас стал сбор бутылок, которые начиняли специальной горючей смесью и использовали на фронте для уничтожения фашистских танков. Бутылки, собранные у населения, мы сносили в специально отведенное место возле железнодорожного вокзала. Уверен, не одна сотня танков врага была подожжена и уничтожена именно этим оружием.

Мы, обходя каждую квартиру, собирали необходимые нашим защитникам вещи: белье, теплые носки, варежки, в общем, все то, чем могли поделиться жители города. Очень часто люди отдавали последнее. Спросите настоящих фронтовиков, тех, кто еще жив, что испытывали они, получая такие посылки! Я же знаю из первых уст, они их ждали и были искренне им рады. Ведь почти в каждую посылку было вложено письмо, написанное или нами, детьми, или взрослыми, ковавшими победу в тылу.

Во время патрулирования улиц нам ставилась вполне конкретная задача: не пропустить ни одного не заклеенного бумагой окна, заходить в квартиры, просить сделать это немедленно и, если выражалось нежелание или пренебрежение, сообщать в военную комендатуру. Сейчас бы это назвали «стукачеством», особенно те, кто утверждает, что жили мы не так и строили не то, и вообще, надо было сдать фашистам. С наступлением темноты мы выявляли квартиры, где не соблюдалась светомаскировка, сообщали жильцам об этом и всегда в ответ слышали искренние слова благодарности.

В домах, где мы жили, были организованы дружины: противопожарная, санитарная и другие. Мы, мальчишки и девчонки, учились дежурить на крыше, сбрасывать зажигательные бомбы вниз, оказывать первую медицинскую помощь пострадавшим и многому другому.

му. Мы помогали больным и немощным людям получать по карточкам продукты, оказывали им помощь и поддержку.

Моя мама, не найдя нас с бабушкой в занятом немцами Львове, неожиданно встретила отца, да так и осталась с ним на фронте. Осенью 1943 года четвертый Украинский фронт, где воевали мои родители, освободил Мариуполь. Мама осталась в городе работать в райсовете. Вскоре вызвала и нас с бабушкой. Добрались мы тяжело. Со станции Ясиноватая добирались на железнодорожной полуплатформе с углем, запорошенной снегом.

В Мариуполе в школе, где я продолжал учёбу в пятом классе, мы, школьники, часто привлекались к разборке разрушенных домов на центральной улице. Особенно усердно это делали, когда нас снимали с уроков. Активное участие принимали в поиске неразорвавшихся снарядов, бомб и мин. Однажды мы сообщили в комендатуру об обнаруженной морской mine недалеко от порта, которую при нас, разумеется, соблюдая все меры безопасности, обезвредили.

Мы работали с бабушкой на выделенном участке земли, выращивая, в основном, картошку. Было очень голодно.

В начале августа 1944 года, после освобождения, мама едет во Львов. Определившись с квартирой, вызывает нас. В дом, в котором мы жили до войны, мы не вселились, там разместился член Военного Совета фронта Н. С. Хрущев.

Получив квартиру в Новом Львове, так назывался район за Стрыйским парком, я определился со школой. Школы приходилось менять часто: то из-за переезда в другое жилье, то из-за реформы, внедрившей раздельное обучение мальчиков и девочек. Правда, ненадолго.

В 1945 году меня приняли в комсомол. Комсомольская работа была напрямую связана с тем, что происходило на фронте. Ярко запомнилось событие, связанное с гибелью генерала Черняховского. Он командовал фронтом. Его фамилия не раз звучала в сводках Совинформбюро в связи с наступлением наших войск. Его родной племянник учился со мной в одном классе. Соболезнование и сочувствие ему оказывала вся школа.

Главными задачами комсомольцев были: всемерная помощь и поддержка семьям погибших, сиротам, восстановление школ, жилых домов и административных зданий. Самое непосредственное участие все комсомольцы и молодежь города принимали в сооружении Холма Славы, где нашли покой многие защитники Отечества, в том числе Герой Советского Союза, легендарный разведчик, ст.

лейтенант Кузнецов. Это теперь новоявленные бойцы ОУН — УПА продолжают борьбу с «оккупантами», глумясь и издеваясь над памятниками павшим.

Одной из основных задач комсомольцев — было посещение госпиталей, встречи с ранеными, инвалидами, которые очень тепло принимали подготовленные нами выступления, и долго не хотели нас отпускать.

Во Львове я и встретил День Победы — яркий, светлый и долгожданный праздник! Вечером 8 мая 1945 года гром победного салюта накрыл весь город. Стреляли отовсюду, из всего что стреляло, измученные жестокой, кровавой и длительной войной Победители! А 9 мая их чествование проходило на улице Аллейной (теперь она переименована в насмешку над победителями) с фейерверком, артиллерийским салютом. Пушки и прожекторы стояли прямо на улице.

Память об этом празднике не стирается даже по прошествии долгой, насыщенной разными событиями, жизни.

Медовников Станислав Васильевич

Родился 21 апреля 1937 года.

Доцент филологического факультета.

ЧТО Я ВИДЕЛ

Моя малая родина — небольшой город Конаково в центральной части России. От нашего дома до Волги два километра, до Калинина (Твери) — 70, до Москвы — 150. Вниз, по течению Волги — Кимры, Калязин, Углич, Ярославль. Наш городок расположился среди лесов и болот.

«Война» была четвёртым или пятым словом в моей памяти после таких необходимых понятий, как «мама», «папа», «хлеб», «дом», «огород».

Война не пришла внезапно: её ожидали, о ней говорили постоянно. Вся жизнь разделилась на три промежутка: совсем короткое, яркое, как вспышка, время «до», потом — война, ни начала, ни конца которой я не помню, и — долгое-долгое «после». Я и сейчас живу после войны. И не спрашивайте меня — какой!

Для предшествующего нам и нашего поколения реальна лишь одна война. Она заполнила всё пространство и оказалась равновесной жизнью, судьбе, стране, миру.

В начале лета на пустыре, напротив нашего дома, вырыли довольно глубокую яму. Плотные пласты влажного зернистого песка надолго остались в памяти. А потом поставили деревянные столбы, повесили «чашечки», ролики, провода. Чёрная воронка репродуктора заговорила и заиграла в нашем доме как раз накануне.

В первые дни после начала войны в магазинах было много продуктов, больше, чем до войны. Но это продолжалось недолго.

В раннем возрасте время не разделяется на отдельные дни и недели. Солнечное утро... Отец в новых коричневых брюках в мелкую

клетку вместе с дядей Колей сидят на скамейке под яблоней и споят, кто уйдёт первым.

Уж стало прохладно, прошли дожди, земля сделалась вязкой, мягкой. На западной окраине города мама и другие женщины копали глубокий ров — от леса до реки. Как потом выяснилось — противотанковый. А я увивался возле матерей.

Раза два или три нас бомбили. Бомбы падали где-то в районе ремонтно-механического завода, за рекой. Кроме Волги в черте города были ещё две речки. От нас до завода всего метров 400—500. Жарко полыхал большой железнодорожный мост (был ещё и маленький). У этого моста были высокие деревянные перила. Они обугливались и трещали, как поленья в печке.

Прошел слух, что линия фронта проходит всего в десяти верстах от нашего города. Много позже я узнал от старшего брата, что топкие торфяные болота оказались непроходимыми для немецких танков. Но немцев в военных мундирах я всё-таки увидел — только пленных. Враг в город не вошёл.

Однако до того пришлось пережить ещё и эвакуацию. Это слово я хорошо запомнил, так же как и «затемнение», «карточки», «контузия», «тридцатка», «заём», «облигация», «дуранда», «тюря», «жмых» и другие слова из лексикона войны.

Эвакуация была недолгой и недалёкой. Мы ехали на восток в санях по ноябрьскому снегу..

Крепко закутанный во всякую одежду, я всё-таки разглядел несчастный зимний лес, танки посреди кустов, и на одном из них, прямо на башне сидел маленький (так мне показалось) танкист в чёрном шлеме. Рядом горел костёр.

Примерно месяц мы прожили в селе Ильинском, за Кирами. Спали на полу в деревенской избе, пили чай из самовара, ели картошку и капусту.

Вскоре, после того, как немцев разгромили под Москвой и отбросили аж до самого Ржева, мы вернулись домой. Дома нас ждал кот Барсик. Сам дом и дворовые постройки остались невредимыми, все вещи были целы. Вернулся и отец. Он сражался в истребительном батальоне и был отозван для ответственной работы в тылу. А дядя Андрюша и дядя Серёжа погибли.

Ещё один эпизод. Лето. Я один дома слушаю радио. Сперва тихая, спокойная музыка, а потом голос, торжественно-ровный и суровый: «После тяжёлых, продолжительных боёв наши войска оста-

вили город Ворошиловград». Это был первый украинский город, сохранившийся в моей памяти.

Война затем откатилась далеко на запад, туда, откуда она и пришла, но долго ещё в ближних, пригородных лесах мы, послевоенные мальчишки, обнаруживали её зримые следы. Мы залезали в брошенные доты и блиндажи, находили повсюду каски, гильзы от патронов и снарядов, заржавевшие винтовки и автоматы, неразорвавшиеся ручные гранаты. Иногда гремели взрывы. Война убивала и калечила уже и в мирное время.

В первом классе у нас были уроки военного дела. Наш военрук Василий Миронович учил нас построениям и ружейным приёмам на школьном дворе в метель и стужу.

Пусть война навсегда остаётся только в наших воспоминаниях, ибо на свете много интересных и стоящих дел и помимо «военного».

Новошицкий Александр Николаевич

Родился 26 июля 1936 года.

Доцент экономико-правового факультета.

СВОИХ ДЕТЕЙ ЖАЛЬЧЕ

Родился 26 июля 1936 года в Ашхабаде. Война застала меня в селе Кумары Первомайского района Одесской области. Жили на берегу

речки Кодыма. Отец прятал двух коммунистов (кажется, Сидоренко и Вайсьмана). Прятались они в сарае для сена. Немцы их не нашли. Когда было объявлено, что при неявке их в комендатуру будут расстреляны члены их семей, Сидоренко пошел в комендатуру. Думаю, он поступил правильно: у него было много детей. Он должен был их спасти от расстрела. Не выдержав пыток, он, видимо, сказал, что прятался у Новошицкого и, что Новошицкий об этом не знал. Иначе отца расстреляли бы.

За отцом пришли. Привел их сельский староста (фамилию забыл). Отца дома не было. Мать сказала, что не знает, куда он ушел, ее стали бить палкой, на которую натянут гофрированный шланг. Вскоре пришел отец. Староста бить мать перестал. Отца арестовали. Сидел он в здании сельсовета. Под утро, когда немцы уснули, отец сбежал. Но пошел он не домой, а в камыши. К нам опять пришли. Они заставили нас с матерью ходить по камышам и кричать, чтобы отец вышел, иначе нас расстреляют. Когда это ничего не дало, нас опять отвели в дом и предупредили: если отец сам не сдастся, нас расстреляют. Когда они ушли, мать сказала, чтобы я пошел поиграть. Я пошел, но сразу вернулся (забыл игрушку). Зайдя в дом, я увидел, что мать повесилась. Я позвал соседа Фарфурея. Он побежал к нам так быстро, что я за ним не успевал. Когда прибежал, то увидел, что он веревку уже перерезал и пытается мать оживить. Ему это удалось.

После этого я от матери не отходил до самой ночи. Ночью кто-то постучал. Я вышел и увидел бабу, страшнее бабы Яги. Это был отец. Юбку он сделал из какой-то тряпки, на голову натянул другую тряпку и т. д. Он сказал, чтобы мать вышла на Кодыму.

Уже, будучи кандидатом наук, я не мог понять, почему мы своих детей жалеем больше, чем чужих. Мне надо было найти оправдание поведения матери — хотела повеситься, оставляя 5-летнего сына на произвол судьбы во время войны, поведения Сидоренко — сам пошел признаваться, у кого прятался, наверняка зная, что расстреляют, у него было много детей.

Мне надо было найти оправдание или признать вину матери и Сидоренко. Я пошел на биофак ДонНУ, чтобы мне вразумительно объяснили, что у нас в мозгу происходит во время принятия таких решений. Там мне сказали о том, что я знал 50 лет назад: своих детей «жалеть», чем чужих.

Помню, как я с матерью и другими женщинами села ходил к военным, прятавшимся в камышах в 2–3 километрах от села. Женщины сказали, что принесли им еду. Вспоминаю, как они ее делили: кому достались сало и хлеб, кому — огурец и лук, кому какая-то другая еда. Какой-то офицер подошел к матери и спросил, нельзя ли у неё на время спрятаться и нельзя ли найти какую-то одежду, чтобы уйти к своим. Мать согласилась, а отец нет, поэтому мать договорилась с подругой Дорой, что он временно спрячется у нее. В том же доме жил батюшка. Как только офицер пришел к Доре и спрятался в копне соломы, батюшка его выдал. Последовал арест. К счастью, он остался жив. После войны приезжал в деревню, привез мне подарок — велосипед.

Так как деревня много раз переходила из рук в руки, оставалось много всякого оружия. Я собирал и прятал его, на всякий случай. Когда бои отошли, мы развлекались тем, что взрывали оставшиеся снаряды и гранаты. Сжигали скаты танков на резиновом ходу. Было интересно. Чудом мы оставались живыми.

Через какое-то время отца вызвали в военкомат для призыва в армию. Перед уходом отец стал учить меня, как пользоваться винтовкой и автоматом. Но через пару дней отец вернулся: на войну его не взяли по состоянию здоровья.

Когда родители развелись, мать отвезла меня к бабушке в Сталино (сейчас Донецк). Бабушка была директором кладбища. Писать и читать она не умела. Когда она уходила на базар, в магазин, мне показывала, где разрешать копать могилы. Я эту работу выполнял.

Хотя был голод, мне на кладбище жилось терпимо. За то, что я показывал, где копать могилу, люди давали еду: кто кусок хлеба, кто пряник, кто конфету. Кроме того, я ухаживал за могилками людей, похороненных раньше, и получал за это вознаграждения — деньги и продукты. Одним словом, на кладбище жить было можно. В разбомбленной школе рядом с машзаводом пряталась группа мужчин, занимавшихся, видимо, кражами и грабежами. Они меня подкармливали. Убийств и краж в то время было много. Но на убийства и на кражи я с ними не ходил, был мал ростом и возрастом, но выполнял мелкие поручения: узнать, где живет, есть ли собака, и т. д.

В с. Кумары я окончил 6 классов. Приехал в г. Сталино, поступил в 7 класс школы № 81, но преподаватель истории сказал директору, что я не умею читать. Меня вызвали к директору и попросили прочитать абзац. Я прочитать не смог, так как в деревне ходил в школу 1 или 2 раза в месяц. Был голод. В весенние и летние дни «выливал» сусликов: мясо съедали, а шкурки сдавали за деньги. Кроме того, ели траву лободу. Я до сих пор ее ненавижу, так она мне в войну надоела. Собирать колоски после уборки урожая нельзя было: это была кража, за которую — тюрьма.

Меня 3 раза исключали из школы: 2 раза за курение и 1 — за драку. В школе учился очень «блатной» Г. Донец, которого все боялись и, который всех бил по праву сильнейшего. Но я из деревни, а потому не знал, что его надо бояться. Однажды он оповестил всю школу, что на большой перемене будет бить «хохла». Сбежалась вся школа посмотреть. Драка прошла «нормально». После драки приехала скорая помощь, его забрала, а меня — в третий раз исключили из школы. Когда я рассказал об этом отцу, он пошел к директору и меня восстановили. После этого меня никто не бил. Сработало правило: бьют того, кто позволяет себя бить. Потом судьба сводила меня с Г. Донцом еще 2 раза — в судебных процессах по привлечению его к ответственности за кражи.

Мне было только четырнадцать лет, а впереди — вся жизнь.

Острась Эдуард Сергеевич

Родился 15 июня 1935 года.

Доцент исторического факультета.

МОЕ ДЕТСТВО

Жили мы в селе Мартыновка Сумской области. Когда началась Великая Отечественная война, мне было 6 лет. Первые воспоминания о войне связаны с событиями 1941 года.

3 июля 1941 года мой отец, сельский учитель, вместе с другими колхозниками уходил на фронт. Я хорошо запомнил проводы. Жены, матери, дети прощались со своими родными.

Помню небольшой ручей, который протекал в нашем селе. Там же была плотина, у которой расположился сборный пункт. Со всех сторон в сопровождении жен и матерей шли туда мужчины. С этого июльского дня начинаются мои детские воспоминания о войне.

Когда ушли мужчины, в нашем селе уже некому было работать. А ведь оставалось большое колхозное хозяйство, много скота: коровы, быки, лошади... Осенью убрали урожай, до самих снегов и морозов копали сахарную свеклу. Работали с сентября по декабрь. Когда немцы подошли ближе, и были всего в нескольких десятках километров от нас, с амбаров, в которых хранилось зерно, сняли замки, чтобы каждый брал себе зерно, кто сколько мог. В селе все изменилось — скот угнали. Стало нелегко. Кроме зерна-то уже ничего и не оставалось.

Вскоре пришли немцы. Была осень, холодный октябрь, только выпал первый снег. Обувь у немецких солдат и офицеров была грязная, а сами они — небритые и неряшливые. Их головы были укутаны шерстяными платками.

Мальчиков всех возрастов в селе прятали от немцев, в том числе и меня. Это было связано с тем, что распространился слух, будто

всех мальчишек оккупанты уничтожают. Я подолгу сидел на печи. Меня загоняли в угол, подальше, чтоб не увидели.

Обычно, заходя в дом, немецкие солдаты, прежде всего, искали продовольствие — мясо, мед... Отбирали все, что можно было употребить в пищу. Если оставался скот, — забирали. К середине дня немцы разводили на огородах большие костры и жарили забитых свиней. При этом любили хорошо выпить.

Власть в селе была немецкая. Жители пытались как-то отстоять свои права. Кто-то подсказал, что нужно выбрать своего председателя из местных. Выбрали. Ему поручили власть в селе, но немцы вывезли его в поле и расстреляли. Через несколько дней председателем сельсовета был назначен некий Тимошенко. Насколько я мог понимать, он, как в известном фильме, был то за немцев, то за наших, и так несколько раз, пока его не расстреляли партизаны.

Зима 41-го года была лютой и очень снежной. В январе-феврале партизаны (село с трех сторон было окружено лесами) установили с местными жителями тесную связь. Партизанам пекли хлеб, меняли одежду, собирали для них необходимую информацию. Все это делалось тайно. Немцы в это время уже ушли, но назначили очередного старосту, который следил за порядком.

Постепенно в село начали возвращаться солдаты из местных жителей. Кто-то чудом избежал плен и вернулся, кто-то был ранен, кто-то инвалид. В основном они приходили с Юго-Западного фронта.

Предательницей в селе стала директор школы. Она была дочерью бывшего купца и быстро нашла общий язык с немцами. Она умела гадать на картах, предсказывала судьбу, общалась с полициею, с которыми вместе пили, гуляли, веселились. Стали уже организовывать полицаев из местных селян. Ее сын тоже стал полицаем, ходил с винтовкой по селу, «порядок поддерживал». А в купеческом доме тем временем продолжалось веселье и гадания. Немало людей к ней шло за этим. В купеческий дом часто заживал Стрижак — старший, который в коллективизацию был раскулачен. У них с директрисой были схожие взгляды. Стрижак играл в карты, любил играть на гитаре. Конечно же, вместе они и пили. На выпивку собирали неплохой урожай буряков, из которого гнали самогон. Пили и местные жители. Лишенные всего, всех средств на существование, они пили от безысходности.

У Стрижака был сын Петр. Он вошел в состав местной полиции. Здоровый, румяный парень, пьянствовал каждый день. У него было большое хозяйство в то время: две большие хаты, сад, огород... Парти-

заны убили его. Помню, вместе с ним была убита и какая-то монашка, появившаяся в нашем селе. Вот только за что, никто не знал.

Жестоким оказалось лето 1942 года. Наряду со скотом в Германию стали угонять людей, забирали девушек и женщин.

Зимой женщины-солдатки избрали в селе нового старосту Антюхова. Он — бывший мельник, безрукий инвалид. Воспитал двух сыновей-летчиков: один — майор, другой — капитан и трех дочерей. Староста Антюхов отбирал у людей коров для отправки в Германию. Но если семья была большая — оставлял. В нашей семье было четверо детей, поэтому у нас корову не взяли.

Помню, отобрали корову у тетки Агафьи, она тогда одна жила. Это к ней в 1944 году вторым, из тех, кого ждали с войны, вернулся муж Филипп. Был ранен, ходил на костылях. Наш староста Антюхов не ладил с ними: Филипп жаловался на него в советские руководящие органы, что тот, якобы, служил немцам. Антюхова судили. Это вызвало возмущение почти у всех жителей села. Сыновья Антюхова были на фронте, а потом, после 1945 года, учились в Московской военной академии. Но, когда посадили отца, как врага народа, парней исключили из академии. О дальнейшей их судьбе я не знаю.

Подлинная трагедия случилась в нашей Мартыновке в июне 1943 года. На расстоянии 3—5-ти километров друг от друга располагались 5 сел. Вокруг были леса, в них скрывались партизаны. В один из дней немцы и полицаи ехали из нашего села в соседнее. Они были пьяны. Партизаны расстреляли их всех — 21 человека.

К вечеру 15-го июня в село вошли немецкие танки. Остановились на дорогах. Рано утром 16-го июня всех жителей Мартыновки согнали на площадь. Находясь на площади, мы видели, как немецкие солдаты пошли по селу грабить хаты, выносили все, даже ткани и посуду.

Но трагедия была в ином. Накануне в селе арестовали 16 комсомольцев — подпольщиков. Их пытали, жестоко истязали, были слышны жуткие крики. Потом вывели на улицу, и тянули мимо нас, окровавленных, избитых до полусмерти.

На этом ужасы не прекратились. Полицаи подошли к людям на площади, выбрали 12 человек, в основном мальчишек лет 9—10-ти и стариков, и отвели за церковь. Была слышна пулеметная очередь. Немцы говорили, что расстреляли их за связь с партизанами. Затем снова отобрали 12 человек, отвели за церковь, но, как выяснилось, их не убили, вернули живыми, только пугали пулеметными очередями.

А вот комсомольцев, уже в бессознательном состоянии, бросили в кузов грузовика, отвезли к мельнице и сбросили в шурф. Полицей Петр

Стрижак, который выследил их и сдал, позже сбежал с немцами. Потом от него приходили письма из Канады. Он писал в село родственникам. Боялся, что его могут посадить или казнить, если вернется. Ему ответили однозначно, если вернешься — на куски изрубим.

В тот день измученное население ожидало своей участи. Люди не знали, что с ними будут делать дальше. К вечеру пригнали крытые черным брезентом машины и стали в них «набивать» людей, не объясняя, куда повезут потом. А потом был концлагерь. Он располагался в 7-ми километрах от нас, в селе Олешня. Участок на сухом лугу был обнесен колючей проволокой. Вся наша семья попала туда.

Помню, на территории был размечен прямоугольник. По углам участка, где держали нас, на уровне 2-го этажа стояли немцы — гестапо. Все с собаками и с пулеметами. Еды не было. Единственное, что нам позволялось здесь — пить воду из колодца, который находился на территории. На второй день привезли жителей еще из четырех сел. Два села сожгли дотла за то, что местные жители были связаны с партизанами. Кто-то их сдал. Обвиняли нескольких женщин. В селах Братское и Овадивка женщин загнали в хату, забили ставни и подожгли.

Нас три дня не кормили. В селе Олешня был свой комендант. В свое время там обосновалась религиозная секта штундистов. Местный полицай охранял нас. Староста секты добился приема у коменданта, толстого немецкого капитана, и убедил его покормить людей. По его разрешению староста секты штундистов проехал по селу и собрал, что, кто мог дать на пропитание. На четвертый день запряженные в телеги коровы привезли еду. Подъезжала телега с одной стороны, а мы подходили с другой стороны колючей проволоки. Штундисты раздавали продукты через проволоку. Мне достались две картофелины. На следующий день дали по куску хлеба и миске кулеша.

Через две или три недели пребывания в концлагере нас начали разводить по экономиям (колхозам) для прополки проса и других работ. Но слухи о победе в Курской битве изменили планы немцев. Нам разрешили вернуться в село.

Село было пустое. Ни собак, ни кошек, одни полицайи с женами. Все разорено, разграблено, инвентаря никакого.

19 августа 1943 года нас освободили. На следующий день, как свидетельство восстановления советской власти, кто-то повесил вывеску «колхоз «Червоний жовтень». Через село на запад прошли немногочисленные колонны наших солдат.

Мне шел восьмой год.

Пелашенко Ірина Іванівна

*Народилася 1 травня 1938 року.
Доцент факультету іноземних мов.*

ПРО ПОКОЛІННЯ ДІТЕЙ ВІЙНИ КРІЗЬ ПРИЗМУ СПОГАДІВ

Запрошення взяти участь у створенні третього тому спогадів ветеранів університету викликало у мене суперечливі почуття. З одно-

го боку — це дуже почесне доручення, а з іншого — це велика відповідальність свідчити про цілу епоху, про ціле покоління людей, котрих називають «дітьми війни». Відразу постав сумнів, наскільки адекватними тій дійсності можуть бути спогади — свідчення дитини, якій на початку війни виповнилося лише три роки. Проте десь із глибини душі несподівано з'являється переконання: писати треба, адже ці події відбувалися на твоїх очах. Але у якій формі? І знову свідомість підказує: це, очевидно, має бути діалог двох поста-

тей в одній особі, що уможливить поєднання образного дитячого сприйняття з раціональною оцінкою і баченням тих подій на основі широкої і водночас неоднозначної інформації людиною з великим життєвим досвідом. У такий спосіб описувані події мають постати перед молодим читачем у більш осяжній і рельєфній формі.

Повертаючись у думках до тих далеких часів, помічаю, що образи і картини, які залишилися у пам'яті, схожі на деякі кадри з фільмів про війну. Отже, перший кадр зафіксував у моїй пам'яті таку картину: серед білого сонячного дня над нашим містечком Оріхів, що на Запоріжжі, з'явилися німецькі літаки. Вони летіли так низько, що можна було розгледіти чорні хрести і навіть постаті пілотів. Зчинився галас, лунали зойки, крики: «Німці летять, будуть бомбити місто...». Всі кинулися ховатися. Моя родина: бабуся Анна, три сестри, бабусині доньки, які на початку війни після мобілізації чоловіків

з'їхалися з різних міст до батьківської хати, і троє дітей побігли ховатися у погріб. Це була споруда неподалік від хати, добре облаштована для зберігання всіляких запасів на весь рік ще моїм дідусем Федотом разом з синами. У погріб прибігли незабаром і кілька сусідів, бо такий фундаментальний погріб був на нашій вулиці один. Двері зачинили, і всі наче заціпеніли. Але навіть за зачиненими дверима було чути вибухи, які на всіх наводили жах. За декілька хвилин, які здалися вічністю, все затихло. Хтось боязко виглянув, обережно прочинивши двері. Зрозумівши, що літаки, скинувши бомби, полетіли, всі вийшли на подвір'я і з відчаєм побачили, що сталося за лічені хвилини з містом. Хоча наша хата та й більшість інших хат уцілила, однак враження було таке, наче палає все місто, і особливо яскраво у центрі. Заклопотані дорослі не помітили, як я, мій молодший братик і двоюрідна сестричка вибігли на вулицю, а потім подалися в центр. Мабуть, незвичайна картина і проста дитяча цікавість були сильніші ніж страх, а центр знаходився неподалік. Нас вразили руїни і згарища, які ми побачили. Ще більше налякані, ми помчали додому, де нас уже розшукували перелякані мама і бабуся. Як з'ясувалося із розмов дорослих, були зруйновані всі важливі будівлі міста: міська рада, двоповерхова школа, бібліотека, будинок культури, швейна фабрика, млин та інші споруди. Очевидно, це було цілеспрямоване бомбардування.

Ще одна картина виринає із пам'яті. На світанку наступного дня німці увійшли в Оріхів, прорвавши лінію оборони з боку Гуляй-Поля, де були задіяні всі чоловіки міста і навколишніх сіл, там вони всі й полягли. Зайнявши місто, німці відразу ж почали запасатися продовольством. Оріхів за своїм укладом був скоріше селом аніж містом, тому кожна родина жила в основному з того, що вирощено на присадибній ділянці, у полі, в садку. У кожному дворі були кури, качки, гуси, свині, а у багатьох ще й корови, бо треба було виростити здоровими дітей, котрих у сім'ях було двоє-троє, а то й більше. Не оминули німці й наше подвір'я. Я бачила, як кілька солдатів забігли у двір і почали ловити курей і качок, тягли за задні ноги кабанця. Все це вони завантажили у кузов машини і поїхали, зовсім не зважаючи на голосіння та благання мами залишити хоча б щось для дітей.

У містечку військова частина затрималася недовго, дуже скоро вона посунула далі, залишивши намісників — поліцаїв із місцевого населення. А голодне і холодне містечко, жінки з дітьми та старі, залишилися виживати. Потягнувся довгий, виснажливий воєнний час. Але дитяча пам'ять чіпляється за більш приємні спогади, і на думку спа-

дають наші дитячі розваги. Чомусь краще запам'ятався зимовий період. Зими були люті, з великими кучугурами снігу, тріскучими морозами, які вночі розмальовували примхливими візерунками шибки підсліпуватих вікон, з сильними снігопадами. Розповідали, що за ніч сніг так засипав хати, що деякі сім'ї опинилися у сніговому полоні і не могли без допомоги сусідів вибратися з хати. Проте в моїх дитячих спогадах ті зими залишилися казковими і чарівними. Отак, прокинувшись вранці, швидко поснідавши, ми втрюх вибігали на вулицю, де вже збиралися діти з нашої вулиці. Вся ватага дітлахів, взявши санчата, у кого вони були, прямувала до «плантажів». Так мешканці Оріхова називали пагорби на околиці міста. На цих пагорбах, за розповідями бабусі, колись росли розкішні сади, серед яких був і сад, який належав бабусиній родині. На родючій землі, під ласкавими сонячними променями визрівали надзвичайно смачні фрукти. Багато врожаю вистачало на продаж, на їжу для багатодітної сім'ї бабусі, у якої було дванадцять дітей, і на заготовлю сушених, квашених різносолів, різних сортів варення. Пізніше ці сади конфіскували, вони стали нічийми, а відтак скоро шезли, і лише поодинокі дерева і кущі нагадували, що колись тут квітували сади.

«Плантажі» приваблювали нас своїми пагорбами, з яких можна було азартно мчати на санчатах, а то й просто на якій-небудь дощечці. Тут ми почувалися безтурботними, забували про голод, холод і навіть про час. Додому ми поверталися лише тоді, коли відчували, що від морозу задерев'яніли руки і ноги, промерзли ніс і шоки. Бабуся, яка залишалася вдома на «хазяйстві», зустрічала нас докорами і неодмінним запитанням: «Де вас чорти носили?»

Притягувала нас, наче магнітом, і річка Конка, яка через Оріхів прямує до Дніпра. Там була чудова, але досить ризикована ковзанка, на якій завжди було багато дітей з усього міста і де можна було ковзатися без ковзанів. Попри всі застереження дорослих, ми наважувалися ходити і на річку. Заборона робила ці походи таємничими, хоча про цю таємницю майже відразу довідувалася мама, і мені, як старшій, діставалося за ці авантюри.

Та найбільше мені запам'яталися вечори, коли вся родина збиралася у хаті, і дорослі могли приділити увагу дітям. Довгими зимовими вечорами основним заняттям було читання і розповіді. Особливу роль у вихованні у нас любові до читання, до слова відіграла старша мамина сестра — тітка Марія. Вона закінчила класичну гімназію і вважалася в родині дуже освіченою і начитаною. З її вуст ми вивчили багато віршів, байок, балад, оповідань, вона рано навчила нас

читати. Полюбляли ми слухати і бабусині казочки. І через роки я пам'ятаю ту особливо затишну родинну атмосферу, дух колективізму і взаємної підтримки, які панували серед дорослих і дітей. Пам'ятаю місцевість і природу. Все це стало невід'ємною частиною моєї свідомості і витоками глибокої пошани та любові до близьких, до рідного краю.

Помітивши мій потяг до читання, мама записала мене до бібліотеки. Після того, як німці розбомбили довоєнне приміщення, бібліотека знаходилася у тісній кімнатці у центрі міста. Мене мало турбувало убоге приміщення, воно здавалося мені особливим мабуть тому, що саме у цій бібліотеці для мене відкрився захоплюючий світ самостійного читання. Читала я багато, без особливого розбору і надзвичайно швидко. Бібліотекарка спочатку недовірко поставилася до незвичайної читачки, але згодом, пересвідчившись, що я дійсно уважно читаю всі книжки, на певний час стала порадицею у виборі книг. З погляду сьогодення, читання книг, відвідування бібліотеки можна визначити як основну прикмету того часу, бо не тільки у нашій родині, але й у інших і дорослі, і діти масово читали, обговорювали прочитане, а бібліотека була улюбленим і найлюдянішим місцем. Книга була не тільки джерелом інформації, але й важливим засобом формування мисленнєвої діяльності дітей. Це я могла спостерігати на власному досвіді, бо ще у дошкільному віці навчилася слідкувати за розвитком подій і поведінкою персонажів, оцінювати і порівнювати їх, зіставляти прочитане з дійсністю, шукати відповіді на численні запитання. Книги, поряд з родиною, визначили мої вартісні орієнтири і стереотипи поведінки.

З воєнних років запам'яталися ще два епізоди. Перший пов'язаний з тим, що одного дня у місті з'явилися поклеєні листівки. Прочитавши одну з тих листівок, а потім із розмов вдома я дізналася про Зою Космодем'янську і її подвиг, про що і йшлося у листівках. Ця подія сколихнула все місто, всі тільки й говорили про те, що сталося. На дитячий розум ця подія справила незабутнє враження. Героїня не здавалася мені абстрактною фігурою, вона була конкретно людиною, схожою на тих, хто мене оточує, але водночас було зрозуміло, що це особлива, неординарна людина, особистість. Її сміливість, рішучість, готовність пожертвувати життям задля інших викликали роздуми і захоплення. І коли пізніше, у старших класах, ми писали твори про героїв війни (це була улюблена тема того часу) висловлювання на кшталт «величність подвигу»; «пожертвувати своїм життям»; «відданість Батьківщині і народу»; «вдячні нащадки

вічно пам'ятатимуть, кому вони завдячують своїм життям» — не були для нас просто гарними, гучними словами і фразами. Це було переконання і типове сприйняття тих подій, сформоване під впливом особисто пережитої дійсності.

Другий епізод повертає мою пам'ять до тієї щасливої, радісної миті, коли прийшла звістка про закінчення війни. Неможливо знайти слова, щоб передати ту атмосферу радості і щастя, змішаних з болем, скорботою і відчаєм, бо майже всі жінки, ще молоді, залишилися з дітьми без чоловіків. Не повернувся з війни і мій батько. Але в ту щасливу мить усіх об'єднувала надія і упевненість у краще майбутнє.

Якщо військові роки збереглися у пам'яті як окремі кадри, то спогади про перший клас і повоєнні шкільні роки можна порівняти з повнометражним фільмом того часу. Я добре і в подробицях пам'ятаю той період мого життя не лише тому, що я стала дорослішою, але й тому, що моя мама, Катерина Федотівна, була вчителькою молодших класів. Школа, шкільні будні і свята стали тією стихією, у якій формувалося розуміння і бачення моєї майбутньої професії, мого місця у житті.

Згадуючи про ті роки, я низько схиляю голову перед громадянським подвигом вчительок післявоєнного періоду і, в першу чергу, перед світлою пам'яттю моєї мами. Сьогодні важко повною мірою досягнути і осмислити, як у тих жахливих умовах, коли класи розміщувалися у тісних, темних і холодних приміщеннях, розкиданих по всьому місті, коли в класах було по 45 учнів різного віку, адже в перший клас пішли одночасно діти восьмирічного віку й ті, котрі через війну не мали змоги своєчасно піти до школи, коли бракувало абсолютно всього, годі й перелічувати, їм удавалося навчити всіх читати, писати, розв'язувати задачі, навчити основ історії, географії, природознавства. Зрозуміло, що досягалося це ціною неймовірних зусиль і нестримним бажанням та прагненням виховати освічених і всебічно розвинених дітей.

Я добре пам'ятаю, як прокинувшись удосвіта, мама поспішала у свій клас, що знаходився на околиці міста, а я вирушала трохи пізніше, бо мій клас знаходився ближче до нашої домівки. Моєю першою вчителькою була мамина подруга Олександра Марківна. Поверталася мама надвечір, бо після п'яти-шести уроків вона залишалася у класі й допомагала виконувати домашні завдання або пояснювала матеріал тим учням, котрі не зрозуміли його на уроках, котрі з якихось причин не встигали або чиї батьки не могли допо-

магати дітям у навчанні, чи прослідкувати за їх навчанням. Таких дітей збиралося багато і до кожного треба було знайти підхід і кожному допомогти.

Повернувшись додому, мама допомагала бабусі впоратися з домашніми турботами. А потім при світлі газової лампи (електрику і радіо провели на нашій вулиці пізніше) готувалася до наступного дня, перевіряла зошити. Я помітила, як від голоду, постійного перевантаження і клопотів змарніла мама, і мені дуже хотілося чимось допомогти їй. Уже в другому класі мама довіряла мені перевіряти зошити кращих учнів, бо знала, як уважно і прискіпливо перечитую я кожний рядок, кожний приклад і задачу. До того ж вона була впевнена, що в каліграфічно написаних роботах її відмінників майже не буває помилок.

На моїй пам'яті якість навчання учнів молодших класів жорстко контролювали інспектори з районного відділу освіти. Знання з основних дисциплін перевірялися письмово й усно, контрольні роботи складали самі перевіряючі і зміст їх був суворо засекречений. Звичайно, і вчителі, і учні хвилювалися підчас таких перевірок. Я полегшено зітхала, коли мама, повернувшись після чергової перевірки, стомлено і з гордістю повідомляла, що відмінники підтвердили п'ятірки, а решта учнів справилися з завданням, звичайно, з різним успіхом. Я поділяла мамину гордість, бо й сама знала, як нелегко було виконати всі завдання, а ще важче було підтвердити відмінні оцінки.

Співи, фізкультура, малювання не належали до основних предметів, які перевіряли й оцінювали інспектори, але до цих уроків учителі ставилися не менш відповідально. Уроки співів були фактично майстернею для підготовки програми огляду художньої самодіяльності учнів, який на першому етапі проводили серед класів, а потім кращі номери від класів, шкільний хор і солісти брали участь у районній олімпіаді, на якій визначалися переможці серед шкіл міста. Заключним етапом огляду була обласна олімпіада, на якій місто представляли кращі з кращих. Ця добре відома і на перший погляд зовсім проста система організації художнього виховання, давала вражаючі результати. Кожен учень, починаючи з молодших класів, відчував себе причетним до цього художнього дійства. А олімпіади перетворювалися на справжні свята мистецтва, на яких ніхто не залишався байдужим, незалежно від своєї ролі: глядач, вболівальник, безпосередній учасник або й призер олімпіади.

Особливе місце у шкільному житті займало фізичне виховання школярів. У школі завжди вирувало жваве спортивне життя: численні

секції, спортивні команди, змагання, спартакіади, підготовка і здача норм ГТО... Тут, дійсно, кожен міг знайти собі заняття до вподоби. Але любов до фізичної культури виховували ще в молодших класах, і цьому сприяла велика програма, яку здійснювали вчителі. Це не тільки уроки фізкультури, які і взимку, і навесні проводилися на свіжому повітрі і були насичені цікавими іграми, різноманітними комплексами вправ, змаганнями. Майже систематично проводилися також екскурсії, походи, просто прогулянки після уроків. І все це робили вчителі за покликом душі....

Сплили роки і десятиліття, зросли нові покоління, і вони, звичайно, інші, і це природно, але не можна не помітити, що на генетичному рівні вони успадкували все те краще, що було властиве попереднім поколінням, у тому числі й поколінню дітей війни.

Пиццога Вероника Николаевна

Родилась 26 мая 1938 года.

Ассистент химического факультета.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МОЕМ ДЕТСТВЕ

Мой отец, Литвинов Николай Никонович, 1905 года рождения родился в г. Ленинграде. Был кадровым военным с 1926 года. 6 июля 1941 года погиб на фронте Великой Отечественной войны в г. Речице Гомельской области при отступлении войск. Отец служил командиром роты ПВО в 23 стрелковой дивизии (75 гвардейской) 117 полка. Этот полк дислоцировался до войны в Латвии на берегу Даугавы (западная Двина) в военной крепости. Наша семья до начала войны: отец, мать, десятилетний брат, я, трехлетняя, и восьмимесячная сестра жили год в крепости. Отцу разрешили эвакуировать семью за Волгу только после объявления войны. В дороге наш состав разбомбили самолеты врага, и нас пересадили в проходящий поезд. За Волгой состав разгрузили прямо на песчаном пустыре. Без документов, сгоревших в разбомбленном вагоне, в бескрайнем, казавшемся пустынным поле, оставаться умирать не хотелось, и тогда мама решила вернуться к своей матери в Курскую область, где еще не было немцев. По дороге к бабушке от голода умерла моя сестра. Мы с братом оставались живы, т. к. могли съесть какую-то корочку. Бабушка жила у старшей маминой сестры. Сюда через некоторое время приехала мамина младшая сестра с четырьмя детьми. Год жили все вместе, а потом перешли на частные квартиры. Мама продавала вещи, которые отец переправил нам багажом, это помогло не умереть от голода.

В 1946 году нам назначили пенсию за погибшего отца. Мы с братом все-таки надеялись, что папа жив, и, когда закончилась война,

еще долго ходили встречать машины, привозившие демобилизованных солдат домой. Но в район возвратилось очень мало живых. Началось трудное, очень голодное время. Люди умирали на улице. Городок был маленький, все друг друга хорошо знали, и смерть каждого была общим горем. Очень страшно было нам, детям, видеть тела умерших на крылечке, под забором и в самых неожиданных местах. Брат не выдержал, оставил учебу в школе, поступил в ФЗУ. Ему досталось в жизни еще больше, чем мне — голод, холод, тяжелый труд. Семьи у него не было. Умер в 51 год от инсульта. Пока был дома брат, он мной занимался. Ходили на рыбалку, в лес и там собирали все, чем можно было питаться. Ели акацию, щавель, дикий чеснок и т. д.

Пошла в школу в 1946 году. Пока было тепло — еще ничего, а потом начались холода. Одеть и обуть мне было нечего, брат давал свою одежду и обувь. Пока в школу добреду — ноги мокрые, пальто волочится по воде, сама мокрая, а в школе холодно. Благодаря тому, что дети помогали друг другу (училась с детьми из детского дома), — это нас спасало. Летом, конечно, было легче. Все это время не было достаточно хлеба, света, жили по частным квартирам.

Прошлое очень тяжело вспоминать, но и забывать нельзя. Хочется, чтобы мои дети и внуки такого никогда не пережили.

Прилепская Алиса Николаевна

Родилась 6 января 1935 года.

Доцент международного факультета.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Я родилась 6 января 1935 года, и годы войны прошли по моему детству. С рождения и до 18 лет я жила в г. Новошахтинске Ростовской области. Должна была идти в школу в 1-й класс в 1942 году, но в это время наш город находился в оккупации. Все школы были закрыты, в них расположились немецкие солдаты, их кухни и службы. Офицеры расселились по жилым домам, выгоняя наших людей в сараи и подсобные помещения. Родители запрещали детям выходить на улицу и попадаться на глаза фашистским солдатам.

Я хорошо помню этот период. Мой отец прямо из института в г. Ленинграде пошел на фронт, я осталась с мамой, бабушкой и бабушкой. Мама до войны работала в редакции местной газеты «Знамя шахтера». Она не смогла вместе с семьей эвакуироваться. Во время оккупации никакого снабжения населения продуктами не было. Моя мама меняла одежду на продукты в сельской местности, собирала колоски и оставшиеся на полях овощи. Полицаи из местных жителей преследовали людей на полях вокруг города, стреляли из винтовок и пулеметов.

В городе бесчинствовала «новая власть». Немцы собирали сведения о коммунистах и евреях, а затем их вывозили за город и в балке расстреливали. Были и такие, кто, спасая свою жизнь, выдавал других, но немцы расстреливали и их.

Дорогую цену заплатили новошахтинцы за победу над врагом. 3200 жителей города не вернулись с поля битвы, многие из них были награждены высокими наградами и стали героями Советского Союза. В городском парке культуры и отдыха, где горит Вечный огонь, в поселках установлены памятники погибшим в борьбе с фашиста-

ми на поле боя и в тылу. На предприятиях города открыты мемориальные доски с именами погибших земляков, которые работали там.

Во время оккупации Новошахтинска в городе действовала подпольная организация, которая активно боролась против оккупантов. Благодаря подпольщикам, фашисты не отправили в Германию эшелон, в котором было около двух тысяч советских юношей и девушек. Многие новошахтинцы, которые вели борьбу с фашистами в оккупированном городе, не дожили до Дня Победы.

При освобождении города в его окрестностях шли жестокие бои с тяжелой артиллерией. Мимо наших домов пролетали снаряды и иногда попадали в жилые дома. Немцы бомбили город, разрушали строения, погибали мирные жители. Помню, как мы и наши соседи сутками не выходили из подвалов, спасаясь от бомб и снарядов, как родители закрывали собой своих детей. Но судьба была милостива к моей семье — мы остались живы.

После освобождения города в районе временного аэродрома, который находился в поселке шахты, в балке Бугултай (южная окраина Новошахтинска) было обнаружено 29 рвов с трупами расстрелянных жителей города и окружающих хуторов. За время оккупации гитлеровцы расстреляли на несветаевской земле около пяти тысяч человек. Среди них и мой дядя Алейников Михаил Несторович, которому было 29 лет. Останки погибших перенесли на городское кладбище, захоронили в братской могиле, за которой ухаживают все горожане.

Наш дом был рядом с городским парком. Однажды я и все жители наших домов видели, как по улице Садовой ехал обоз лошадей с телегами, на которых горой лежали трупы в шахтерской одежде, измазанные угольной пылью, в резиновых высоких калошах. Людей забирала прямо из шахты и везли на расстрел. Это жуткое зрелище стоит перед моими глазами всю жизнь. Такое нельзя забыть никогда.

Братская могила была в центре города, в городском парке, и похороны шли несколько дней. В эту могилу родственники изменников пытались похоронить тела предателей, доносчиков, прислужников фашистам, но народ стал стеной и не позволил поганить могилу.

Наш город освободили в феврале 1943 года. Началось восстановление разрушенных шахт, предприятий и школ. В начальной школе объединялись в классы близкие по возрасту дети, учеба которых была прервана оккупацией. В ускоренном темпе, за один год мы прошли программу 1-го и 2-го классов. Я закончила школьное обучение в 1952 году.

Жизнь начала восстанавливаться. Но трудные годы войны и годы оккупации навсегда остались в моей памяти как страшный и мрачный период жизни.

Прохорова Алла Николаевна

Родилась 10 июля 1936 года.

*Работник управления административной
и хозяйственной работы.*

УТРАЧЕННОЕ ДЕТСТВО

Проспект Гурова до войны назывался улицей Скотопрогонной. На этой улице, в отличие от теперешней Щорса, до Университетской, стояло 6 домов, в одном из которых я жила. Дом наш стоял на месте третьего учебного корпуса университета.

Нет более счастливой поры, чем детство. Но эта счастливая пора моего поколения закончилась с началом Великой Отечественной войны. Мы, дети, очень рано столкнулись со всеми трудностями того сурового времени. Наше детство сразу стало взрослым.

Я познакомилась с войной в первый день ее начала, когда папе вручили повестку явиться в военкомат. Он ушел на фронт, а я осталась с мамой и десятилетней сестрой Лилей в г. Сталино. Эвакуироваться нам не удалось, потому что не хватило места в кузове ни одного из грузовиков, на которых отправляли людей в тыл. Когда в город вошли немцы, мы увидели все ужасы войны.

До войны папа работал на станции Рутченково в конторе «Донбассжилстрой» инженером-строителем. Перед отправкой на фронт он сказал маме, чтобы мы переехали на время войны к знакомым в Рутченково, у которых был свой дом.

Именно там мы наблюдали, как немцы вступали в наш город. Шли молча, непрерывной колонной, в касках, с автоматами наперевес. Это было так страшно! Даже меня, маленькую девочку, обучал смертельный ужас.

Вскоре мы вернулись домой на улицу Скотопрогонную. Город постоянно бомбили. Люди, как могли, приспосабливались. Есть было

нечего. Засевали, чем было, огороды, меняли вещи, в общем, пытались как-то выжить.

По Скотопронной улице была проложена мостовая дорога. В войну по этой мостовой несколько раз проводили колонны наших военнопленных. Было очень холодно, но они шли, кто в шинели, а кто

*С подружкой Людой Лигостаевой (справа).
На втором плане здание Сталинского
пединститута (ныне филологический
факультет). 1939 год.*

раздетый. Со всех сторон бежали люди, мы тоже бежали вместе со всеми вдоль колонны. Пленные протягивали руки и просили что-нибудь поесть. Люди, что могли, выносили из дома и пытались им дать. Мы с мамой и сестрой бежали вместе со всеми. Мама несла чайник с кипятком и кружку. Немцы не разрешали близко подходить к колонне. Люди стали бросать под ноги пленным, что могли. Пленные пытались поднимать брошенное им, а немцы били их прикладами.

В семье соседей, с которыми мои родители прожили более десяти лет на одной площадке, в начале войны родилась девочка Таня, третий ребенок в семье. Эту девочку оставляли на меня, когда мама с соседкой уезжали менять вещи или обрабатывали огороды. Я ее кормила оставленным материнским молоком. Грела воду, купала эту девочку, одевала ее в кукольные одежды. У меня была большая кукла, которую мне подарил папа до войны, и одежда куклы была в пору этому ребенку. То, как мне, пятилетней девочке, удавалось справиться с грудным ребенком, теперь удивляет.

Однажды мама с соседкой ушли на огород, сестра Лиля с соседскими детьми пасла коз, а я осталась, как всегда, с маленькой Таней. Смеркалось, началась бомбежка. Я закутала малышку в свое пальтишко и выбежала с ней из дома. Я знала, что когда бомбят, находиться в доме было опасно. Я сидела во дворе и плакала. Мне было очень страшно. Вскоре вернулась мама и Лиля с козами, и весь страх ушел.

В нашей квартире жил немец. Однажды он принес зажаренный окорок и ушел. А Лиля, как раз, притащила бродячего кота в квар-

тиру. Каким образом пробрался кот в комнату с окороком, до сих пор загадка, но когда пришел немец, кот сидел на окороке и наслаждался едой. Немец застал кота на месте преступления. Мы услышали крик немца. Кот сумел убежать, а нам бежать было некуда. Разъяренный немец выскочил из комнаты и закричал: «Лиля! Komm her!» Побледневшая мама обняла Лилию, мы оцепенели. Я понимала, что немец мог застрелить Лилию на месте. Но, к счастью, он покричал, забрал окорок и ушел. Мы были спасены.

Когда немцы ели, запах распространялся по всей квартире. Мы, голодные, буквально теряли сознание от этого запаха. Еда нам снилась по ночам.

Вот таким было наше детство.

Нашим мамам некогда было заниматься нами, мы были предоставлены сами себе, но в то же время, четко знали свои обязанности. Без этого мы бы не выжили.

Там, где сейчас улица Университетская, в районе нашего университета проходила узкоколейка от станции Сталино. По этой узкоколейке однажды зимой подкатил состав, вагоны которого были битком набиты замерзшими трупами наших военнопленных. Они были одеты, кто во что. Многие в одном нижнем белье. Мне было очень страшно, потому что трупы были белые от мороза. Находившиеся в вагонах трупы, плотно стояли и были спаяны льдом. Их не могли оторвать от стен. Женщины подняли страшный крик, который сливался в один общий рев. В каждой семье был кто-то на фронте и все пытались рассмотреть, нет ли среди трупов их родных и близких. Немцы вываливали трупы из вагонов в большие, не очень глубокие ямы, которые были выкопаны в районе перекрестка нынешней улицы Университетской и проспекта Гурова. Одна соседка пыталась прыгнуть в яму, она кричала, что, якобы, узнала своего мужа. Это был дикий ужас для всех и меня в том числе. Увиденное преследовало меня еще очень долго.

Когда в 1943 г наши войска освободили г. Сталино, все стали восстанавливать город. Сразу же начал работать трест «Донбассжилстрой», куда устроилась работать моя мама. Папа продолжал воевать. Мама шила рукавицы из брезента для рабочих строителей. Она работала дома. Шила по 15 часов подряд, а я наматывала нитки на шпульку. Мама будила меня в 4 часа утра, и все время говорила: «Наматывай быстрее». Очень хотелось спать. Это был каторжный труд для ребенка, но я никогда не жаловалась и не отказывалась выполнять эту работу. Сестра сразу пошла в школу №3, которая на-

ходила очень далеко от дома на проспекте Дзержинского. Она вместе со своими сверстниками работала на восстановлении школы. Семиклассники подносили кирпичи на носилках.

Шел 1944 год. Война шла полным ходом. Папа был еще на фронте, а я пошла в первый класс. Вскоре я очень тяжело заболела коклюшем и, как следствие, двухстороннее воспаление легких. Температура за 40°C. Лекарств абсолютно никаких, и жизнь впроголодь. Я умирала. Мама помчалась в горздрав и на коленях стала просить лекарство. Как красноармейке ей дали одну таблетку сульфидина (жаропонижающее). Врач сказала: «Будет кризис, надежда только на организм ребенка». И таблетка тоже сыграла свою роль. Температура как-то стала понижаться и после кризиса болезнь отступила. Я осталась жива, но еще долго болела. Нужно было усиленное питание, а его не было совсем. Под конец года я пришла в школу. Сначала мы учились в здании библиотеки им. Крупской, т. к. здание школы № 2 было разрушено. В классе стояла буржуйка, в которую наша учительница Сара Ильинична подбрасывала уголь. Она посадила меня за свой стол лицом к классу, поближе к печке, и, помню, как дети с любопытством разглядывали меня. Мне стало стыдно и я разрыдалась.

Это всего лишь несколько эпизодов из моего детства.

... Моя подопечная Таня выросла, получила образование, защитила кандидатскую диссертацию и до сих пор называет меня мамкой. Я для нее осталась мамкой с самого дня ее рождения.

Папа прошел всю войну, был в Сталинградской мясорубке, дошел до Берлина. Вернулся домой, и сразу же пошел работать на свою прежнюю работу — строителем.

Мы пережили войну, послевоенную голодовку 1946—1947 гг., выросли, получили образование. Были мы уважаемыми на своей основной работе.

Самое страшное для нас, детей, — это постоянные бомбежки и непрекращающийся голод. Как это можно было перенести детям, теперь трудно даже представить, не только понять?!

...Прошли годы. Дети войны постарели, и почему-то многие оказались на «обочине».

А ведь дети войны достойны самого серьезного внимания, хотя бы за их утраченное детство.

Пшеничная Валентина Григорьевна

Родилась 26 октября 1931 года.

*Старший преподаватель
факультета иностранных языков.*

МЫ НЕ БОЯЛИСЬ ТРУДНОСТЕЙ, МЫ — ДЕТИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

В год празднования 65-летия Победы в Великой Отечественной войне я часто вспоминаю о том, как жилось нашей семье в то тяжелое для страны время.

Когда началась война, мне было 9,5 лет, и я не могла тогда понять, что происходит. В нашем прекрасно плодоносящем саду выкопали убежище в виде изгибающейся линии. Нам, детям, было непонятно, нужно ли будет прятаться в этом окопе. Но прятаться в нем не пришлось. Нашей семье было предписание эвакуироваться в г. Кустанай Казахской ССР. К тому времени два моих брата уже были в армии. Отец отправил нас с мамой и третьим братом в направлении г. Камышина на Волге, а сам еще оставался в городе, потом ушел, как стало известно, уже с войсками по направлению Сталинграда.

До станции Энгельса на Волге мы ехали на поезде, пропуская воинские составы из теплушек и открытых платформ на фронт, санитарные поезда из пассажирских вагонов на Восток. На санитарные составы было страшно смотреть, многие раненые были без рук, с полностью забинтованными головами, на костылях. Жители станций несли им продукты в сумочках, молоко в бутылках, надеясь узнать что-то о родных и близких. Живы ли они? Может быть, они тоже в этом составе?

Составы, идущие впереди нас и за нами, поочередно бомбили. Нас это, к счастью, миновало, но сколько страху мы натерпелись! До назначенной станции Кустанай мы так и не доехали. Я сильно заболела. Нашу семью сняли с поезда в г. Актюбинске Казахской ССР.

Поселили нас на окраине города в доме, где уже были другие эвакуированные. Я помню ленинградку-пианистку, которая с восхищением рассказывала о прекрасном городе, его пригородах, музеях, о музыке, и с болью — о блокаде города на Неве. Мама моя шила для бойцов фуфайки, рукавицы, солдатское белье, а я завязывала ниточки на этом белье. Занятие требовало усердия и трудолюбия.

Училась я в русской школе вместе с казахскими ребятами, мы с ними дружили.

После уроков и по воскресеньям ходили в госпитали, выступали в палатах перед лежащими ранеными, пели песни, читали им стихи и письма-«треугольники», которые приходили от родных, помогали медсестрам, скручивали бинты, выполняли просьбы раненых. Эти посещения учили нас милосердию, сочувствию и выдержке. А раненые, глядя на нас, вспоминали своих детей, семьи, и просили ещё и ещё раз прочесть их затертое письмо-«треугольник», сложенный из обычного листка школьной тетрадки, или открытку, с зачеркнутыми цензурой, словами.

С фронта пришло известие, что средний брат пропал без вести. Ему было всего 19 лет. Так он и живет в моей памяти девятнадцатилетним — не дожившим, не долюбившим. Вскоре младшего брата забрали в летное училище.

Жилось нам трудно. Из еды я помню только маленькие кусочки хлеба, жареное пшено и суп-«затируху» из муки, которую мама обменивала на нашу одежду. Вскоре мы переехали на другую квартиру, поближе к железнодорожному вокзалу. Мама, пройдя курсы, устроилась работать на компрессорную железнодорожную станцию компрессорщицей. Пайка хлеба стала чуть больше. Жили мы на квартире у тети Оли. У неё дочь была в блокадном Ленинграде, и мамы переживали за своих детей. Они стали подругами. Дружба этих военных лет оставалась на долгие годы, до самой их смерти.

В 1943 году мы все чаще принимали к радио во время передач от Советского «Информбюро». Войска подходили все ближе и ближе к Донбассу и, наконец, в сентябре 1943 года освободили наше родное Чистяково и другие города области. Ура! Мы были счастливы и плакали от радости. Начали собираться домой. Тётя Оля еле уговорила маму подождать, пока я закончу вторую четверть в школе.

По дороге домой мы заехали на пару дней к бабушке в Белгородскую область. Село было разрушено, но бабушка была жива.

Путь в Донбасс лежал через Харьков. Мы переезжали с одного вокзала на другой на грузовике. Город был сильно разрушен. Меня

поразили окна в домах: вместо выбитых стекол были вставлены стеклянные банки доньшками вовнутрь квартир.

С одним легким чемоданчиком, пустым бидончиком после варенья из моркови, которое нам дала хозяйка в дорогу, мы вернулись в Чистяково. Дом наш, большой и светлый, оказался занятым, пришлось поселиться в землянке. Я снова заболела. Выздоровев, пошла в пятый класс. В классе я была самая младшая, так как школа во время оккупации была закрыта и почти все мои соученики были на два года старше. Школа требовала ремонта. Мы вместе с учителями приводили её в порядок. Учились старательно. Учебников не хватало, мы заранее распределяли, кому, когда учить, у кого взять учебник. Тетрадей не было, из газет сшивали нитками тетради и писали между строк. Шариковых ручек тогда не было, писали ручкой с пером, а чернильницы в чехольчиках носили с собой. Запоем читали книги, передавая их друг другу, ходили в кино, а главное, дружно восстанавливали город: парк, стадион, газоны, сажали целые аллеи деревьев.

Лихолетье войны, недоедание, холод и болезни испытала каждая семья, особенно страдали дети. Родители работали с утра до вечера. Домашнее хозяйство и кухня были на нас.

В 1944–1945 годах семьям выделяли огороды. Два-три раза в неделю мы, дети, брали ведра и ватагой шли за 3 км поливать капусту, которая была подспорьем в нашем скудном рационе.

По дороге в лесочке вдоль реки рвали кислицы, дикие яблочки и груши. Радовались, когда находили калачики, паслён, а земляная груша была настоящим лакомством. Гардероб наш был более, чем скромным, но не главным в нашей жизни.

В сентябре 1944 года мы получили письмо от командира части, в которой служил мой отец. Он сообщал, что отец, старший лейтенант Беседин Григорий Иванович за доблесть и мужество в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками награжден третьей правительственной наградой — орденом «Красной звезды».

Много лет спустя, просматривая фотографии в альбоме старшего брата, я обнаружила фото отца, которое он прислал с фронта брату, служившему в это время офицером на иранской границе. Фото было подписано: «На память сыну Борису от участника обороны г. Сталинграда, участника ликвидации летнего немецкого наступления под Прохоровкой, Белгородом, Полтавой, Кременчугом, Кировоградом и вперед на Запад. С офицерским приветом, Беседин».

Впереди были ещё Румыния и Польша, и последнее фото на р. Висле. Оставалось 3,5 месяца до конца войны.

В феврале 1945 г. мы получили «похоронку» и сообщение о том, что Беседин Г. И. награжден орденом «Отечественной Войны» посмертно.

Горе великое, оно и сегодня отзывается острой болью в моем сердце. Из всей семьи осталась я одна и внуки, которым я рассказывала о жестокой войне, о стойкости и мужестве их прадеда. Я советовала им строить свою жизнь по его примеру. Вместо отца и брата в строю остались два брата и я.

В 1945 году меня приняли в комсомол, началась моя общественная работа. Сначала я была пионервожатой в младших классах, потом старшей пионервожатой в пионерском лагере, в институте — секретарем комитета комсомола факультетской организации.

Уже в Хабаровске, куда муж взял направление после окончания аспирантуры, я, работая старшим преподавателем немецкого языка, руководила профкомом огромного института, ныне он реорганизован в университет.

С 1965 года и по сей день не стою в стороне от общественной работы в ДонНУ, помогаю ветеранам в их нелегкой судьбе.

Наше поколение, воспитанное на примерах Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Алексея Маресьева, молодогвардейцев, — не боялось трудностей жизни. Мы, дети войны, получали образование, выбирали работу и учебу по своему желанию и возможностям. Были жизнерадостными, не питали чувства зависти и злобы, одевались в то, что было, ели то, что было, без выбора. Учились, получали стипендию, а мамина «десятка» в месяц была дополнительной радостью. После окончания вуза получали рабочее место по итогам учебы. С радостью шли на работу, а с работы — домой.

Поколение наше — поколение оптимистов, нас закалила сама жизнь. Любые трудности нам нипочём, потому что мы — дети победителей, в нас гены Победы, которая досталась нам большой ценой. Молодежь наша мало знает о жизни бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек, о тех военных годах. А жаль...

Симоненко Анатолий Ефимович

Родился 27 ноября 1939 года.

Доцент филологического факультета.

ОТЕЦ

Этот очерк я начал писать довольно давно. Часть его была помещена в факультетской стенгазете 22 апреля 1985 г.

Есть слова, которые хорошо знаешь, но никогда в жизни не произносил вслух. У меня одним из таких слов, к сожалению, является слово «папа». Правда, если быть совсем точным, я все же произносил это слово, но был еще таким маленьким, что не помню — отец ушел на войну, ушел навсегда, когда мне не было еще и двух лет. Он был кадровым военным и дома бывал так мало, что тогда я чаще называл его дядей. Меня поправляли, я говорил несколько раз «папа», но тут же забывал и снова называл дядей.

Естественно думать, что отца я не помню. И все же это не так. В моей памяти сохранился такой эпизод. Я сижу на коврикe в каком-то коридорчике и «исследую» гармонь (потом я узнал, что у моего старшего брата Володи действительно была гармонь — возможно, игрушечная?). Вдруг широко распахивается входная дверь и шумно входит мужчина — прямо передо мной его сапоги. Это — папа. Но я помню только его большие сапоги, а также то, что пришел папа. Обычно мне не верят, что я мог это запомнить в свои полтора года. Но это так.

Его лицо я представляю только таким, каким оно сохранилось на немногочисленных фотографиях: только в анфас, строгое, серьезное, глаза смотрят прямо на меня...

Он не любил фотографироваться, рассказывала мама, и делал это под большим нажимом или в исключительных случаях, когда отказаться было невозможно. И как я благодарен этим случаям и тем неизвестным фотографам, которые оставили эти дорогие снимки!

Говорят, он был очень общительным, шумным, веселым, заразительно смеялся. Любил петь (самой любимой была песня «Широка страна моя родная...»), любил друзей, компанию, был очень влюбчивым. Женился в 17 лет! (Боялся, чтобы никто другой не «перехватил» маму, которая была на четыре года старше). В восемнадцать стал отцом. Спешил... Как будто знал, чувствовал, что не доживет и до тридцати. Может поэтому ни на одной фотографии он не улыбается — прямой строгий взгляд, плотно сжатые губы... И почему-то очень грустные глаза.

Сын беспросветного бедняка, он в тридцатые годы после службы в Красной Армии связал с ней остаток своей недолгой жизни. Закончил в Никополе (Днепропетровская область) — ближайшем от места рождения и детства (с. Большая Знаменка Каменско-Днепровский р-н Запорожская обл.) городе — военную школу младших командиров и был направлен на Дальний Восток. Там, в г. Бикин Хабаровского края России, вскоре после событий на Халхин-Голе, родился я.

Война застала нас в дороге, мы узнали о ней в поезде по пути в Москву — мама везла меня и старшего брата к бабушке Акулине в Украину. Часть Украины уже горела под бомбежками, и мы, не доехав до столицы, повернули назад — на Дальний Восток, к отцу.

На советско-японской границе была тишина, а там далеко черная волна гитлеровских полчищ подкатывалась все ближе к Москве. Именно поэтому большинство офицеров дивизии полковника А. П. Белобородова (позднее — генерал армии, дважды Герой Советского Союза), в которой служил мой отец, подавали рапорт за рапортом с просьбой направить их на защиту столицы. Их настойчивость увенчалась успехом — в начале осени 1941 г. 78-я стрелковая дивизия стала готовиться к срочной переброске под Москву.

Перед отправкой на фронт офицеры полка, в котором служил отец, сговорились не сообщать женам о дне отъезда. Эту дату некоторое время удавалось-таки скрывать, хотя этого и не требовала обстановка. Так бы и уехали, не попрощавшись, — в эти дни офицеры жили в казармах. Но не выдержало чье-то сердце — кто-то из офицеров накануне дня отъезда дивизии к месту сбора (подразделения, приданные 78-й дивизии, стягивались к, известной из песни, станции Волочаевка, ок. Хабаровска — саперы, связисты, артиллерия и проч.) открыл секрет своей жене. Ночью об этом знали уже все женщины...

Поезд притормозил на станции рано утром. Офицеры вышли покурить — в новехоньком обмундировании, блестят и поскрипывают новые сапоги, ремни, командирские сумки... И вдруг из-за вокзальчика пестрой стайкой выпорхнули женщины — крики, плач, слезы, поцелуи... Какими скоротечными были эти украденные секунды расставания!

Отец и тут остался верен себе — рассердился: как же — кто-то не сдержал слова, выдал. Но выяснять было некогда, состав уже нетерпеливо подрагивал, оставались мгновения. «Береги детей», — повторял отец, поднимаясь в вагон. Это были его последние слова.

Так мама, благодаря случаю, проводила на войну отца, попрощалась с ним. Мы с Володей в это время крепко спали...

В ноябре 1941 года за успешное отражение натиска 252-й пехотной, 10-й танковой и моторизованной дивизий СС «Рейх» под Дедовском и Красногорском (в 40 км от Москвы) 78-я стрелковая дивизия, в которой мой отец командовал пулеметной ротой, получила звание гвардейской, 9-й гвардейской.

Затем было декабрьское контрнаступление. Немцев погнали от Москвы. 9-я гвардейская воевала хорошо. В составе 16-й армии Западного фронта она без остановок продвигалась на запад. Впереди был древний Смоленск — город-ориентир, через который проходили с Запада почти все «охотники» за Русью. Тем же путём, как правило, они бежали и назад. Но до Смоленска отец не дошёл... На пути были не только Волоколамско-Истринские успехи, освобождение многочисленных сёл и городков, но и Вяземская катастрофа, когда были расчленены и разгромлены немцами около двух наших дивизий, в составе которых было и подразделение моего отца...

С января 1942 г. мы перестали получать письма с фронта. Правда, нас (маму и двоих детей) эвакуировали в один из глухих уголков Алтайского края. Письмам было трудно нас разыскать, хотя мама, думаю, не раз писала и разыскивала отца. Мама долго успокаивала себя и нас этим... Но писем от отца больше не было никогда... Только в 2009 г. я впервые увидел документы, написанные рукой отца, его две новые фотографии и даже личную подпись (!). А еще тогда, в 1944-м году, когда после всех тягот эвакуации, мы добрались к бабушке на недавно освобожденную Украину, на запрос мамы пришёл ответ, что отец «...пропал без вести...». Так мы с братом были причислены к «безотцовщине» (в эвакуации на местном диалекте — ещё ярче: «выковоренные», то есть «эвакуированные»). Первый запрос мамы ещё из Алтая и ответ ей у меня сохранились, привожу их ниже:

<На типографской открытке>

Гр. Симоненко Н.Т.

С С С Р

Для установления местонахождения
тов. Симоненко Е.П.

Народный Комиссариат Обороны
Союза ССР

сообщите на него следующие данные: полностью фамилию, имя и отчество год и место рождения, военное звание, какое военное училище окончил, в каких войсках служил (кавалерия, артиллерия, авиация и т. д.), какую занимал должность, когда прекратилась письменная связь и его подробный воинский адрес.

ГЛАВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ
НКО СССР

Учетно Статистическое
Управление

4-й ОТДЕЛ

*Пом. начальника отдела (ПОДПИСЬ)
Завделопроизводством ПОДПИСЬ)*

“30” — Января — 1944 г.

№ УСУ 4 3007

<Вписано от руки>

<На лицевой стороне открытки — в основном написано от руки>:

Куда Алтайский край
Егорьевский р-н с. Сросты
Кому Симоненко Нине Т.

Из более поздней переписки:

№ УСУ 4

УЧЕТНО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Штамп: Министерство обороны Союза ССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ

(Написано от руки) Вх № 58
22.04.83 г.

На Ваш запрос сообщаю, что по учетным документам Главного управления кадров значится командир стрелкового батальона 131 стрелкового полка 9 гвардейской стрелковой дивизии старший лейтенант СИМОНЕНКО Ефим Петрович, пропал без вести в марте 1942 г.

Других сведений о его судьбе в Главном управлении кадров не имеется.

НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА 4 УПРАВЛЕНИЯ ГУК
ПОЛКОВНИК (Подпись) ПРОКОПЬЕВ

Как же это случилось? КАК?

С начала 80-х годов поисками обстоятельств и места гибели отца занялся мой старший родной брат Владимир Ефимович, который пошёл другим путём — выйдя на военную пенсию, а значит — получив достаточно свободного времени, он стал налаживать пере-

писку с оставшимися в живых однополчанами отца. Вот что я прочитал в письмах однополчан и в некоторых официальных документах позднее:

ЛЕНИНСКО-СНЕГИРЕВСКИЙ
НАРОДНЫЙ МУЗЕЙ
БОЕВОЙ И ТРУДОВОЙ СЛАВЫ
Истринского района

НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

143590 п.о. Снегири, Московской обл. 103160, г Москва, К-160

Исх. № 37

«27» февраля 1983 г.

Совет музея просит сообщить о месте гибели и захоронения старшего лейтенанта командира пулеметной роты 131 стрелкового полка 78 (9 гв.) стрелковой дивизии СИМОНЕНКО ЕФИМА ПЕТРОВИЧА, 1912 года рождения, уроженца с. Ильинка Каменского р-на Запорожского округа /ныне с. Ильинка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл./, призванного в армию Каменским райвоенкоматом примерно в 1937 г. После окончания курсов командиров в г. Никополе Днепропетровской обл. в звании мл. лейтенанта был направлен на Дальний Восток.

Защищал Москву на истринской земле. Связь с семьей прекратилась в марте м-це 1942 г.

Директор музея (Подпись) С. Гришаев

Штамп: Министерство обороны Союза ССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ

(Написано от руки) Вх № 58
22.04.83 г.

На Ваш запрос сообщая, что по учетным документам Главного управления кадров значится командир стрелкового батальона 131 стрелкового полка 9 гвардейской стрелковой дивизии старший лейтенант СИМОНЕНКО Ефим Петрович, пропал без вести в марте 1942 г.

Других сведений о его судьбе в Главном управлении кадров не имеется.

НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА 4 УПРАВЛЕНИЯ ГУК
ПОЛКОВНИК (Подпись) ПРОКОПЬЕВ

Штамп: Министерство обороны Союза ССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ
(Написано от руки) Вх № 58
22.04.83 г.

На Ваш запрос сообщая, что по учетным документам Главного управления кадров значится командир стрелкового батальона 131 стрелкового полка 9 гвардейской стрелковой дивизии старший лейтенант СИМОНЕНКО Ефим Петрович, пропал без вести в марте 1942 г.

Других сведений о его судьбе в Главном управлении кадров не имеется.

НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА 4 УПРАВЛЕНИЯ ГУК
ПОЛКОВНИК (Подпись) ПРОКОПЬЕВ

«14» апреля 1983 г.
25.04.83 г. ЛЕНИНО–СНЕГИРЕВСКИЙ <на конверте>
НАРОДНЫЙ МУЗЕЙ БОЕВОЙ СЛАВЫ
143590, п/о Снегири
Истринского района, Московской обл.

УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ! <Рукопись>

Посылаю Вам ответ ГУК на запрос музея о Вашем отце — Ефиме Петровиче Симоненко — Он не утешит Вас, но другого нет. А сколько таких примеров встречалось нам за 16 лет работы музея! И больше всего это было в первый год войны.

Может быть, что-то другое ответят Вам однополчане Ефима Петровича, знавшие его. Вы, наверное, писали им по нашим адресам?

Желаю Вам мужественно и стойко пережить потерю самого близкого человека.

Поздравляю от имени Совета музея с майскими праздниками. Желаем Вам и Вашей семье здоровья, успехов и всякого благополучия в жизни.

С уважением
А. Н. Антонова

220033, Минск-33, ул. Судмалиса, 26–20, ВЕЛИЧКО И. М. (на конверте)

Уважаемый Владимир Ефимович, здравствуйте!

Я получил Ваше письмо. Сразу же оговорюсь, что чего-либо утешительного я Вам не сообщу. Отца Вашего я знал очень и очень мало, так как мы с ним были в разных подразделениях, но в боях приходилось встречаться. Постараюсь вкратце обрисовать обстановку того времени, сложившуюся на участке боев 31 гв сп.

В феврале м-це 1942 г. нашу дивизию (9 гв) вывели из состава 16 армии и срочно преобразовали в направлении г. Вязьма, в состав 33-й армии, которая прорвалась далеко в глубь немецкой обороны (до 70 км в глубину и 6—8 км в ширину). И вот наша дивизия в полном составе должна была войти в этот коридор. Где-то во второй половине февраля дивизия двинулась в путь вдоль фронта в этот прорыв.

Зима в это время была снежная, даже очень снежная, морозы достигали до -40 . 31-й сп первым подошел к этому «коридору» и схода был брошен в бой. **Мы прошли деревни Пинашенские хутора, Белый камень и взяли направление на дер. Захарово. Деревня эта была большая, сильно укреплена немцами потому, что она находилась на высотах, над рокадной дорогой Гжатск-Юхнов. Завязались ожесточенные бои. В дальнейшем полк был расчленен противником, и батальоны попали в окружение, из которого потом выходили до конца февраля небольшими группами. Впоследствии, несмотря на упорные бои, Захарово было взято.**

Да, перед дер. Захарово протекает р. Дежна и была небольшая дер. Замытское (на карте обозначалось — село Замытское).

Затем дивизия почти до середины апреля вела бои в междуречье Угры и Воры. На каком именно направлении был 31 гв СП, я, к сожалению, уже не помню. В начале марта я выбыл из дивизии, и после излечения в ее состав не попал. И после войны никого не встречал, т. к. дивизия была переброшена на Восток, участвовала в войне с Японией, а после была расформирована.

Вам я описал пункты боев с тем, чтобы Вы написали письмо в **Вяземский РК ЛКСМ**, я точно не знаю, эти деревни Вяземского ли района, и попросить их, чтобы они дали бы Вам адреса школ этих деревень, возможно, школьные Красные следопыты что-либо знают, возможно, есть братские могилы. Ведь не исключена возможность, что сбор и захоронение трупов павших бойцов и командиров был организован весной, когда сошел снег, а снег был очень глубокий и каждый день были снежные метели. Возможно, что-либо и прояснится. Вам же, к большому моему сожалению, сообщить ничего больше не могу.

123103, Москва, Д-103, Глаголева, 25–1-123, М. [БРОННИ-КОВ] — на конверте и в письме.

Здравствуйте, Владимир Ефимович!

Получил Ваше письмо с просьбой рассказать о вашем отце Ефиме Петровиче, который служил в 131 стр. полку командиром пулеметной роты — это на фронте.

Прошло уже более 40 лет с того времени, когда два батальона 131 сп (31-го сп) под Вязьмой были отрезаны от полка и остались в окружении противника.

Выходили из окружения группами солдаты и офицеры, но их фамилии не запомнились, но по данным архива у меня сохранились некоторые их имена: Вот, например [зачеркнуто: командир роты] Зайцев Иван Степанович, был он тогда старшим сержантом. Проживает сейчас в г. Биробиджан, ул. Шалом-Алейхема, д. 46 кв 4.

Они вышли с политруком роты Крикуном Василием Прокофеевичем, он был [жив] в 1944 году, учился на курсах при Академии Ленина, и рассказал о том, как они воевали в окружении и как выходили из окружения. Данных о нем у меня нет, жив ли он, я не знаю. **Части, окруженные врагом, вели жестокие бои в районе, главным образом — около населенного пункта Замыцкое — Темкинский район Смоленской обл.**

В архиве сохранилась такая запись: «В деревне Замыцкое, где находился наш (2-й 3-й) батальон, к переднему краю нашей обороны подошел немецкий офицер и солдаты, замаскированные под женщин, и на русском языке заявили: не стреляйте, мы свои, и когда несколько наших бойцов вышли им навстречу, чтобы убедиться в этом, то они открыли по нашим огонь из автоматов. Был убит командир 2-й роты 131 сп и один боец. К сожалению, фамилии нет. Мне кажется, что **командиром 2 пулеметной роты, по рассказу тов. Смолина Н. П., был именно тов. Симоненко Е. П.,** но утверждать не могу.

Я сообщу еще некоторые фамилии товарищей, которые находились в это время в окружении под Вязьмой.

1. Быстрых Федор Степанович 131 сп 420066 г. Казань, ул. Короленко, д. 19, кв. 75.

2. Панов Александр Григорьевич 131 сп. 330001. Запорожье, ул. Победы — 38, кв. 3.

3. Солопенко Михаил Ефимович 131 сп. г. Белая Церковь Киевской обл. 1-й Замковый пер. д 5, кв. 2.

4. Лунин Михаил Александрович 131 сп, 307012 п/о Камышин, Курский р-н, Курская обл.

5. Мищенко Евгений Сергеевич, бывший командир саперной роты 89 саперного батальона. Они были в том же районе, где сражались бойцы 131 стр. полка. Эти адреса я даю Вам; может что-нибудь они и знают о тех событиях и в том числе и о Вашем отце.

Вот все, что я смог выяснить, как видите, не смог ответить о главном — об отце вашем.

Извините, что я не смог вам помочь, но если еще найдутся люди, которые были там, я Вам дополнительно сообщу.

До свидания, с уважением к Вам

М. Бронников /Подпись/

24.01.83 г.

Обнимаю и разделяю с Вами вашу горечь утраты дорогого человека — отца, и горше то, что — «пропал без вести». Такова судьба моего брата, тоже офицера, пропавшего без вести в августе 1941 г. где-то на Новгородском направлении. Он до войны служил в Двинске (Латвия). И мои поиски не увенчались успехом. Не обидьтесь на меня за это письмо. Будьте здоровы. Большой привет вашей семье. С уваж. к Вам — Ив. Ив. Величко.

26/XI. 82 г. г. Минск. Подпись.

P. S. Если что-либо Вас будет интересовать, пишите, спрашивайте, не стесняйтесь.

256400 Киевская обл. г. Белая Церковь, 1-й Замковый переулок, дом 5, кв. 2

СОЛОПЕНКО Михаил Ефимович (на конверте)

23. XI.1982 Многоуважаемый Володя! Получив твое письмо, на которое немедля даю ответ, хотя сильно расстроился, тем, что не могу помочь в этом сложном вопросе. Но может быть, хотя и то, что я опишу вкратце, окажет какую-либо помощь в розыске твоего дорогого отца, а моего однополчанина, которого я так и не знал.

В сентябре 1941 года в составе 131 с. п. в качестве военветфельдшера я был направлен с Хабаровска в бой под Москву. Стало быть, твой отец тоже (как жаль, что незнакомы мы были).

Как тебе известно, мы там стали гвардейцами, но части были сильно потрепаны и нас направили в г. Рузу на отдых (это было перед новым 1942 г.). Но вскоре без отдыха и формирования оставшихся направили под г. Вязьму. Не дойдя до неё, «коридор», по которому

мы двигались, немец замкнул. Мы, т. о., оказались в окружении, где уже в составе 33-й армии находились до выхода, т. е. до апреля 1942 г.

Ты пишешь, что отец пропал без вести в марте 1942. Так вот мы как раз в это время и были в том «коридоре». Я лишь после войны узнал, что мы, находясь в этом коридоре январь, февраль и март, отвлекали немцев на себя для защиты Москвы.

Находясь в этих условиях под Вязьмой, мы голодали, все запасы вышли, население-то [е] ще объели. С самолетов сбрасывали боеприпасы, часть их попадала к немцам. Набралось много больных и раненых (я болел тифом). Ели лошадей и т. п. А начальство все обещало, что скоро прорвем кольцо и соединимся со своими. И так дотянули нас до апреля 42 г. И вот в начале апреля по команде «Все, кто может передвигаться, — вперед на соединение со своими». Раненых и больных погрузили на санки, накрыли их попонами. Лошади удерживались ездовыми до команды «Вперед»! Но так этой команды и не поступило. Нас при выходе разбили, а раненые на санках так и остались. Конечно, они все погибли. Я был контужен в лесу (при артобстреле немцами), [я] прятался под дерево [м] и сбитой веткой меня ошарашило так, что я очутился в плену. (Потом отошел 42 г.). Володя! В плену я был с 11 апреля по сентябрь 1943 г. И смотри: твой отец пропал без вести в марте, т. е. в то время, когда мы были в окружении. С плена я бежал в партизаны, где был подрывником. И частично отомстил гадам за пережитое мной и твоим отцом. Но мало. Где это все происходило? Под Вязьмой, Смоленская обл., г. Сычевка. Всех пленных свозили к церкви (апрель — холодно, в церкви еще холодней). Туда привезли немцы и труп Командующего 33 армией, в составе которой мы прорывали кольцо. Он сам себя расстрелял. Сейчас (немцы разрешили) в Сычевке сооружен ему памятник. Мы его на носилках в его шинели так и похоронили на территории, что возле церкви, с надписью на фанерке (...). Вот чем кончился наш прорыв на реке Угра под Сычевкой. Часть пошли вплавь ч/з Угру и её расстреливал немец с [к (... оторван уголок...)].

Дорогой Володя! Нужно, очевидно, написать в их местную газету о твоём отце. Возможно, что прояснится.

Кроме того, обратись к нашему однополчанину, к-ру саперной роты (судьба аналогична) по адресу: **330000 Запорожье ул. Победы дом 38, кв. 3 Панов Александр Григорьевич.**

Прилагаю адреса однополчан, и с ними советую связаться.

Вот все, что я смогу, мой друг, тебе описать, посоветовать и помочь. Прошу, напиши мне хоть маленькие штрихи в розыске.

Желаю крепкого здоровья, счастья, успехов в работе и благополучия тебе и твоим близким и родным.

Пусть будет мир на Земле. Пиши. Жду. Дом. адрес, инициалы: М. Е.

Моск. обл. г. Химки-6 <на конверте>

Библиотечная, 18, кв. 12

СМОЛИНУ Н. П.

5. XII.1982 г.

Уважаемый Владимир Ефимович!

Здравствуйте!!

Получил Ваше письмо и, конечно, читал я его не без волнения; приятно то, что, хотя прошло уже больше 40 лет после героической смерти Вашего отца, а нашего боевого друга Ефима Петровича, <но> Вы свято храните о нем светлую память и, видимо, можно думать и надеяться, что, уходя от нас, Ефим Петрович воспитал и оставил достойную смену.

Владимир Ефимович! Читая твое письмо, **передо мной зримо встал твой отец, командир роты, наш однополчанин, ветеран 131 стр. полка, с которым вместе я служил на Дальнем Востоке (Волочаевка), с которым вместе прибыли в октябре 1941 г. по <д> Москву, чтобы грудью заслонить фашистам дорогу к нашей столице — Москве. И можешь гордиться своим отцом, он с честью выполнил свой долг перед Родиной, семьей и тобой. У меня самые хорошие и чистые воспоминания о твоём отце.**

Первый этап разгрома фашистов под Москвой закончился в конце <...> бря. И **наша дивизия перешла к обороне по р. Руза, однако в обороне мы стояли недолго; перегруппировав свои силы, гвардейцы (78 СД переименована в 9-ю гвар. красноз. СД.),** пошли снова в наступление. Бои были тяжёлые, фашисты упорно сопротивлялись, но мы упорно двигались вперед. В конце января 1942 г. дивизия получила приказ поддержать наступление на Вязьму, наш полк (13 — зачеркнуто) 131 СП, двигался в авангарде дивизии. Фашисты разгадали маневр и с флангов атаковали наши подразделения крупными превосходящими силами, и полк был расчленен — 2 стр. б-на и час (т) ь артподразделений осталась в окружении, а оставшаяся часть полка в составе дивизии получила новый приказ. Оставшиеся в окружении подразделения возглавил зам. ком. полка капитан Сугарков (Сергарлов — **неразборчиво**), с ними поддерживалась связь, дрались они стойко, мужественно, но силы были неравные, попытки про-

рвать кольцо окружения не удались, вплоть до весны из окружения выходили отдельные группы наших бойцов, но твоего отца не было, многие там погибли. В лесах под Вязьмой и р-не Замытское. Как погиб твой отец — и тем более — где похоронен, трудно сказать, но знай, он погиб как герой.

Р. С. Владимир Ефимович! Подробности этой операции отражены в книге: А. П. Белобородова «Всегда в бою». Если нужно как память, то ее могут выслать или я или И. Б. Бело (вов).

343750, Донецкая обл., г. Снежное, ул. Гагарина, 49–83, ПРОШКИНУ Мих. Афан. <На конверте>. На штампе Снежного: 26–11–82.

Уважаемый Владимир Ефимович и все Ваше семейство — здравствуйте!

Примите горячий пламенный привет от Прошкина Михаила Афанасьевича, бывшего командира пулеметного взвода 131 с. п. 78 С. Д. Я очень взволнован Вашим письмом, и волнение это передалось большой болью в груди через 40 с лишним лет, но это было как вчера. Дорогой Владимир Ефимович, кто так точно подсказал Вам написать мне письмо? Но это неважно, главное то, что **я отлично знал Вашего отца как необычайно, на редкость смелого и мужественного командира, до конца преданного своей Родине. Вы, Владимир Ефимович, в полном праве можете гордиться своим отцом, замечательным бесстрашным командиром и человеком того грозного времени.**

Дорогой Владимир Ефимович! Я был командиром пулемётного взвода пулеметной роты, в которой командовал Ваш отец. Мы с ним брали г. Истру и освободили очень много населенных и районных центров Московской области. Притом, когда лишились пулемётов, он командовал стрелковой ротой, а я взводом. 11-го янв. 42 г. я был тяжело ранен и вернулся обратно в свою дивизию где-то в июле м-це 42 г. в Оренбургскую обл. гор. Саракбаш — дивизия была на формировании. Где-то в сентябре 42 г. мы обратно едем на фронт — где-то в район Великих Лук. Нас кадровых были единицы, но я из разговоров знал, что в марте и апреле м-це 42 г. противник делал прорыв на флангах наших 2-х армий, где много было жертв от танков и авиации. Насчет плена — не было...

Так что, дорогой Володя, больше мне ничего не известно о Вашем отце. Спасибо за суровую память.

С уважением — Прошкин.

Это письмо показалось мне простой отпиской, поэтому **27 февраля 1983 г.** я побывал в г. Снежное, разыскал Прошкиных, беседовал с Михаилом Афанасьевичем и записал беседу на магнитофон. Вот отрывки из его рассказа:

[... Я...] только что заканчивал военное училище, не дали закончить, младших лейтенантов присвоили (я в Ярославле учился в военном училище) и направили под Смоленск. Это моя родина, кстати, — Смоленщина. Направили туда. Ну что? Дали мне взвод стрелковый и хаотически отступали. Попал я в 135-ю дивизию... Её наголову разбили. Потеряли мы весь командный состав, потеряли и знамя... Разбили... Просто, значит, разбили в пух и прах. Остались нас единицы до осени. Осенью вступили в Московскую область.... И Московскую область начали постепенно оставлять. И вот когда остались единицы из 135-й дивизии..., попадаем мы в город Звенигород (недалеко от Москвы) и село Шарاپово... В этом селе... собрали нас: со Ставки Верховного командования есть представитель, явиться к нему.. Скомплектовали нас в боеспособную единицу где-то в порядке так батальона из всех бродячих таких... батальон по уничтожению вражеских танков.... И откуда ни возьмись является с Дальнего Востока дивизия... в район Истры... и командование решило [вливать нас в эту дивизию].

Очень была, так сказать, диковина для нас — посмотрели мы на них, у них, значит, даже чемоданы кое у кого есть... Я же был в ботинках с обмотками... И нас в полном составе (это человек где-то около трёхсот было) — в эту дивизию... На автомобили, на ЗИСы, и — туда...

У Вашего отца был, значит, лексикон такой: «Цыц! Замолчи! Цыц! Что ты нюни развесил?!».

[Старший группы спросил у меня:] «Кем ты [воевал]?» [Отвечаю:] «Училище кончал, пулемётчик...». [Он и говорит:] «Есть тут... пулемётная рота, вот пойдёте, значит, [туда], командир роты такой-то».

Прихожу [к Вашему отцу], докладываю. Посмотрел, значит, на меня, говорит: «Ну хорошо, будем знакомы. Что ж вид такой? Ну-у-у.. И ботинки грязные...». А они как огурчики ходят, ещё ж в боях не участвовали... Их где-то приехало так тысяч до 15-ти [, а] Надо было создать где-то тысяч 20–22 человек...

— Ну, расскажите про себя, что, значит, Вы из себя представляете. Я, говорю, вот так и так, значит... Началась война, нам... сразу же досрочно присвоили младших лейтенантов... — Ага-а-а. Не видно, что ты офицер (командир, значит).

Я говорю: «Ну что ж, вот — ни кубиков не сохранилось, ничего...». — Ну хорошо, я вот дам Вам кубики, дам... бритву (бритва не безопасная, а опасная), а то у меня две — тяжело носить...

Потом говорю: «Ну что ж, я Вам, товарищ командир, дам танковые часы...». [И дал].

... Характерный был, характерный, да. «... кстати, ясно: раз отступал, значит наступать ты не умеешь...».

В роте, было, кажется, всего три или четыре пулемёта — старые «Максимы», но я, кстати, всю войну с ними прошёл... Наш путь пошёл от Истры... Мы командовали с ним, но только пулемёты наши побили... Присылали новых стрелков... И таким образом, значит, в снегу купались с Вашим отцом вместе, из одного котелка ели. Кстати, я и его первым заместителем был...

Я демобилизовался в звании капитана. После Германии попал на Дальний Восток и дошёл до Порт-Артура...

А ещё раньше был серьёзно ранен 11-го января, еще, когда мы вступили на стык Калининской и Смоленской областей (Московскую область к тому времени уже очистили). В госпитале 1320 лежал в Уфе, а вернулся в строй в августе или июле в город Саракташ (сюда дивизия была прислана на переформирование). Мне уже звание лейтенанта присвоили, а я не знал, медаль «За отвагу» присвоили — за Москву, за те бои... Представлял меня к этому Ефим Петрович Симоненко, а награждал Калинин в Москве.

Когда я прибыл в дивизию, создали гвардейский пулемётный батальон. Но я ж-то своего командира роты хорошо помнил, говорю: «Где?» — «Да ты знаешь, тряхнули нас тогда крепко... Мы ж такого горя тяпнули — это только ни пером описать, ни рассказать.... Нам дёру такого дали, что где-то около трети дивизии в окружение попало...».

Когда я в Саракташ попал, Симоненко был у меня в уме... Спрашиваю: «А кто ж у меня командир роты?». Говорят: «Да вот прибыл Колесников». — А [Симоненко]? — Наверное, погиб, а может, в плен попал... — А в какой ситуации? Ситуацию я знаю. Там мне называли и место, примерно где (я уже сейчас не помню)... Наша дивизия уже после опыта боёв под Москвой вклинилась в глубину сил противника и её немцы с флангов [охватили], и остались все там, в тылу у немцев...

* * *

В последние годы судьбой дивизии отца, его собственной судьбой и изучением боевого пути дивизии отца занималась моя дочь **Наталья Анатольевна СОЛОВЬЁВА**, которая живёт в г. Балашиха Московской области и уже с использованием современных средств

и методов поиска нашла бесценные для меня материалы об отце, продолжает эту работу и сейчас... Много помогли дочери различные группы поисковиков, с которыми она познакомилась и сотрудничает. В этом году я побывал у неё, а также в некоторых местах, где воевал отец, посетили мы и ЦАМО в г. Подольске, откуда привезли копию личного дела моего отца, две его фотографии, которых не было в нашем семейном альбоме, автобиографию, написанную рукой самого отца, его личную подпись (автограф!), а также Архивную справку Министерства обороны Российской Федерации о награждении отца орденом Ленина за бои под Москвой. Поиск продолжается...

Сомова Инна Ивановна

Родилась 28 мая 1933 года.

Доцент международного факультета.

ДЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Расскажу несколько эпизодов из того далекого военного детства. Эмоциональную окраску происходившего в то страшное время смогла дать только значительно позже.

Родилась я в семье военнослужащего в городе Харькове.

За месяц до начала войны мой отец был командирован служить на западную границу СССР. Война для него началась 22 июня 1941 года ровно в 4 часа утра. Старший семнадцатилетний брат, курсант танкового училища, пошел воевать в июле 1941 года.

Война расколола нашу большую семью.

Накануне войны я заболела scarlatinной и была госпитализирована в инфекционную больницу, которая находилась в районе аэропорта.

Фашисты каждую ночь бомбили аэродром. Здание больницы содрогалось от разрывающихся бомб, слышался звон вылетающих стекол. Бомбежку мы пережидали в бомбоубежище. Было очень страшно! Но даже в этой обстановке мы, восьмилетние девчонки, радовались возможности помогать взрослым, относить в бомбоубежище самых маленьких, а утром видеть своих мам у окон больницы.

Психология детей значительно отличается от психологии взрослых и неудивительно, что мы, детвора, не понимали, как провели эту страшную ночь наши мамы, что они пережили, что передумали, и почему в косы наших молодых матерей были вплетены первые серебристые пряди...

При эвакуации на Урал в памяти осталась пересадка в г. Оренбурге. Привокзальная площадь и близлежащий сквер были заполнены многотысячной армией беженцев, ожидавших поездов. Была

осень, люди по несколько дней находились под открытым дождливым небом. Плакали дети, причитали старики...

Как только подавался состав, вся масса людей оживала и с воплями неслась к поезду. В этой толпе меня чуть не задавили — спасли раненые бойцы.

На всю жизнь осталось чувство страха (даже ужаса) перед большим скоплением народа...

Эвакуировались мы в г. Челябинск, где жил мамин брат. В 2-комнатной квартире нас, приехавших из Украины родственников, поселилось 15 человек. Днем столпотворения не было, а вот вечером, когда укладывались спать!... Это было что-то!...

Детям эта обстановка нравилась: спальных мест было 4, а остальные спали на полу. Если ночью необходимо было встать, то пробирались через спящих, осторожно, боясь наступить. Однажды декабрьской ночью раздался стук в дверь. Все подхватились.

...Был шок!... С фронта приехал мой старший брат. Он был командирован за танками на ЧТЗ (Челябинский танковый завод). Мы, детвора, тогда не понимали, что пришлось пережить 17-тилетнему мальчишке-воину. Мы прыгали от радости, кричали, а взрослые рыдали. Что они переживали, понимающие весь трагизм происходящего — это я поняла значительно позже.

В то военное время дети выросли быстро. Взрослые и мой средний 15-тилетний брат почти круглосуточно работали на танковом заводе, а мы, детвора, были предоставлены сами себе.

Я была ученицей, хозяйкой дома, воспитательницей моего 3-хлетнего младшего брата, ходила «добывать» глину для стирки, отоваривала продуктовые карточки, собирала клюкву на болоте, а в лесу — грибы, ягоды, работала после уроков в госпитале.

Нас, учащихся 1–3 классов, ухаживать за ранеными не допускали. Мы выступали только с шефскими концертами и ежедневно помогали медперсоналу. В то время не хватало перевязочного материала, поэтому его стирали, гладили, а нас научили правильно скалывать бинты.

Мы всегда будем помнить и чтить подвиг наших отцов и дедов, живых и павших, которые подарили нам мирную жизнь.

Стуканов Евгений Николаевич

Родился 28 апреля 1931 года.

Доцент исторического факультета.

ЭПИЗОДЫ ВОЕННЫХ ЛЕТ

В 1941 году мама отправила меня на каникулярные недели к своим родителям. Бабушка и дедушка жили вместе со своим сыном, то

есть маминым братом и моим дядей, в селе Темрюк Володарского района Сталинской области. Я только закончил второй класс, и это была награда за похвальную грамоту. Одновременно это были «каникулы» и для моих родителей — учителей. Отец, Стуканов Николай Никифорович, меньше года назад был назначен директором средней школы — новостройки № 115 в поселке Смолянка (теперь там СШ № 55 г. Донецка). Мама там же преподавала русский язык и литературу. Совершенно новое современное трехэтажное строение надо

было обустраивать, равно как и трехкомнатную директорскую квартиру, которая была в том же здании. Дядя Аркадий, у которого я гостил, закончил в 1939 году Сталинский медицинский институт, по специальности хирург, получил назначение на должность главврача Темрюкской больницы.

Эта больница отличалась тем, что была построена еще до революции состоятельным земским врачом. По сути, это был микропоселок в черте села Темрюк, огражденный металлической оградой, с медицинскими учреждениями (от амбулатории до морга) и несколькими домами для медперсонала. Дом главврача с красного кирпича — самый большой. Помнится, в нем было не менее восьми комнат, не считая кухни и других подсобных помещений (кладовочек, чуланчиков и прочее). На подворье курятник и другие, нужные на селе хозяйственные постройки.

Село располагалось по обоим берегам реки, и заселено было по одну сторону украинцами, по другую — русскими. Но название, как видно из вышесказанного, — греческого происхождения. Поскольку дядя родился в Больше-Янисольском районе и по национальности был греком, видимо, поэтому его направили в район, где греческое население составляло значительный процент, а больница, скорее всего, была районного масштаба.

Река, много зелени, прекрасный воздух, очень хорошее сельское питание — что еще надо для отдыха и беззаботной жизни? Рай...

И в этот рай солнечным воскресным утром пришло известие о начале войны. Не стану повторять всю ту информацию, которая известна из множества мемуаров и романов, — какие города бомбили и так далее. Известие о войне потрясло еще и тем, что заскочивший домой дядя объявил, что призван срочно в армию. Назавтра рано утром он отбыл к месту сбора в райвоенкомат. Через некоторое время дядя сообщил, что назначен в медсанбат ведущим хирургом. Понятно, что медсанбат — это, по существу, прифронтовая линия.

Во второй половине августа родители дали знать, что мне нужно возвращаться домой. Война была в разгаре, поезда ходили не всегда регулярно, и поэтому двоюродный дядя, приехавший за мной, не сумел взять билет на пассажирский поезд, пришлось нам добираться в товарном вагоне. Помню, мы попали в большой пульмановский, в котором грузом были увесистые конусообразные слитки металла. По дороге дядя просвещал меня, что вот эти огромные слитки чугуна называются «чушками», что это чугунные отливки для последующей их переработки в высокосортную сталь. Так от дяди Константина я получил некоторые сведения о металлургическом процессе и о том, для чего предназначались эти «чушки», на которых мы, за неимением другого места, сидели всю дорогу от станции Розовка до станции Донецк.

Еще некоторое время до октября месяца я посещал третий класс, но в октябре была объявлена эвакуация, встал вопрос о выезде из Сталино на восток страны. Мама начала готовиться. Прежде всего, по совету старших, натопила несколько трехлитровых баллонов сливочного масла. Вкус топленого масла, которым после неудавшейся эвакуации преимущественно пришлось питаться, до сих пор помнится и до сих пор сохраняется особое к нему отношение.

Эвакуировались, кто, как мог. Для работников папиного ранга была предусмотрена, видимо, какая-то помощь, потому что Смоленниновское шахтоуправление предоставило в его распоряжение

двух лошадей и бричку. Однако этим «экипажем» мы воспользовались только для того, чтобы добраться до квартиры папиного родного брата Гавриила. Он был начальником цеха Путиловского завода (так тогда называли) и обещал взять нас в эшелон вместе с сотрудниками завода, которых отправляли в Челябинск. Однако Путиловский завод со дня своего основания был предприятием оборонного значения, и поэтому, когда в районе Мариуполя был высажен немецкий десант и немцы стремительно продвигались в сторону Донецка, эшелон на сутки раньше был отправлен в Сибирь. Мы вынуждены были возвращаться в школьную квартиру, которую за сутки разграбили.

Стало ясно, что всей семьей эвакуироваться не удастся. Было решено, что мама, я, младший брат и новорожденная сестренка должны будем оставаться на месте. Папа же, недавно принятый в партию, оставаться не мог, т. к. уже было известно отношение немцев к членам партии. На следующее же утро (примерно 9–10 октября 1941 года) папа взял одну из лошадей, более здоровую на вид, сел верхом и уехал догонять других эвакуирующихся.

Дело в том, что выданные папе лошади были из числа списанных шахтных лошадей, которые, по существу, были нездоровыми, норовистыми, боязливыми, и с ними было трудно управляться. Особенно норовистая, была поздоровей, и отец решил седлать ее, поскольку она подавала хоть какие-то надежды. Седлать — это громко сказано. Никакого седла не было. Постелили какие-то покрывала, одеяла. Отец взгромоздился на нее, попрощался и уехал.

Мы оставались в квартире, где было практически все разграблено, лишь на полу валялись, ненужные ворам, тома Советской энциклопедии, специальной литературы, остальное было растащено (художественная литература, вещи, негромоздкая мебель и так далее).

После того, как немцы высадили десант в Мариуполе, бабушка и бабушка покинули село Темрюк. Оставив дом и все имущество, захватив самое необходимое, приехали к нам в город Сталино. На семейном совете было решено, что эвакуацию и оккупацию будем переживать на родине мамы — в селе Комарь Больше-Янисольского района. Там жила бабушкина сестра тетя Соня с мужем дядей Василем, который оказался, при некоторой сложности его характера, удивительно гостеприимным, отзывчивым и прекрасным родственником. За то, что нас привезли знакомые (кто-то из родителей маминых учеников), он рассчитался шестнадцатью пудами зерна. И в дальнейшем весь период оккупации мы прожили в этом селе, в этом доме.

В период оккупации происходило немало интересных событий, о которых стоит вспомнить. Например, тот факт, что в селе была организована стихийная группа патриотов, которые временами собирались в нашем доме, ночами читали советскую прессу, которая, неизвестно какими путями, попадала в руки. Хотя, один источник можно назвать: в городе Сталино где-то в 1942–1943 годах действовала подпольная организация Авдеева-Донского. Членом этой организации была жена дяди Аркадия, Карпечкина Антонина Иосифовна, (кстати, о ней говорится в книге В. Шутова о донецком подполье), оставшаяся в эвакуации и однажды приехавшая в наше село.

Только после войны мне стало понятно, откуда брались газеты «Правда» с докладом Сталина на праздновании годовщины Октябрьской революции в 1942 году, листовки, которые я находил в разных углах дома и на дне литровой жестяной банки с вилками и ложками.

Однажды пошел слух, что в школе выступает молодая девушка, которая под гитару поет песни, написанные уже в период войны. Наша семья и несколько хороших знакомых пришли к тем односельчанам, где она остановилась, и упростили ее дать нам маленький концерт. Так я впервые в середине оккупационного периода услышал две, ставшие впоследствии классическими, песни военных лет: «Давай закурим» и «В землянке». Можно себе представить, какими были ощущения, бушевавшие людьми, пребывавших не первый год в оккупации, ожидавших освобождения, как этот концерт поднимал дух и веру в победу.

Девушка была симпатичная, белокурая, с продолговатым лицом, стройная. Чувствовалось, что кроме того, что она нам пела, за ней стоит еще что-то такое, что не позволяет ей до конца раскрыться, часто на вопросы она отвечала односложно и не совсем, как мне казалось, понятно.

Через двадцать лет, работая в партийном архиве, изучая документы партизанского подполья, разглядывая фотографии, на одной из них я увидел знакомые черты лица. Ошибиться я не мог, потому что в подростковой памяти четко запомнилось лицо человека, который в такие сложные дни дарил нам такие песни. Я узнал из документов, что это была участница донецкого подполья, она была в этот период в нашем районе с заданием — распространять нелегальные издания. Звали ее Надя Льговская, которая после посещения нашего села, была схвачена и в числе других казнена оккупантами. Этот факт остался в памяти на всю жизнь.

Были и другие моменты, относящиеся к песенному искусству. Артисты оперного театра, которые остались и работали в годы оккупации, в целях заработка выезжали по несколько человек в районные области. Как-то небольшая группа посетила и наше село. В нее входили певцы и артисты разговорного жанра. Запомнилась лишь одна звонкая фамилия певца. Мне он запомнился как Римжа. В документах оперного театра в ДОГА я эту фамилию нашел. Он пел популярные оперные арии, украинские народные юмористические песни. Его довольно приятный баритон, безусловно, производил впечатление на слушателей. Именно от него я впервые узнал такую украинскую народную песню — «Ой чи чуєш ти, дубе». Один из артистов карандашом на своих зубах, как на ксилофоне, исполнял неаполитанские песни.

Главным источником информации о событиях на фронтах были слухи, которые распространяли подпольщики, такие как Надежда Льговская. Мы были почти уверены в достоверности этих слухов, и радовались каждой весточке о победах Красной Армии, о приближающемся освобождении Украины, Донбасса и нашего города.

Была и другая информация, исходившая от оккупационных властей. Помнится, попалась как-то брошюрка в зеленоватой обложке, на которой был изображен сатирически-шаржированный силуэт Сталина, а содержание брошюры — выдержки из документов НКВД и другие материалы, в которых рассказывалось о репрессиях тридцать седьмого — тридцать восьмого годов. Иногда появлялись экземпляры газеты «Донецкий вестник», которая издавалась в годы оккупации в областном центре. Может, именно эти моменты закладывали широту взглядов.

Запомнились эпизоды, связанные с отступлением немецкой армии, когда советские войска освобождали область от оккупантов. Помню то ощущение страха, когда преимущественно в ночное время многочисленные колонны немецких солдат, техники продвигались по селу. В это время особенно боялись того, что немцы могут зайти во двор. Больших поджогов в селе не было, но однажды арьергардная группа поджигателей прошла по нашей улице. Дело было к вечеру, наступали сумерки. В соседнем дворе появилась группа солдат, за плечами которых были резервуары с горючим веществом, а в руках — распылители. К счастью, они просто формально выполняли команду поджигать, и выполняли ее не очень добросовестно. Зайдя к нам во двор, они обошли добротный сарай, крытый черепицей, перешли на другую сторону улицы, увидели сарайчик, кры-

тый соломой, и подожгли его из огнемета. Так они поступили в нескольких случаях, как рассказывали потом односельчане.

Сейчас уместно вернуться немножко назад во времени. Дело в том, что папа на лошади уехал не очень далеко. Где-то на окраине Донецка он догнал бричку, на которой ехали районный прокурор и кто-то еще из районного начальства. Уступив свою лошадь другим, папа присоединился к ним, и они успели доехать до села Ольховчик Чистяковского района. Здесь заночевали, а утром проснулись, узнали, что в село без выстрелов тихо вошли немецкие войска. Чтобы немцам не попасться на глаза, они пытались околицами выйти из села, но везде были отряды оккупантов. Тогда они закопали в землю свои партбилеты, и каждый порознь стал пробираться к своему месту жительства. Вернувшись в город, отец узнал от соседей, что семья уехала в село на родину мамы. Поздней зимой папа присоединился к семье. В дороге он встретил тетю Надю, мамину сестру, которой тоже не удалось эвакуироваться.

Зимой все работали на дворовом хозяйстве, а с весны папа стал работать в общинном хозяйстве в садоводческой бригаде. С ним работали два очень образованных односельчанина. Вместе они входили в группу, которая собирала крупницы информации о положении на фронте. В период отступления немцев, опасаясь угона в Германию с отступающими войсками, отец вместе с другими мужчинами скрывался в разных местах за пределами села.

И вот долгожданное известие о том, что область полностью освобождена от оккупантов. В селе сразу же начала работать школа. Меня зачислили в пятый класс, где я учился до конца учебного года. Азы школьной науки третьего — четвертого класса я прошел дома, не посещая школу, под «нажимом» своих родителей — учителей.

Летом 1944 года родители забрали меня к себе. В это время они уже переехали в Донецк и работали по профессии. С шестого по десятый класс я обучался в школе № 55, а в 1949 году закончил с серебряной медалью. Поступил в Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко на исторический факультет, который закончил с отличием. Но это уже другая история.

Хримли Агита Николаевна

Родилась 27 марта 1931 года.

Доцент кафедры философии.

МОИ ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ТОЙ ВОЙНЕ

Мои воспоминания о войне непосредственно с военными действиями не связаны. В июне 1941 года, когда началась война, мне было 10 лет. Семья наша жила в городе Чебоксары на Волге. Это был глубокий тыл. Естественно, я помню только то, что происходило в тылу, а не на фронте.

Уже в июне 1941 года в город стали поступать эвакуированные из занятых немцами областей. Их называли «беженцы». Многие были полураздеты, без вещей и денег. Местные жители помогали им, как могли. Моя мама привела с вокзала женщину с девочкой лет пятнадцати. Они бежали из Минска. На девочке были надеты только ночная рубашка и тапочки. Её мать была в домашнем халате. Когда начался налёт немецких самолётов, они успели спрятаться в бомбоубежище, а вернуться домой за вещами и деньгами уже не смогли. Их дом был разрушен. В чём были, бросились на вокзал, сели в поезд, который шёл на восток, и оказались в Чебоксарах. Никаких билетов у них, конечно, не было. В поезде было много людей. Люди ехали, кто куда. Некоторые к родственникам, некоторые, к чужим... Вот так девочка и ее мама с Минска оказались у нас. Моя мама дала им вещи, чтобы они могли одеться, помогла женщине устроиться на работу.

Буквально на второй день после начала войны зазвучали военные песни. Самой востребованной среди них была «Священная война». Громкоговорители, висевшие прямо на улице, разносили по городу слова: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой тёмною, с проклятою ордой». Удивительно точно передавала эта песня наше настроение тех дней: «Пусть ярость бла-

городная вскипает, как волна...» Ненависть к фашистам, нарушившим мирную жизнь советских людей, проникала глубоко в душу, доходила до ярости. Мы ненавидели фашистов. Казалось, это не люди, а чудища какие-то, монстры, только внешне похожие на людей. И, чем больше узнавали мы о преступлениях фашистов, тем сильнее росло это чувство ненависти. Даже после войны, спустя много лет, оно продолжало существовать. Оно и сейчас живёт, где-то в глубине души, никогда не проходит.

Каждый день мы читали газеты, слушали по радио сводки с фронта. Летом 41-го года они были нерадостные. Красная Армия отступала. В ряде мест наши войска сдавали позиции без боя. Мы были воспитаны на убеждениях, что Красная Армия — «всех сильнее», что она непобедима. И вдруг — отступление за отступлением. Города сдавали один за другим. Брест, Киев, Днепропетровск... Почему? Нам, детям, было трудно это понять, и не только детям. Многие взрослые воспринимали отступление как предательство. Выступление Сталина, объяснившего, почему наша страна оказалась недостаточно подготовленной к войне, слушали, затаив дыхание.

И всё же не было отчаяния. Возникла уверенность, что наступит момент, когда отступления прекратятся. Как заклинание повторяли мы слова вождя: «Наше дело правое, победа будет за нами». Эти слова подтверждали и первые подвиги на фронте. Газеты сообщали о подвиге Николая Гастелло, спикировавшего свой горящий самолёт на колонну немецких танков, о подвиге Виктора Талалихина, протаранившего немецкий самолёт, о подвиге московской партизанки Зои Космодемьянской. Эти и другие подвиги советских людей, совершённые в самом начале войны, убеждали, что война не только приносит страдания и жертвы, она порождает героизм, который всё более и более распространяется и принимает массовый характер.

Жить в годы войны, даже в глубоком тылу, было, конечно, очень трудно. Не хватало хлеба, молочных продуктов, мяса. Что мы ели? В основном, картошку. Она была на рынке. Варили горох, чечевицу. Из Астрахани кто-то привозил селёдку. Свежую крапиву рвали на щи. Мы, дети, собирали крапиву для столовых. Денег за это нам, естественно, не платили, но выдавали квитанцию, сколько килограммов крапивы сдано. Квитанции эти мы приносили в школу.

Не было сахара, конфет, а сладкого очень хотелось. Чтобы утолить потребность в сладком, мама варила нам свеклу и давала, порезанную на кусочки, как конфеты. Казалось, слаще ничего не бывает.

Хлеб продавали по карточкам: 400 грамм на одного человека. Современные молодые люди считают, что это много — полбуханки!

Но, поверьте, тогда этих 400 грамм едва хватало, ведь других продуктов было мало. Если кто-нибудь терял продуктовые карточки, это становилось большой трагедией.

Занятия в школе ни на один день не прекращались. Как и в мирное время, мы ходили на уроки, готовили домашние задания. Учили таблицу умножения, решали задачи, читали книги. Учебники получали в школьной библиотеке. Не хватало тетрадей, особенно в начале войны. Задачки решали на газетах. Складывали газету в виде тетради и писали на ней. Готовили уроки при свете маленькой коптилки. А в 42-м или 43-м году (не помню точно) купили керосиновую лампу — это был настоящий праздник. Чтобы свет на улицу не проникал, окна закрывали плотными шторами. (Соблюдалась маскировка).

Несмотря на то, что многие дети в годы войны потеряли родителей, беспризорников не было. Осиротевших детей направляли в детские дома. Некоторых мальчиков опекали солдаты. «Сыновья полков» некоторое время жили с бойцами в окопах или землянках, но потом их всё же отправляли в тыл, в детские дома. Я помню, как в наш класс пришёл «сын полка». На нём была настоящая военная форма: шинель, сшитая по росту, маленькие сапожки, шапка-ушанка. Наши мальчишки очень ему завидовали. Но проучился с нами он недолго. За время пребывания на фронте он отстал от своих ровесников, и учиться ему было трудно. Вскоре его перевели в детский дом, где была своя школа.

В конце войны появились суворовские училища. Мальчиков, оставшихся без родителей, направляли туда на учёбу. После окончания суворовского училища они становились офицерами Советской Армии.

Хотя на фронтах войны шли тяжёлые бои, государство проявляло заботу о детях. Для детей военнослужащих были открыты столовые, в которых плата за обед была мизерной. Работали Дома пионеров. Организовывались пионерские лагеря. Мне повезло, и я попала в один из таких лагерей. Помню, что было там интересно и весело. Пионервожатые устраивали для нас разные игры, конкурсы, концерты. В гости к нам приезжали настоящие артисты. Особенно запомнилось выступление ансамбля песни и пляски. Какой это был ансамбль, из какой воинской части, не знаю, но концерт произвёл на меня большое впечатление и запомнился надолго.

Война — страшное явление, тяжкое испытание для страны, для всего народа. Но даже и в те тяжкие годы, мы, дети, ощущали на себе заботу со стороны государства. Это было. Забыть об этом нельзя. Память тех лет требует честности и правды.

Шабельников Виктор Ильич

Родился 22 марта 1936 года в г. Мариуполе.
Профессор исторического факультета.

ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЁНКА

В военное сентябрьское утро 1941 года город Мариуполь был встревожен. В город рота за ротой вступали, уверенные в себе, немецкие части. Хоть я ещё мало, что понимал, но уже испытывал тяжкое чувство обиды, глядя на эту массу солдат и технику. Многие солдаты и офицеры имели железные кресты на груди.

Стоявшие в городе немецкие части представлялись нам, мальчишкам, чудом организованности и деловитости. Офицерство сохраняло свою самоуверенность и высокомерие. Солдаты и офицеры расквартированных у нас немецких частей проявляли воинский энтузиазм. Помнится в связи с этим, разговор между двумя солдатами об очередной победе и обращение в нашу сторону: «Рус — капут!». Мы уже тогда понимали, что означали эти слова.

Немцы стали по всему городу проводить телефоны для своих военных и административных целей, печатали и расклеивали свои приказы. На улицах и дорогах появилось очень много транспорта, что для нас было неожиданным. Ведь до войны мы по ним ходили почти без оглядки, а теперь двигались бесконечные вереницы машин и другой техники.

Город был переполнен. Дома и квартиры были заняты немецкими офицерами и служащими. На улицах и во дворах было необычное оживление. Повсюду стояли танки, пушки, ящики с боеприпасами, другое оружие. Мы не представляли себе опасность, которой подвергались, когда, играя, пролазили под танками, стоявшими возле того или иного дома.

Помнится, как немцы гнали наших военнопленных, многие из которых были настолько истощены, что не могли идти самостоятельно. У нас, мальчишек, просили хлеба, а где его было взять, когда запасы продовольствия были практически исчерпаны. Дошло до того, что хлеба негде было взять. И все же, люди выходили на дорогу и несли для несчастных и изможденных пленных кислую капусту, яблоки, лепешки из кукурузы и отрубей, рискуя собственной жизнью. Такой гуманизм немцами всячески пресекался.

Навязывать свои порядки немцы начали сразу же. Первым делом стали арестовывать коммунистов и комсомольцев, затем принялись за уничтожение других слоёв населения. Аресты и террор носили массовый характер. Больше всех подвергались репрессиям евреи. На улицах города хватали и избивали людей, которых подозревали в том, что они были большевиками, евреями или просто недовольными новыми порядками. Помню, как отец взволнованно рассказывал дома о том, что немцы согнали еврейское население города на одну из площадей, якобы для переселения в другие места, а на самом деле, их погрузили и вывезли на машинах за город, где и расстреляли. Мародёры из числа местного населения растащили одежду несчастных людей.

Оккупанты проводили также массовые облавы, хватали молодёжь на рынках, в кинотеатрах и в других общественных местах, отправляя ещё совсем юных жителей на принудительные работы в Германию. В их числе оказалась и наша ближайшая родственница. В то время ей еще не было и 18 лет. По возвращению домой она рассказывала о тех ужасах, которые ей пришлось пережить в Германии в качестве оstarбайтера, от которых требовали рабской покорности и изнурительного труда. Многие из них погибли, а часть навсегда осталась на Западе, опасаясь репрессий.

В 1943 году пришла другая беда для жителей города. Незадолго до отступления немцев, город стала сильно бомбить советская авиация. Помню, как мы, дети, вместе с родителями и соседями прятались в подвалах домов от бомбежек. Было очень страшно, когда от разрывов бомб вздрагивала земля. У каждого из нас была одна мысль: «Хоть бы не было прямого попадания бомбы». Мы уже тогда понимали, что господству немцев приходит конец, что скоро придут наши. Однажды немецкие зенитки сбили в районе аэродрома советский истребитель, и мы, мальчишки, пошли посмотреть на останки самолета. Увидев тело пилота, очень сильно переживали за нашего «ястребка». Это чувство горечи до сих пор живет в моем сердце.

Отступая, немцы стали жечь и взрывать все, что еще оставалось целым: заводы, больницы, библиотеки, школы, клубы, детсады, жилые дома. Помню, как взрывали остатки строений завода им. Ильича. Даже издалека были видны облака пыли и дыма. Но самым жутким было то, что на всех действовало особенно сильно и устрашающе, — это пожары. Помнится, как ночью горел детский сад, куда меня водили родители перед самой войной. Из окна нашего дома я с горечью наблюдал за этим страшным зрелищем. Казалось, что пожар поглощал детские радости и мечты.

Немецкие солдаты ходили по улицам с факелами, канистрами бензина и поджигали дома. Как сейчас помню, как они это делали. Под разными предложениями люди дежурили во дворах, чтобы не допустить поджигания домов. Нас, детей, выставляли вперед, чтобы хоть таким способом вызвать сочувствие и понимание всей нашей безсходности в случае потери жилья. Иногда этот психологический прием действовал. Таким образом и моим родителям удалось сохранить свое жилье от пожара.

10 сентября 1943 года в город вошли советские войска. Тысячи людей с ликованием высыпали на улицы. Многие смеялись и плакали от счастья. Всюду слышалось: «Наши пришли!» Все несли солдатам скромную домашнюю еду. Как сейчас перед глазами стоит картина — на нашей улице, с автоматами наперевес, появилась группа солдат, возможно взвод. Они искали отставших немцев. Интересен и тот факт, что группа молодых ребят, которые казались нам уже взрослыми, взялись сопровождать наших солдат для зачистки, как это мне сейчас представляется, территории от врага и тех, кто с ним сотрудничал.

К сожалению, город был сожжен и разрушен. Лучшая улица была превращена в руины. Но страшные муки и тяжелые страдания, которые пришлось всем нам пережить в оккупации, уже были позади. Мы, дети войны, были безмерно счастливы от того, что теперь уже нам не придется бояться за свою жизнь, что теперь мы можем свободно предаваться детским забавам.

Шафи́ро Майя Ефи́мовна

*Родилась 8 апреля 1930 года в Полтаве.
Доцент международного факультета.*

ВОЙНА В МОЕМ ДЕТСТВЕ

Я — второй ребенок после брата Сергея, 1925 года рождения. Отец был военнослужащим. Новым местом работы отца стали Сумы, куда наша семья переехала в 1931 году. Отец работал при Сумском артиллерийском училище им. М. В. Фрунзе. До сих пор в моей памяти осталась жизнь военного городка, где были переплетены будни и праздники курсантов и командиров училища, а также наше детство в садике и школе при училище. Помню плац между жилыми корпусами, а на нем резвились мы, дети... и кони, почему-то часто вырвавшиеся из своих конюшен.

Весть о начале войны восприняли по-разному: женщины напряглись от предчувствия страшной беды, мужчины, в силу своей военной профессии, хранили выдержку, лишних слов не произносили. Дети, постарше, чем мой брат Сергей и его одноклассники 1925 года рождения, горели желанием воевать и разбить врага. Впоследствии почти весь класс Сергея и он сам погибли в этой войне.

В августе 1941 года училище и семьи военнослужащих были эвакуированы в г. Ачинск Красноярского края. Ехали в теплушках. Были налеты в начале пути, а потом долгая дорога в Сибирь, с постоянными остановками, чтобы пропустить эшелоны на фронт. А отцы наши уже воевали.

Ачинск встретил нас явным нежеланием «уплотняться». Подселяли в дома с устоявшимся бытом, где хозяева с утра готовили корм для скотины, а мамина кастрюлька часто слетала с плиты, и мы с братом шли в школу, не поевши.

Учились в школе №1. Это старое кирпичное здание с печками в классах. Сереже исполнилось 16 лет, он получил паспорт, вступил в ряды ВЛКСМ. Не окончив школу, стал курсантом военного училища, которое готовило младших лейтенантов для фронта.

Мы с мамой прожили в эвакуации 3 тяжелых года: холодно, голодно, постоянная тревога за близких, ожидание почтальона...

Я училась очень хорошо. После уроков ходили в госпиталь для раненых фронтовиков. Они лежали в большом спортивном зале бывшего училища. У входа на турниках висели выстиранные бинты. Мы их распутывали, потом скатывали на коленках для повторного использования. Подходили к раненым, выполняли их нехитрые просьбы. Дома, при свете коптилки, делали домашние задания. Тетрадей не было, писали между строк старых газет и книг. В школе нас иногда подкармливали, давали «борщ» с крапивой, забеленный молоком. И это было вкусно! До сих пор помню удовольствие от этого блюда.

Весной бегали на берег р. Чулыма, где вырастала черемша (дикий чеснок). Мы ее грызли, насыщая организм драгоценными витаминами. А еще лакомством был жмых. Он переходил изо рта в рот и был, своего рода, валютой. Кедровые шишки доставались редко: их сбивали более взрослые и предприимчивые.

В классах мы, эвакуированные, держались друг за друга, помогали в учебе. Но отцы погибали и у нас, и у местных ребят. Война сближала всех.

Атмосфера школьной жизни очень изменилась, когда появились учителя, эвакуированные из блокадного Ленинграда. Они были, как инопланетяне. Очень худенькие, одетые в старенькие пальто и шляпки (именно шляпки, а не шали!) Мерзли, конечно, но фасон держали, потому что все было проедено, распродано там, в страшной блокадной жизни. Эти ленинградки внесли в школу дух высокого искусства, интеллекта и культуры. В школе появился драмкружок. Стали ставить спектакли по мифам Древней Греции. Мне доверили роль Медеи, а сын одной из ленинградок играл Язона. Нас обрядили во что-то, напоминающее туники, и мы произносили греческие гекзаметры. Учителя, сидящие перед сценой, давились от смеха, зато ребята слушали с открытыми ртами.

Одна из учительниц, тоже эвакуированная, дала мне домой книгу французского астронома Фламариона. Это было великолепное издание 1941 года в русском переводе. Называлась книга «Популярная астрономия». Дома мы с мамой подолгу читали ее, рассматри-

вали иллюстрации. На всю жизнь я запомнила названия видимых на небе созвездий. Прочитав книгу, я отнесла ее домой учительнице. Там я увидела много подобных книг, вывезенных из Ленинграда.

Тяжелыми были три года эвакуации. Особенно для матери. Она преодолевала бытовые трудности, кормила меня, отрывая от себя еду, будучи больной. У мамы обострился туберкуле. Она часто прикладывала к груди мои ледяные ноги, согревая их своим дыханием. И все это было в постоянном страхе за жизнь мужа и сына.

Отец вернулся с фронта инвалидом. Брат погиб в апреле 1945 года за 12 дней до победы.

Стоит ли говорить, что война оставила черный след не только в моей памяти, но и жизни.

Шкредов Валерий Маркович

Родился 26 декабря 1940 года.

Заведующий отделом специального конструкторско-технологического бюро «Турбулентность».

БОСОНОГОЕ ДЕТСТВО

Мне, рожденному за полгода до начала войны, сложно рассказывать о военном времени, но в моей памяти об этих днях осталось одно воспоминание.

В Донецке, где я родился и проживал во дворе на 19 линии (ул. Кальмиусская), проживали семьями три папиных брата и сестра. Отец и два брата были призваны в армию. На время войны родственники, спасаясь от бомбежек, вырыли во дворе бункер, который был укрыт бревнами и стальными толстыми листами. Помню, в конце лета 1943 года, после авиационного налета, мама вынесла меня на руках из бункера. В то время все родственники с детьми смотрели, как в районе Буденновки прожекторы освещали небо, пытаюсь обнаружить самолет. Были видны облачка дыма от выстрелов зениток, освещенные этими прожекторами. Это увиденное настолько мне, маленькому ребенку, врезалось в память, что, когда мы с братьями и сестрами посещаем наш двор, в моей памяти всплывает эта картина.

Оккупация принесла много горя всему населению нашего города. У меня всегда возникал вопрос, как мы жили во время войны, чем питались, где доставали продукты. Это время нельзя сравнить с бедностью, это не поддается сравнению. Мама рассказывала, что кормила меня, заваривая просеянные отруби, и через марлю давала мне еду, как из соски. Помню, как родная тетя угощала мамалыгой и чаем с сахарином. Эти моменты жизни сложно забыть.

Послевоенное время оставило много воспоминаний, которые помню до настоящего времени.

Наша улица была, как плацдарм для всяческих игр и развлечений. Босоногое детство, оно и было босоногим. Эти босые ноги бегали по любому грунту, крышам, заводским дорогам, лазали по деревьям. В самом начале 19 линии на карьере, куда свозили мусор, была площадка. Здесь проходили игры в футбол между линиями. У многих детей после игр колени, локти, бока были покрыты ссадинами.

Коксохимический завод, террикон и металлургический завод — это места детских развлечений и шалостей. Зимой спускались с терриконов на лыжах и санках, ходили купаться на градирни коксохимического завода, как в бассейн, играли в хоккей на речке. Иногда на тонком льду проваливались по пояс, а затем бежали домой отогреваться. На четвертом участке металлургического завода, ранее он назывался «шкраб», куда привозили на переплавку непригодное оружие, пушки, двигатели и другой металлолом, искали патроны и клапаны с авиационных моторов. В этих клапанах находился металл натрия, который при попадании в воду воспламенялся и громко взрывался. Забавы с порохом, натрием и рогатками многим детям на всю жизнь оставили след. Родителям сложно было уследить за детскими шалостями, и иногда случались несчастья.

Мы, дети улиц, с 6–7 лет умели сделать рогатку, самокат на подшипниках, самопал, умели плести сети, делать подхваты для ловли рыбы и раков на нашей речке.

Игрушки делали тоже самостоятельно. Вырезали футбольные мячи из пористой резины колесных баллонов машин «студебеккер». При достаточном усилии мяч получался очень хорошим, высоко подпрыгивал, но принимать на голову этот мяч было сложно, так как он весил достаточно много, и от приема болела шея. Первый кожаный настоящий мяч мне пошил отец, а камеру склеил из резины мой дядя. Мне было шесть лет и старшие ребята всегда брали меня в свою команду, чтобы играть настоящим мячом.

В 1947 году отменили хлебные карточки и даже нам, детям, это было большой радостью. В этом году я пошел в школу № 8, расположенную на 8 линии. Мама пошила сумку с ляжкой через плечо для тетрадей, книг и карманом для чернильницы. К зиме мне пошили фуфайку и сапоги, на которые одевались калоши. Для меня это было большим подарком.

В школе учиться было легко, так как почти все мы умели читать еще до школы, потому что наши мамы, бабушки и старшие дети вечерами читали нам книжки, и мы старались научиться сами читать.

Основным увлечением школьного детства было чтение книг и занятия спортом.

Я и мои сверстники с нашей и прилегающих линий — «дети войны», прошли, если можно так сказать, экстремально-интенсивное детство, которое определялось голодным и холодным военным и послевоенным временем.

Обучение в школе, занятия спортом позволило нам успешно окончить школу и достичь определенного профессионального уровня.

Победа в Великой Отечественной войне — это подвиг солдат, защитивших нашу Родину, подвиг матерей, нас выкормивших и воспитавших в тяжелейшие военные годы.

Шульга Виктор Григорьевич

Родился 14 февраля 1935 года.

Доцент экономического факультета.

ФОРМЕННАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ КУРТКА СПАСЛА ОТ СМЕРТИ...

Родился в городе Попасная Луганской области на улице Донецкой. Отец работал на Северной Донецкой железной дороге состави-

телем поездов. Фашисты захватили Попасную 31 октября 1941 года. Страшные, грязные фашисты забрали у нас в то утро все имевшиеся запасы продуктов, картофеля, муки, круп и остального съестного, а также дрова, уголь и керосин, разбили окна и поломали входную дверь. Было очень холодно. Отец до последнего дня обслуживал поезда — был мобилизован для этой работы советским командованием, а потом, как и многие другие железнодорожники, был брошен им, забыт. Ворвавшиеся в наш домик, сложенный недавно из са-

мана, немцы хотели расстрелять отца и нас: маму, меня, брата (1937 года рождения) и сестру (1939 года рождения) за то, что на отце была форменная железнодорожная куртка с пуговицами со звездами. Они дико визжали: «Коммунист — партизан!». Но в последний момент выручила находчивость мамы. Она показала фрицам желтый флажок и фонарь железнодорожника с цветными стеклами. Отца забрали в плен, как и многих других мужчин.

До марта 1942 года мы жили на немецкой передовой под непрерывным и днем, и ночью обстрелом советских войск. Спасало нас то, что пули и осколки снарядов и мин не пробивали саманные стены. Окна были заложены песком. Прямого попадания снарядов и мин не было. К тому же в самом доме был погреб. Нас спасало и то, что немцы брезговали жить в нашем не оштукатуренном домике с земляным полом. Их передовая линия окопов находилась на самой

крайней улице им. Воровского. Затем это была ничейная зона. Передовая линия советских войск находилась в 5 км в деревне Новоалександровке (старое название — деревня Рубашкино) и поселке Парусовка. Это был передовой клин Миус — фронта, который рухнул 29 марта 1942 года.

До апреля 1942 года отец был заключенным в Донецком концлагере, из которого он сбежал. За это фашисты бросили всю нашу семью в мае 1942 года в концлагерь. О том, как я, брат и мама с двухлетней сестренкой на руках протопали под фашистскими штыками больше 400-х км летом 1942 года, трудно сейчас даже представить. Фашисты гнали нашу колонну, состоящую из стариков, женщин с малолетними детьми на Запад. Часто гестаповцы имитировали наш расстрел, травили газом. Ослабевших людей, в том числе и детей, убивали и закалывали штыками. Наши ноги за 35 суток движения превратились в пухлое кровавое месиво. Не давали воды и еды. Движение колонны останавливали в сумерки, а с рассветом опять начиналось адское движение. В районе деревни Федоровки в 20 км от Мелитополя всю колонну бросили в бывшие конюшни, огороженные рядами колючей проволоки. Живы остались благодаря титаническим усилиям нашей мамы. Вечная ей память и благодарность! В концлагере эсесовец за то, что мама выползала из лагеря собирать милостыню у немецких колонистов, пытался расстрелять ее. Но мы, трое детей, подняли крик, и рука его дрогнула — выстрелил ей в колено. Шесть месяцев мучилась она без лекарств, навсегда осталась калекой.

Освободили нас 30 октября 1943 года советские солдаты. Мама 50 лет была инвалидом первой группы. Умерла в 1992 году. Все наше детство и юность были сплошным голодным страшным кошмаром. Отец шесть раз после побега переходил линию фронта — все искал нас — и нашел. Огромное наше ему вечное спасибо! Он был более свободным и спас нас от голодной смерти.

После освобождения Донбасса от фашистов продолжал работать на станции Попасная. До ДНЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ служил в железнодорожных войсках. На пенсию вышел по Списку № 2. Умер в 1980 году. Похоронены родители в г. Донецке на Мушкетовском кладбище.

Якименко Віктор Іванович

*Народився 28 жовтня 1935 року.
Доцент обліково-фінансового факультету.*

МОЄ ВОЄННЕ ДИТИНСТВО

В моєму житті та людожерна війна була першим усвідомленим викликом долі, а в генетичній пам'яті повоєнних поколінь вона залишиться назавжди, бо ось уже третє покоління митців звертається знов і знов до тих буремних літ — пишуть романи і повісті, в театрах йдуть вистави. Війна не сходить з кіно- і телеекранів.

Про війну щоденно згадують ветерани, пам'ятаємо її і ми, діти війни. Згадувати про той жах необхідно хоча б для того, щоб нинішні покоління не дали втягти себе в подібну смертоносну круговерть недолугим політикам або «вождям».

Безперечно, дитячі враження за шість з половиною десятків років значно трансформовані і навіть міфологізовані, але найбільш пам'ятні епізоди майже без прикрас закарбувались у свідомості.

Про початок війни почув з гучномовця на майдані радгоспу ім. Артема, що на околиці Артемівська, де батьки працювали зоотехніками. Фронт наближався, напруга зростала. Батько мав евакуювати живе поголів'я корів, биків, коней своїм ходом у тил. Сім'ю забрати не міг, бо його батьки були хворі, а ми з сестрою малі. Відвіз нас п'ятьох до бабусі Уляни, маминої мами в село Чуйківку на річці Бахмутці в 20 км від Артемівська. Він запевняв нас, що в таку глухомань німці не заглянуть. Десь під Сталінградом батько здав худобу до військової частини, а сам опинився в армії. Майже чотири роки до кінця війни ми не бачились. Щоправда, після визволення Донбасу він знайшов нас, писав листи і, слава Богові, повернувся після війни живий.

Залишились в селі ми всімох у дідівській хатині й опинились на передовій — село декілька разів переходило від наших до німців і

навпаки. На обрії гриміла канонада, небо вночі палахкотіло, село обстрілювали й бомбардували, зазвичай стали автоматні черги й по-свист куль. Кожного разу ми бігли до льоху, поки німці не вигнали нас остаточно. Фугасна бомба розірвалась на подвір'ї, вибухова хвиля знесла черепицю даху, купиці сіна, як не було.

Німці швидко з'їли всі бабусині припаси, овочі з льоху, ні з чого було щось зварити чи щось спекти. Підступав голод. Така ж доля спіткала й усіх Чуйків, бо майже всі односельці носили таке прізвище і були родичами.

На під'їзних коліях вздовж села стояли ешелони з нафтою, і наші авіатори бомбардували їх. Одного разу, коли ми, хлопчачки, катались неподалік на санчатах, червонозіркові штурмовики почали заходити на ціль. Ми, знявши шапки, привітали їх. Та трапилась трагедія — дві бомби розірвались на нашому схилі. Четверо друзів загинули, багатьох було поранено. Всього ж в селі за часів окупації і після визволення, від бомб, снарядів, мін загинуло 14 підлітків і моїх однолітків. Смерть ходила по п'ятах.

Мама жила в постійній напрузі, бо німці знищували сім'ї комуністів. На щастя, односельці не видали. Згодом німці вигнали всіх із села. Два дні йшли в сорокаградусний мороз до Артемівська, аби знайти якийсь притулок, ще й тягли по глибокому снігу, збиті на скору руку дідом Семеном, санки з тяжко хворою бабою Вірою, яка незабаром померла в холодному будинку з голоду. Дід довго вибивав в окупаційній комендатурі перепустку на Полтавщину до дочки з двома дітьми; там осліп і помер влітку.

В місті якось вижили. Матері під обстрілом проникали в село, з-під снігу роздовбували мерзлу землю і приносили, закопане задалегідь збіжжя в оклунках, овочі з льохів. Декілька жінок загинули при цьому від куль патрулів, діти залишились у родичів. Вмирили найслабші й старі, їх хоронили гуртом. Хрести на цвинтарі попалили ще взимку, бо морози були люті, і знайти могили рідних весною було вже неможливо.

Німці іноді виставляли на вулиці польову кухню. Стояли величезні черги. Нам з сестрою теж випадало інколи по кухню кандьору. Старші хлопці «промишляли» на базарі, то ж дещо діставалось і малюкам.

Пам'ятаю, як німці руйнували пам'ятник Артему біля театру — накинули міцного троса на шию і танк намагався зірвати голову, але залізобетонна конструкція не піддавалась. Танк буксував, натовп схвально реагував. Тоді німці розігнали людей й довели справу до кінця вже без свідків.

Навесні 1942 року мама знайшла роботу в одному з відділків радгоспу ім. Артема. Там німці налагодили якесь господарство, і я, в свої неповні 7 років, з сусідським Іванком працювали їздовими, вивозили воду в бочці з криниці на старому коні, щоправда, запрягати коня допомагав дідусь, бо затягти хомута не вистачало сил.

Весною виливали з нір ховрахів, на конюшні закривали ворота й ловили горобців, смажили на вогнищах, сажали з мамою якусь го- родину й вижили.

Визволення пройшло майже непомітно, бо бої відгріміли десь далеко за Артемівськом. Німців в селі не було, вони відступали іншими шляхами.

Восьмого вересня селом без зупинки промчалась вантажівка з солдатами і білявою дівчиною у пілотці. Ми бігли поруч, радісно й голосно вітали, а наступного дня вже пішли до школи. До речі, ще першого вересня у класі висів портрет Гітлера і засмучена вчителька відпустила нас, бо наближався фронт.

Після визволення життя стало зовсім іншим: радіо щодня підбадьорювало нас, батько знайшовся і прислав листи, запрацював наш радгосп. Ми з Іваном Пластуном працювали, як і раніш, їздовими. Зранку набирали бочку води, розвозили по господарству, потім бігли до школи. Після уроків виконували всілякі роботи за нарядом, працювали щоденно весь рік без вихідних, бо робочих рук не вистачало. Ми відчували себе дорослими, палили самокрутки з тютюном, розмовляли, як мужики, і мені навіть платили гроші. Коли ж при нагоді в обласному архіві знайшов, чудом збережені, платіжні відомості, аби довести, що ми працювали під час війни, то в них проти мого прізвища значилось замість 9 років 14, бо інакше не мали права платити зарплату. Отож ми з Іваном замість учасників трудового фронту стали просто дітьми війни, хоча в селі ще жили дві бабці, які могли б засвідчити наші трудові звитяги у повоєнні роки. На жаль, я не став займатися цим питанням, знаючи про недосконалість нашого законодавства.

Були й кумедні ситуації. Одного разу, вже після німців, ми з хлопцями знайшли схованку зброї. З автоматами та гранатами в руках демонстративно вийшли на вулицю й покрокували селом з виглядом переможців, та інвалід війни Федір, на одній нозі, наздогнав нас, роззброїв і добре відлущував.

В кінці зазначу, що в роки війни ми, діти, дорослішали дуже швидко, допомагали сім'ям виживати, вчилися і працювали одночасно, не гнушаючись ніякої роботи. Ті незбагненні сьогодні випробування допомогли мені здолати всі наступні труднощі на досить нелегкому життєвому шляху.

Ярошенко Николай Николаевич

Родился 8 декабря 1935 года.

*Профессор, заведующий кафедрой зоологии
биологического факультета.*

ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ О ВОЙНЕ

Трудно вспоминать о тех, гнетущих человеческое сознание, оккупационных днях продолжительностью год и два месяца, которые легли черной полосой на наше неокрепшее детство.

В довоенные годы деревенская молодежь из всех уголков огромной нашей Родины — Советского Союза устремилась в Донбасс на строительство новых шахт и развитие угольной промышленности. В числе деревенских девушек в 17-летнем возрасте моя мама приехала из Белгородской области в город Кадиевку (ранее Шубинка, затем Серго, Кадиевка — ныне Стаханов), на тот период это был шахтерский город с многочисленными шахтами

в округ. В одной из шахт под землей в должности плитовой работала мама. Сейчас такую специальность даже никто не помнит. Из рассказа мамы помню, что это был очень тяжкий труд, которому мама отдала почти 10 лет. Вагонетки с углем или породой доставлялись к стволу, их нужно было направлять в клеть, чтобы поднять на-гора. Если вагонетка бурилась, т. е. сходила с рельс, тогда, упираясь спиной в вагонетку, ставили ее на рельсы. Это называлось «лимонадкой». Часто приходилось «лимонадить» забурившиеся вагонетки. Над новичками даже подшучивали: пойди, принеси «лимонадку». Новичок, не понимая подвоха, по шахте искал «лимонадку».

Работая на шахте, мама познакомилась с молодым человеком, работающим в управлении шахты. Вскоре они поженились. Родился мальчик, которого назвали Николаем. Спустя 3 месяца после моего рождения отец бросил нашу семью. До сих пор не имею о нем никаких све-

дений. Осталась его фамилия и отчество как довесок на память. Я даже не помню его облика, т. к. мама уничтожила все фотографии.

До войны мама хорошо зарабатывала и заботилась о будущем своего ребенка, покупала отрезы для костюмов.

Жили мы в рабочем поселке Максимовка на окраине города ближе к городу Ирмино (ныне Теплогорск), откуда пошло стахановское движение. Дома поселка были разбросаны вокруг старого дореволюционного шахтного террикона. За поселком раскинулась степь с балками, оврагами и многочисленными шахтами-мышеловками (шахты без стволов). Рядом проходила шоссейная дорога, которая связывала Максимовку с городом Ирмино и другими городами — Голубовкой и Первомайск. Рядом с поселком до войны работали крупные шахты 6/6 бис, 8/8 бис, 36/36 бис и др.

Летом в июне 1942 года, при отступлении наших войск, шахты были взорваны. Стратегический железнодорожный узел из складов вывозил уголь, который свозили из мелких шахт.

В жаркое лето 1941 года война докатилась до нашего города и поселка. Люди засуетились, забеспокоились, интенсивно вывозился уголь, шли составы за составами. Во дворе нашего дома был длинный подвал, укрытый шпалами и землей. В начале подвала была кухня, под кухней, со стороны подвала, — сухая яма, в которую снесли все вещи и швейную машинку, которая после освобождения города от немцев, нас очень выручила. Мама на пропитание зарабатывала шитьем платьев, рубашек, брюк и другой одежды. В этой же яме мы прятались во время бомбежек железнодорожного узла.

Где-то в июле 1942 года немцы оккупировали город и поселок, предварительно сильно бомбили железнодорожный узел. Затем появились немецкие солдаты. Они обходили все дворы, забирали вещи, которые им понравятся. В подвал немцы не спускались, лишь прострочили из автоматов. Немцы расселились по домам, близко расположенным к железнодорожной станции, которая усиленно охранялась. После бомбежек нашими войсками железнодорожной насыпи немцы стогнали местное население: женщин и подростков на ее восстановление. Люди сильно голодали. Мама часто уходила в сельскую местность Миллерово, Сватово и другие села менять вещи на муку, крупу, овощи и соль. Последняя была на вес золота. Были случаи, когда мама возвращалась с пустыми руками, т. к. наменянные продукты отбирал внутренний враг — полицаи.

В холодную и голодную зиму 1942 года наша, пацанов, задача была добывать уголь и дрова для отопления холодных домов. Ходи-

ли группами на заброшенные шахты, отыскивали небольшие кучи угля, смешанные с породой, выбирали грудочки угля в полотняные сумки. Нашими рыцарскими доспехами были латанная-перелатанная фуфайка, подвязанная дореволюционным кашне, сапоги, валенки детского размера, рукавицы с заплатами и кочерга для разгребания снега и породы. Зима была лютая — воробьи замерзали под крышей домов.

Однажды зимой в степной балке неожиданно завязался бой нашей конницы с немцами, бой длился до самого вечера. Утром пацаны и взрослые потянулись к месту боя, где были убиты лошади. Люди быстро растащили столь ценную на то время пищу. Мне также достался кусок конины. Вкус конины сохранился и до настоящего времени. После тяжелой зимы пришла долгожданная весна 1943 года. В ход пошли витаминизированные корма — вьюнок полевой (беризка), лобода и другие травы, выливали из нор сусликов. С трудом доставали семена кукурузы, подсолнечника, фасоли, гороха, моркови, свеклы, чтобы посеять на огороде.

В период оккупации зимой ребята находили развлечения: катались на импровизированных санках и лыжах с терриконов, покрытых снегом (своеобразные «Альпы»). В летний период сооружали себе самокаты из досок и подшипников.

Примерно в августе 1943 года частыми стали перестрелки, бомбежки железнодорожного узла. Среди людей ходили слухи, что нас скоро освободят. И вот настал долгожданный сентябрь 1943 года. Со стороны Голубовки стреляли «катюши», небо было в зареве, канонада грохотала почти до самого утра. Затем поспешно, врассыпную, через дворы бежали немцы, бросая оружие. Забегали в дома, хватали различное тряпье, переодевались и скрывались в кукурузных полях. В наш двор вбежали советские воины — солдаты-автоматчики, спросили, куда побежали немцы. Мы указали, где укрывались немецкие солдаты. Потом на станцию привели много военнопленных немцев. Со стороны Голубовки, Первомайска двинулись колонны советских войск и техника: танки, машины «зисухи» и «полуторки», полевые кухни. На обочинах шоссе стояли подбитые немецкие танки, какие-то небольшие танкетки, пушки, телеги и др.

Народ, ликуя, встречал первых воинов-освободителей. Пацаны, переполненные гордостью за наших солдат, старались с ними рядышком прошагать, представляя себя тоже воинами. Как только прошли колонны, мы кидались лазать по танкам, полевым кухням, где попадались галеты, термосы — круглые ребристые банки, кто-

то откручивал блестящие предметы, детали. Хлопцы постарше собирали оружие, пистолеты, гранаты, порох, тол — все, что попадалось под руку. Были случаи, когда в руках мальчишек взрывались гранаты. Затем припрятанное оружие использовалось в так называемой «войне» между поселками и городами, например, Максимовка воевала с Голубовкой и Ирмино. Такое эхо войны длилось почти до 1949—1950 годов, в результате чего погибли и остались инвалидами много мальчишек.

Зимой 1943 года на станцию в теплушках привезли много военнопленных, из них много итальянцев, легко одетых. Мы, как стайка воробьев, шастали по платформам и теплушкам, искали порох, патроны. За такие прогулки по вагонам крепко доставалось от мамы, была капитально, затем сама горько плакала и приговаривала, ну, когда же ты вырастешь. Надо отдать должное, что после таких внушений у меня срабатывал инстинкт самосохранения, и появлялась боязнь к гранатам, минам, бомбам, которых было разбросано вдоволь. Мама поставила мне задачу — вместо «байдыкуванья» заняться заготовкой угля и дров на зиму.

После освобождения Максимовки и Кадиевки 3 сентября 1943 года гулять было некогда — вокруг много разрушенных шахт. Особенно нам подходили шахты-мышеловки, где было много дров и угля; ходили на склад, таскали крупные куски угля. Началось восстановление шахт. Вдоль канатной дороги всегда просыпался уголь, случалось, что терялись доски и обаполы. Это все мы быстро подбирали и прятали в кукурузу, а в сумерках приносили домой.

Затем начались мучительные будни учебы в полуразрушенных школах: без учебников, без бумаги и других школьных принадлежностей. Пока отстраивалась школа в Максимовке, пришлось сменить несколько школ. Школы находились на большом расстоянии от дома, ходить было страшно. Все ученические доспехи состояли из полотняной сумки через плечо, чернильницы, ручки, полотняной азбуки и, в лучшем случае, листка бумаги. Не то, что в настоящее время — только учись.

Мои сверстники после окончания семилеток пошли учиться в ФЗУ, техникумы, на работу на шахты и заводы. По настоянию ныне покойной мамы, я поступил в 1952 году в зооветеринарный техникум в селе Успенка Лутугинского района Ворошиловградской области, за что я ей очень признателен.

Науково-популярне видання

ПАМ'ЯТЬ

**Спогади працівників
Донецького національного університету
про Велику Вітчизняну війну
1941–1945 роки**

Вибране

Російською мовою

Комп'ютерна верстка *С. О. Медведкін*
Технічний редактор *Ю. М. Федюшкіна*

Підписано до друку 26.04.2011 р.
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура «Newton». Друк — лазерний.
Ум.-друк. арк. 18,48. Обл.-вид. арк. 17,56.
Наклад 200 прим. Зам. № 035.

Видавництво та друк ТОВ «Юго-Восток, Лтд».
83001, Донецьк, вул. Р. Люксембург, 26, оф. 211.
Тел./факс: (062) 305-50-13; www.yugo-vostok.com.ua
e-mail: zakaz@yugo-vostok.com.ua; dakindeev@yandex.ru
Свідоцтво про держреєстрацію:
серія ДК №1224 від 10.02.2003 р.